

ISSN 2500-2872

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2019, №4

Japanese Studies in Russia

**日
本
研
究**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
www.ifes-ras.ru

Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»
www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: ИДВ РАН, Ассоциация японоведов.

URL: <http://japanjournal.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 68910 от 7 марта 2017 г., выдано Роскомнадзором.

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Отрасли науки:

07.00.00 Исторические науки и археология

08.00.00 Экономические науки

23.00.00 Политология

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., академик РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гордон Эндрю (США), проф.; Гришачев С.В., к.и.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Иванов О.П., д.полит.н.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.; Крупянко М.И., д.полит.н.; Лузянин С.Г., д.и.н.; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симония Н.А., академик РАН; Симотомай Нобуо (Япония), проф.; Стоквин Артур (Великобритания), проф.; Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Стрельцов Д.В., д.и.н. (гл. редактор)

Редакция: Белилина Е.В.; Горчакова Т.Е., к.э.н.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Кириченко М.А.; Нелидов В.В., к.и.н.; Суркова Т.И. (зав. редакцией); Шпорт Ю.А.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

**Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences
(IFES RAS)**

www.ifes-ras.ru

**Non-profit organization
«Association of Japanologists»**

www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical “Japanese Studies in Russia” has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, NPO Association of Japanologists.

URL: <http://japanjournal.ru>

Media registration number (in the Russian Federation):

ЭЛ № ФС 77 – 68910, issued on 7 March 2017 by Roskomnadzor.

Included in Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Included in Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Branch of science
(in the Russian
Federation):

07.00.00 History and
Archaeology

08.00.00 Economics

23.00.00 Political
Science

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Academician of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Grishachev Sergei V., PhD (History); Ivanov Oleg P., DSc (Political Science); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Krneta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Krupyanko Mikhail I., DSc (Political Science); Luzianin Sergei G., DSc (History); Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yuri S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Simoniya Nodari A., DSc (History), Academician of the RAS; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Vojtishchik Elena E., DSc (History)

Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Streltsov Dmitry V., DSc (History) (*Editor-in-chief*)

Editors Office: Belilina Elena V.; Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Kirichenko Mariya A.; Nelidov Vladimir V., PhD (History); Shport Yulia A.; Surkova Tatiana I. (*Head of Editors Office*)

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2500-2872

© Team of authors

© IFES RAS

© Association of Japanologists

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2019, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

Муратшина К.Г. Япония и Договор о запрещении ядерного оружия	6
Кужель Ю.Л. Миссия японцев в Новую Испанию и Европу в годы Кэйтё.....	24
Синицын А.Ю. Коллекция В.Л. Сорошевского (МАЭ № 831) как первая в отечественной этнографии целевая подборка визуально-иллюстративных и предметно-тематических материалов по традиционным японским фаллическим культам	39
Забережная О.А. «Спор о бессюжетном романе»: литературные дискуссии Акутагавы и Танидзаки	60
Дьячков И.В. Историческая память и политика: проблема «женщин для комфорта» в современных южнокорейско-японских отношениях	72
Стрельцов Д.В. «Система 1955 года» как уникальный исторический феномен.....	88
Кульнева П.В. Место исторической памяти в восприятии Китая японским обществом.....	103
Пак Б.Б. Насильственное установление японского протектората над Кореей и усилия российской дипломатии по восстановлению суверенитета Кореи	120
Библиографический перечень публикаций в журнале «Японские исследования» за 2019 год	151

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2019, No. 4

CONTENTS

Muratshina K.G. Japan and the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons	6
Kuzhel Yu.L. Japanese mission to New Spain and Europe in the Keicho Years	24
Sinitsyn A.Yu. The W.L. Seroshevsky collection (MAE No. 831) as the first targeted acquisition of visual and thematic materials on Japanese traditional phallic cults in Russian ethnography.....	39
Zaberezhnaya O.A. The “Plotless Novel” debate: literary discussion between Akutagawa Ryunosuke and Tanizaki Jun’ichiro.....	60
Dyachkov I.V. Collective memory and politics: “Comfort women” in current relations between South Korea and Japan	72
Streltsov D.V. The System of 1955 as a unique historical phenomenon	88
Kulneva P.V. The place of historical memory in perception of China by Japanese society	103
Pak B.B. Forcing Japanese protectorate over Korea and Russian diplomacy efforts to restore Korean sovereignty	120
The bibliographic list of publications in “Japanese Studies in Russia” for 2019.....	151

Японские исследования. 2019. № 4. С. 6–23.

Japanese Studies in Russia, 2019, 4, pp. 6–23.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10025

Япония и Договор о запрещении ядерного оружия^{*}

К.Г. Муратшина

Аннотация. В статье рассматривается отношение Японии к Договору о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО), который был внесён в повестку дня ООН в 2017 г. Позиция Японии привлекает к себе внимание в связи с её неординарностью и даже уникальностью. Несмотря на собственный опыт страны – жертвы атомных бомбардировок и наличие широких общественных настроений в пользу запрещения ядерного оружия, Токио отказывается подписывать Договор о запрещении ядерного оружия. Однако отказ от подписания ДЗЯО не согласуется и с активным участием Японии в международном режиме нераспространения ядерного оружия.

Поскольку Япония является одним из крупных и авторитетных членов мирового сообщества и одновременно пороговым государством, обладающим передовыми ядерными технологиями и способным в кратчайшие сроки перевести свою мирную ядерную программу на военные рельсы, её позиция по вопросу ДЗЯО может иметь значимые последствия для режима нераспространения ядерного оружия в Азии.

Автор приходит к выводу, что Япония продемонстрировала недвусмысленный отказ от подписания ДЗЯО, несмотря на все факторы, которые могли бы способствовать обратному. Однако при этом японская позиция сохраняет определённую двойственность, поскольку Токио считает необходимым сохранение международных режимов ограничения ядерного оружия и всеобщего ядерного разоружения. С одной стороны, Япония является одним из основных союзников США, находится под американскими гарантиями безопасности и защищена от внешних угроз американским «ядерным зонтиком», а, следовательно, встроена в глобальную систему ядерного сдерживания. С другой стороны, в японском обществе имеется широкая поддержка идей нераспространения ядерного оружия и его запрещения, которую демонстрируют антиядерные неправительственные организации. Как следствие, в своей политике по отношению к ДЗЯО Япония занимает непоследовательную позицию, предполагающую опору на «ядерный зонтик» США в политике обеспечения военной безопасности и одновременно активное участие в международном движении за ядерное разоружение.

Ключевые слова: Япония, Договор о запрещении ядерного оружия, нераспространение ядерного оружия, международные режимы, неправительственные организации, разоружение, Подготовительный комитет Обзорной конференции ДНЯО.

Автор: Муратшина Ксения Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет. E-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru

^{*} Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-014-00033 «Многостороннее взаимодействие в рамках режима ядерного нераспространения и национальные интересы России в контексте инициативы по запрещению ядерного оружия».

Japan and the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons*

K.G. Muratshina

Abstract. The article discusses the attitude of Japanese government towards the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons (TPNW), which was introduced in the United Nations' agenda in 2017. The case of Japan is special and even unique, due to the fact that, in spite of its historical experience of atomic bombings and the position of its civil society, which supports the idea of a nuclear ban, Tokyo refuses to sign the Treaty. Moreover, the rejection of the TPNW does not correlate with Japan's active participation in the international nuclear non-proliferation initiatives.

As far as Japan is undoubtedly an influential member of world community and a threshold state, possessing advanced nuclear technologies and ready to transform its peaceful nuclear program into a military one, its position regarding the TPNW can have a significant impact on the prospects of the nuclear non-proliferation regime in Asia.

The author concludes that Japan has demonstrated an obvious refusal to sign the TPNW, in spite of all factors which could have produced the alternative position. However, its views remain ambiguous, as Tokyo adheres to international nuclear non-proliferation regimes and comprehensive nuclear disarmament. On the one hand, Japan is one of the U.S.' main allies, remaining under the U.S. security guarantees, being protected by the U.S. nuclear umbrella from external threats, and incorporated in the global system of nuclear deterrence. On the other hand, there is certain support for ideas of nuclear non-proliferation and prohibition of nuclear weapons in Japanese society, which is demonstrated by the activity of Japanese anti-nuclear non-governmental organizations. Consequently, in relation to the TPNW, Japan demonstrates an inconsistent course, involving the reliance on the U.S. nuclear umbrella in order to provide its security and active participation in the international nuclear non-proliferation initiatives simultaneously.

Keywords: Japan, the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons, nuclear non-proliferation, international regimes, non-governmental organizations, disarmament, Preparatory Committee for the NPT Review Conference.

Author: Muratshina Ksenia G., Candidate of Sciences (History), Associate professor, Ural Federal University. E-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru

Открытие к подписанию на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 20 сентября 2017 г. Договора о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО) стало результатом многосторонней инициативы неядерных государств (НЯОГ) и антиядерных неправительственных организаций (НПО) [Sign the nuclear ban]¹. Эта инициатива в настоящее время продолжает широко обсуждаться в академических кругах и политических институтах режима нераспространения ядерного оружия. Договор налагает на страны, принимающие его условия, обязательство не иметь, не использовать, не производить, не приобретать и не размещать ядерные вооружения, а все имеющиеся запасы ликвидировать и провести «необратимую конверсию» [Договор о запрещении]. По состоянию на 20 июня 2019 г., Договор подписали 70 государств, из них ратифицировали – 23 [Signature / ratification status]. Против ДЗЯО выступают постоянные члены Совета Безопасности ООН – признанные

* This research was supported by RFBR grant No. 18-014-00033.

¹ Договор вступит в законную силу после того, как его ратифицируют 50 государств.

державы мирового «ядерного клуба», прочие страны, обладающие ядерным оружием (Индия, Пакистан, Израиль и КНДР), а также неядерные страны – члены НАТО и Япония.

В российских и зарубежных академических кругах ведутся дискуссии о юридических аспектах ДЗЯО, его противоречиях с Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и о борьбе интересов в рамках кампании вокруг ДЗЯО [Bortie, Spies, Wan, 2018; Стефанович, 2017; МИД: Москва не станет..., 2017; Михайленко Е.Б., Михайленко В.И., 2017]. В самом общем виде точка зрения России и других государств, обладающих ядерным оружием (ЯОГ), сводится к тому, что запрет на ядерное оружие и его ликвидация таят в себе риски коренного изменения статус-кво, нарушения сложившегося в мире баланса сил и разрегулирования международной системы стратегического сдерживания, которая более полувека успешно предотвращала крупномасштабные вооружённые конфликты мирового масштаба. Неядерные страны НАТО не присоединяются к ДЗЯО в силу коллективного характера альянса – так как ядерные силы США, Великобритании и Франции предоставляют гарантии безопасности всем его членам.

Когда многосторонний Договор о запрещении ядерного оружия был открыт к подписанию, позиция Японии сразу же привлекла к себе внимание. Будучи единственным в мире государством, подвергшимся атомной бомбардировке и поныне продолжающим решать проблемы долгосрочных последствий для здоровья *хибакуся* (лиц, переживших атомную бомбардировку), а также закрепившим в собственной конституции отказ от войны как средства разрешения международных споров, Япония, казалось бы, должна была естественным образом присоединиться к данному договору.

Однако в реальности Токио фактически проигнорировал появление этой инициативы. Например, в Голубой книге по дипломатии за 2018 г. о договоре не сказано ни слова [Japan's Foreign Policy, 2018]. Не упоминался ДЗЯО и в выступлении японской стороны в апреле 2018 г. на заседании Подготовительного комитета в штаб-квартире ООН в Женеве [Statement by H.E. Mr. Taro Kono, 2018]. Наиболее «артикулированным» выражением позиции страны можно считать ответ министра иностранных дел Японии Коно Таро на вопрос журналиста на пресс-конференции в октябре 2018 г.: «Япония ещё ничего не решила. Но мы не думаем о подписании ДЗЯО» [Press Conference, 2018]. Отметим, что и такой ответ всё же оставляет некое пространство для манёвра. Уклончивость высказываний представителя правительства, очевидно, отражает тот факт, что Япония, находясь под «ядерным зонтиком» США, вынуждена маневрировать с целью не утратить поддержку и сохранить свой авторитет среди неядерных государств.

В дальнейшем Япония подтвердила свой отказ от подписания ДЗЯО и проявила двойственность политики в сфере ядерного разоружения в ходе сессии Генассамблеи ООН в декабре 2018 г. Тогда она и ещё 40 стран (ядерные государства, их союзники и партнёры) проголосовали против предложенной Австрией резолюции в поддержку ДЗЯО, призывавшей к скорейшему его подписанию и ратификации всеми государствами, которые ещё не сделали этого [A/RES/73/48]. Однако это был не единственный антиядерный документ, не поддержанный Японией на той сессии. Ещё бóльшую двусмысленность её позиция приобрела после того, как японская делегация воздержалась при обсуждении проекта Конвенции о запрещении применения ядерного оружия [A/RES/73/74]. С учётом исторического опыта жертвы атомной бомбардировки, открытое голосование против выглядело бы слишком эпатажным, поэтому, очевидно, и был избран такой компромиссный

вариант. В качестве «компенсации» на этой же сессии Япония предложила собственную, гораздо более общую и нейтральную резолюцию, призывавшую к всеобщему разоружению, укреплению доверия между государствами и снижению международной напряжённости [U.N. adopts Japan's anti-nuke resolution]. Документ был настолько неконкретным и так тщательно избегал упоминания ДЗЯО, что даже США не стали голосовать против, а лишь воздержались. Против проголосовали только Россия, Китай, КНДР и Сирия [A/RES/73/62].

В феврале 2019 г. на Конференции ООН по разоружению в Женеве японская делегация никак не упомянула ДЗЯО в выступлении, хотя при этом сделала весьма пафосное, практически бессмысленное и ничем не подкреплённое заявление об «ответственности» японского государства за то, чтобы «возглавить международные усилия по уничтожению ядерного оружия» [Statement by H.E. Mr. Kiyoto Tsuji, 2019].

В конце апреля – начале мая 2019 г. в Нью-Йорке состоялась ещё одна сессия Подготовительного комитета обзорной конференции ДНЯО 2020 г. И вновь в речи японского представителя о ДЗЯО не было сказано ни слова, при том, что общая необходимость ядерного разоружения подчёркивалась неоднократно. Взамен этого документа японская делегация рекомендовала всем остальным придерживаться ДНЯО и содействовать вступлению в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), а также делать более прозрачной информацию о своих ядерных программах и способствовать росту доверия в отношениях ядерных и неядерных государств [General Statement, 2019].

Для понимания позиции Японии по ДЗЯО уместно напомнить о юридических рамках, которыми определяется курс этой страны в отношении ядерных вооружений. Эти рамки заданы участием в ДНЯО [Status of the Treaty] и ДВЗЯИ [Comprehensive Nuclear-Test-Ban]. Япония старается позиционировать себя в мировом сообществе в качестве одной из стран, активно выступающих против ядерного оружия [Disarmament and Non-Proliferation]. На официальном уровне она придерживается так называемых трёх неядерных принципов, выдвинутых ещё в 1967 г. премьер-министром Э. Сато: не иметь ядерного оружия, не производить его и не допускать его ввоза на свою территорию [Three Non-Nuclear Principles]. Приверженность страны «трём неядерным принципам» озвучивалась в разные годы в выступлениях японских официальных лиц (например, в заявлениях премьер-министров Э. Сато [Three Non-Nuclear Principles], Ё. Нода [Message by Prime Minister, 2011] и Н. Кана [Address by Prime Minister, 2011]) и фиксировалась в нескольких парламентских резолюциях, хотя формы договорно-правовых обязательств страны «неядерные принципы» так и не обрели. Кроме того, в японско-американском совместном заявлении по ДНЯО 2015 г. была зафиксирована приверженность японской стороны режиму нераспространения ядерного оружия и всеобщего ядерного разоружения [U.S-Japan Joint Statement, 2015].

Между тем в политике Токио в отношении нераспространения ядерного оружия проявляются существенные противоречия. Позиционируя себя в качестве неядерной державы, Япония в своей политике в области безопасности продолжает опираться на «ядерный зонтик» – ядерные гарантии безопасности США [Nuclear Umbrella States]. Так, в случае если Япония подвергнется ядерной атаке со стороны противника, США примут все меры по сдерживанию и нанесут ответный ядерный удар. То же самое касается и нападения с применением неядерных вооружений. В Азиатско-Тихоокеанском регионе такие обязательства распространяются на трёх союзников США – Японию, Южную Корею и Австралию. По сути, эти страны получают такие же гарантии защиты, как и граждане самих

США [Jackson, 2015]. Для Японии эти гарантии стали ещё более актуальными в условиях военных угроз со стороны КНДР, реализующей свою ядерную программу, и усиления напряжённости в отношениях со стремительно растущим в военном отношении ядерным Китаем.

Однако наблюдателями отмечается, что, казалось бы, упомянутые ядерные гарантии США – наиболее значительные, важнейшие, если не сказать исключительные, – тем не менее, не имеют достаточного веса, поскольку представляют собой «обещание защиты в наименее вероятной ситуации». Действительно, ядерная атака со стороны, например, Китая выглядит менее вероятной, чем обострение ситуации в островном споре двух стран в Восточно-Китайском море и стычки по этому вопросу. Однако США в ситуации с Восточно-Китайским морем предпочитают явный нейтралитет либо минимальную поддержку японских заявлений об обладании спорными островами практически исключительно на словах [Jackson, 2015].

Получается, что соседнее государство – Китай – всячески наращивает свою мощь как ядерную, так и в плане неядерных вооружений, не ратифицирует ДВЗЯИ, периодически напоминает соседям о своих территориальных притязаниях, а с точки зрения баланса сил Япония уступает ведущему активную милитаризацию Пекину. Как результат, Япония начинает осуществлять всё более активное военное строительство сама. И хотя пока всё ограничивается неядерными вооружениями, прямой законодательный запрет на обладание ядерным оружием в Японии отсутствует, а в силовом истеблишменте страны достаточно сильны позиции сторонников «ядерного выбора». Не случайно на протяжении нескольких последних десятилетий различные политические силы в Японии выступали с многочисленными заявлениями о допустимости и даже целесообразности обретения собственного ядерного арсенала [Стрельцов, 2010], причём даже (!) после повышения общей озабоченности населения проблемами ядерной безопасности и ухудшения радиационной обстановки в соответствующих районах в результате аварии на АЭС «Фукусима-1» [Kingston, 2012, p. 12].

Многие эксперты, как российские, так и зарубежные, относят Японию к пороговым государствам, которые имеют все технические и экономические возможности для быстрого создания ядерного арсенала [Fuhrmann, Tkach, 2015; Burnie, Smith, 2001; Turner, 2003; Землетрясение в Японии..., 2011; Письмо американских..., 2013]. Помимо передового уровня высокотехнологичных отраслей промышленности, страна обладает таким количеством плутония, которого достаточно для производства как минимум 6000 ядерных боеголовок. По некоторым оценкам, эти объёмы достигают 45 тонн, притом что для производства одного ядерного заряда достаточно 8 кг. Бóльшими декларируемыми запасами располагают только Россия и США, объёмы запасов плутония у Китая неизвестны. Кроме того, Япония имеет средства доставки – ракеты, способные переносить боезаряды на большие расстояния. Возможное время, которое может потребоваться ей для создания ядерного оружия в случае принятия соответствующего политического решения, оценивается в срок от полугода до года [Winn, 2019].

Главной политической силой в Японии, желающей обретения ядерного оружия, являются ультраправые националисты. Если говорить об их представлении в политической жизни страны, то количество организованных групп и сообществ насчитывает порядка тысячи. Они ведут активную пропаганду, пытаются всеми силами донести до людей свои

радикальные идеи. В результате, согласно опросам, сегодня каждый десятый житель Японии выступает за обладание страной собственным ядерным арсеналом [Winn, 2019]. И хотя открытых движений в направлении его создания пока не зафиксировано, Япония нередко оказывалась в центре скандалов, связанных с расщепляющимися материалами и ядерными технологиями, например, с исчезновением более 200 кг плутония [Японские атомщики..., 2003], непредставлением МАГАТЭ информации обо всех имеющихся в стране запасах плутония [МИД КНР..., 2014] и т.д. В ряде западных СМИ появлялись сообщения о неформальных контактах между ядерщиками Японии, Северной Кореи и Тайваня [Hayes, Cavazos, 2015, p. 285]. А некоторые японские политики не стесняются заявлять в интервью журналистам, что от «трёх неядерных принципов» пора «оставить два», разрешив как минимум размещение американских ядерных вооружений на территории Японии [Velloor, 2019].

В то же время Япония проявляет большую активность в международных институтах режима нераспространения ядерного оружия. Например, наряду с Австралией, Канадой, Чили, Германией, Мексикой, Нидерландами, Нигерией, Филиппинами, Польшей, Турцией и Объединёнными Арабскими Эмиратами, Япония с 2010 г. участвует в Инициативе по нераспространению ядерного оружия и ядерному разоружению (Non-Proliferation and Disarmament Initiative, группа NPDI). Данная группа объединяет целый ряд влиятельных неядерных государств из всех регионов мира. В 2010-е годы группой стран – участниц данной инициативы регулярно выпускались различные документы по актуальным вопросам нераспространения ядерного оружия. В их числе, например, предложения по созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия (ЗСЯО), резолюции с осуждением ядерных испытаний КНДР, призывами к снятию ядерных вооружений ЯОГ с боевого дежурства (de-alerting) [Non-Proliferation and Disarmament Initiative] и т.д. Важными направлениями деятельности группы являются следующие: привлечение к ДВЗЯИ максимального числа стран; пропаганда необходимости его подписания и ратификации; регулярный обмен информацией по вопросам нераспространения ядерного оружия; выдвижение требований к повышению прозрачности военных программ ядерных держав [Statement by H.E. Mr. Taro Kono, 2018].

Помимо деятельности в рамках Инициативы по нераспространению, Япония также призывает к распространению информации о последствиях применения ядерного оружия и к расширению образования в области нераспространения ядерного оружия, а также берёт на себя обязательство всемерно развивать эти виды деятельности внутри страны [Statement by H.E. Mr. Taro Kono, 2018]. В 2015–2017 гг. Япония выполняла функции сопредседателя Конференции по содействию вступлению в силу ДВЗЯИ [Казахстан выступит, 2015]. На Обзорной конференции ДНЯО 2015 г. японская сторона, в дополнение к стандартным призывам ко всеобщему разоружению и совершенствованию механизмов его верификации, привлекла в связи с 70-й годовщиной атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки внимание участников к гуманитарным последствиям применения ядерного оружия. Японским представителем были озвучены предложения группы NPDI по обеспечению прозрачности военных программ ЯОГ [Statement by H.E. Mr. Toshio Sano] и от имени 76 государств мира сделано заявление по вопросам образования в сфере нераспространения ядерного оружия.

В список стран, подписавших данное заявление, вошли самые разные государства Европы, Азии, Африки и Латинской Америки – как неядерные, так и обладающие ядерным оружием США и Великобритания. В заявлении говорилось о том, что «мир без ядерного оружия – общая цель всех государств, подписавших ДНЯО», и что одним из важнейших условий этого должно стать развитие образования в сфере нераспространения ядерного оружия и доведение до сведения всех жителей планеты, особенно молодого поколения, информации об угрозах и рисках, связанных с ядерным оружием [Joint Statement on Disarmament and Non-Proliferation Education]. Приверженность изложенным в заявлении идеям была высказана японской делегацией и на сессии Подготовительного комитета Обзорной конференции ДНЯО 2017 г. [Statement by Nobushige Takamizawa; Statement by Ambassador].

При освещении вопроса о позиции официального Токио по ДЗЯО было бы неверно игнорировать позицию японских неправительственных организаций. Эти организации, объединяющие как экспертов, так и общественных активистов, своей активной деятельностью оказывают влияние на правительство и путём прямого воздействия на процесс принятия решений, и за счёт формирования общественного мнения, к которому власти вынуждены прислушиваться.

Наиболее активными из них являются такие организации, как Group of Eminent Persons for Substantive Advancement of Nuclear Disarmament, Peace Depot, Peace Boat, Nagasaki Youth, Японская Ассоциация юристов против ядерного оружия (JALANA), различные сообщества *хибакуся* (например, Hibakusha Appeal, Japan Confederation of A- and H-Bomb Sufferers Organisations, сообщество второго поколения *хибакуся* Japanese Liaison Council of Second-Generation Atomic Bomb Survivors и др.). Также в Японии действует группа активистов, аффилированная с Международной кампанией по запрещению ядерного оружия (ICAN). Активную общественную деятельность ведут и некоторые академические организации. Например, серьёзной величиной в мировом движении за нераспространение ядерного оружия считается Центр исследований по проблемам ликвидации ядерного оружия Университета Нагасаки [Нагасаки Дайгаку]. Деятельность всех этих акторов схожа – продвижение внутри страны инициатив по развитию образования в сфере нераспространения ядерного оружия, пропаганда идей безъядерного статуса страны и всеобщего ядерного разоружения.

Неприятие Японией ДЗЯО отчасти объясняется в подробном докладе Group of Eminent Persons, выпущенном в 2018 г. По мнению авторов доклада, ДЗЯО, при всей своей гуманитарной и политической значимости и соответствии чаяниям и опасениям неядерных стран, не станет эффективным в силу неучастия в нём «ядерной пятёрки». Кроме того, Договор никак не учитывает тех реалий международной безопасности и тех угроз, из-за которых ядерные государства и их союзники (оговорка практически специально для Японии. – К.М.), собственно, и вынуждены прибегать к ядерному сдерживанию. В Договоре, как справедливо отмечают авторы доклада, не расписаны ни механизмы верификации ядерного разоружения, ни меры по его ускорению. Более того, по мнению НПО Group of Eminent Persons, принятие ДЗЯО ведёт к «делегитимации основ международного режима нераспространения ядерного оружия» [Building bridges, 2018, p. 17–18].

На Препкоме-2018 Group of Eminent Persons провела специальный брифинг. В заявлениях экспертов – представителей организации прозвучали идеи «несовместимости

ядерного оружия с нормами международного гуманитарного права», важности совместной работы по оценке угроз режиму нераспространения ядерного оружия, необходимости выдвижения практических предложений о повышении эффективности режима к Обзорной конференции–2020, необходимости сохранения «духа ДНЯО», повышения прозрачности технических аспектов военных программ ЯОГ, снижения роли ядерных вооружений в национальных доктринах безопасности и акцептуализации в этих доктринах такого понятия, как «безопасность человека» (human security), которое должно постепенно заменять понятие «национальной безопасности» (national security). Однако относительно ДЗЯО было сказано лишь, что «не стоит оценивать его как однозначно хороший или однозначно плохой». Главное, по мнению экспертов японской НПО, – это то, что он создаёт «международную среду для обсуждения проблемы».

Более положительная оценка ДЗЯО представлена в распространявшемся на заседаниях Препкома аналитическом докладе Японского института изучения международных отношений о проблемах нераспространения ядерного оружия Hiroshima Report 2018. ДЗЯО оценивается как первая в истории попытка законодательно запретить ядерное оружие и как пример проявления роли гражданского общества в международных процессах. В то же время в докладе подчёркивается тот факт, что Договор ратифицировало малое количество стран, и что страны «ядерного клуба» отказались от ведения каких-либо переговоров по документу [Hiroshima Report].

Автором данной статьи были также собраны комментарии относительно позиции Японии по ДЗЯО и от других представителей японских академических кругов и гражданских активистов. Например, профессор Университета Нагасаки Хиросэ Сатоси отметил, что ДЗЯО появился «слишком рано», он «не полон», что есть ещё много лакун, и, прежде всего, нет конкретных параметров верификации выполнения обязательств. Роль Договора оценивается данным специалистом лишь как символическая, проявляющаяся в основном тем, что он «стигматизирует» ядерное оружие. По сравнению с прочими многосторонними договорами, касающимися контроля в отношении ОМУ (Конвенцией о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, и Конвенцией о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении, вступившими в силу, соответственно, в 1975 и в 1997 г.), ДЗЯО представляет собой «скелет без костей и мышц», и в настоящее время не видно никаких перспектив его доработки. Сама Япония, как замечает С. Хиросэ, «ненавидит ядерное оружие в принципе», но поскольку сохраняется реальная опасность, связанная, прежде всего, с угрозами со стороны КНДР, Японии необходим «ядерный зонтик» США. Исследователь также признаёт, что в ультраправых кругах Японии есть ядерные амбиции. Кроме того, по мнению С. Хиросэ, важным фактором позиции Японии является милитаризация Китая, который увеличивает свою военную мощь в первую очередь из-за своих внутренних причин: председатель КНР Си Цзиньпин стремится к тому, чтобы, с одной стороны, обеспечить поддержку народа за счёт экономического роста страны, с другой – не допустить излишней независимости своих граждан, которые должны во всём полагаться на государство и Компартию. Опасность представляет и распространение в КНР радикального национализма [Интервью С. Хиросэ, 2018].

По мнению ещё одного исследователя из Университета Нагасаки, профессора Судзуки Тацудзиро, причина отказа от подписания ДЗЯО – в том, что «японское правительство

считает систему ядерного сдерживания необходимой из-за сложности международной среды в Северо-Восточной Азии». Япония полагается на роль США в окончательном урегулировании проблемы ядерной программы КНДР и категорически не доверяет декларациям Китая о его отказе от возможности превентивного ядерного удара. Принцип отказа Японии от ядерных вооружений не является юридическим обязательством. С точки зрения закона, замечает Т. Судзуки, даже размещение американского ядерного оружия в Японии нельзя полностью исключить: «Американцам нельзя ввозить ядерное оружие на японскую территорию, но японское правительство откажет, только если они спросят его разрешения, а в действительности США не сообщают досконально о содержимом каждого корабля». ДЗЯО в этих условиях, по мнению Т. Судзуки, вызывает у японского общества уважение как инициатива с большим потенциалом, заслужившая поддержку многих НЯОГ, но тем не менее Япония вряд ли когда-либо может подписать его [Интервью Т. Судзуки, 2018]. Кстати, можно заметить, что в дополнение к угрозе со стороны Китая и КНДР Япония также выражает озабоченность наличием ещё двух ядерных государств в относительной близости от себя, в одном регионе – Азиатско-Тихоокеанском, – Индии и Пакистана. В частности на Препкоме-2018 японская делегация призвала стремиться к тому, чтобы оба они вступили в будущем в ДНЯО как неядерные государства, то есть фактически потребовала их разоружения [Statement by Ambassador Mitsuru Kitano, 2018].

Возвращаясь к мнениям японских активистов, стоит упомянуть также, что координатор группы Peace Depot Ямагути Дайсукэ считает, что причина отказа Японии от подписания ДЗЯО – в том, что в вопросе нераспространения ядерного оружия в стране сложилось чёткое разделение: есть позиция гражданского общества (за разоружение во всём мире, отказ от ядерного оружия и подписание ДЗЯО), и есть позиция государства (за мировую систему ядерного сдерживания). Позиция государства обусловлена наличием угроз извне, исходящих главным образом от Северной Кореи и Китая. Хотя, делает оговорку японский активист, нельзя приписывать взгляды китайского партийного и военного руководства в вопросе наращивания вооружений всему китайскому народу, поскольку «люди в Китае лишены свободы слова. Возможно, гражданское население думает иначе» [Интервью Д. Ямагути, 2018].

Схожее мнение относительно позиции японского государства по ДЗЯО высказывает координатор ICAN в Японии Кавасаки Акира, являющийся одновременно и членом Peace Boat: хотя Договор «соответствует чаяниям тех, кто имел несчастье как-либо испытать воздействие ядерного оружия на себе», у японской ядерной политики, по словам активиста, – «два лица»: то, которое принадлежит Хиросиме, Нагасаки и другим региональным центрам вместе с их руководителями, и то, которое принадлежит Токио, представителям правительства, дипломатического корпуса. Первые поддерживают идеалы всемирного ядерного разоружения, вторые представляют совершенно конкретный политический курс – курс страны, состоящей в союзе с США. Именно они декларируют, что Япония не подпишет и не ратифицирует ДЗЯО в обозримом будущем, несмотря на «нормативную» роль ДЗЯО, «давление общественного мнения» и его значение в «стигматизации» ядерного оружия, которое пока является в массовом сознании «символом величия государства», но несёт опасность «нечеловеческих страданий». «Ядерный зонтик» США, в свою очередь, необходим Японии в условиях наличия угроз со стороны Китая и Северной Кореи, хотя, по

мнению А. Кавасаки, Китай вряд ли будет воевать с Японией, поскольку зависит от неё и «не сможет развиваться без сотрудничества с ней» [Интервью А. Кавасаки, 2018].

Представители НПО, по их отзывам, пытаются оказывать давление на японское правительство, однако принципиальных изменений позиции нет. Работают они и с мировым общественным мнением: так, в ходе Препкома-2018 петиции в поддержку ДЗЯО распространяли среди делегатов такие японские НПО, как Hibakusha Appeal, Japan Confederation of A- and H-Bomb Sufferers Organisations, «Mayors for Peace», а также небезызвестная религиозная организация Сока Гаккай.

Несоответствующей общественному мнению считают позицию правительства в отношении ДЗЯО и представители японских СМИ. На Препкоме-2018 г. в неформальных беседах с автором они отмечали, что позиция Японии выглядит «странной», но в то же время высоко оценивали работу НПО по формированию антиядерных идей в обществе. За рамками Препкома можно также привести примеры публикаций в СМИ, в которых высказывается осуждение избранной японским государством позиции отказа от подписания ДЗЯО [Какугунсюку до:ко:, 2018; Japan on the wrong side, 2017] и отслеживаются кампании японских антиядерных НПО [Пи:су бо:то кикоку, 2018].

* * *

Оставаясь активным участником международного режима нераспространения ядерного оружия, Япония тем не менее не присоединяется к инициативе по запрещению ядерного оружия и всеми способами демонстрирует отказ от подписания ДЗЯО. Об этом можно судить несмотря на то, что в официальных заявлениях представители японского правительства обходят вопрос о ДЗЯО и открыто и категорично не заявляют об отказе от его подписания. Парадоксальность ситуации состоит в том, что Япония испытала на себе последствия атомных бомбардировок, ещё живы часть *хибакуся*, проблемы со здоровьем испытывает и второе их поколение; наконец, в стране действует ряд неправительственных организаций антиядерных активистов, но ничто из вышеперечисленного не может заставить японское государство изменить свою позицию.

Причиной, на которую не в силах повлиять японское гражданское общество, остаётся то, что Япония состоит в военном союзе с США, зависит от них и подтверждает своё нахождение под гарантиями безопасности США. Отказаться от этих гарантий она не готова и вряд ли будет готова в обозримом будущем, в силу наличия угроз её безопасности, или рисков, которые она сама интерпретирует как угрозы. Таким образом, Япония продолжает сочетать в своей политике в сфере нераспространения ядерного оружия определённую двойственность и оставляет для себя пространство для манёвра, поддерживая менее значимыми инициативами имидж борца за безъядерный мир и одновременно следуя собственным интересам безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Договор о запрещении ядерного оружия. Полный текст на русском языке // ICAN official website. URL: <http://www.icanw.org/wp-content/uploads/2017/07/TPNW-Russian1.pdf> (дата обращения: 15.03.2018).

Землетрясение в Японии – результат неудачного ядерного подземного испытания // Фонд стратегической культуры. 04.04.2011. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2011/04/04/zemletrjajenie-v-japonii-rezultat-neudachnogo-ispytaniya.html> (дата обращения: 05.04.2011).

Интервью А. Кавасаки автору. Женева, 26.04.2018.

Интервью Д. Ямагути автору. Женева, 26.04.2018.

Интервью С. Хиросэ автору. Женева, 26.04.2018.

Интервью Т. Судзуки автору. Женева, 02.05.2018.

Казахстан выступит сопредседателем конференции в Нью-Йорке о запрете ядерных испытаний // TengriNews. 23.02.2015. URL: http://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kazakhstan-vyistupit-sopredsdatelem-konferentsii-nyu-yorke-270570/ (дата обращения: 28.10.2015).

Какугунсюку до:ко: хё:ка Нихон 12 и ни ко:тай : [Япония опустилась в мировом рейтинге ядерного разоружения на 12 позиций] // Майнити. 10.04.2018. URL: <https://mainichi.jp/articles/20180410/ddm/041/040/096000c> (дата обращения: 20.10.2018).

МИД КНР потребовало от Японии объяснений по поводу сокрытия информации о плутонии от МАГАТЭ // Синьхуа. 09.06.2014. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2014-06/09/content_32615415.htm (дата обращения: 14.12.2014).

МИД: Москва не станет подписывать Договор о запрещении ядерного оружия // Военное обозрение. 05.10.2017. URL: <https://topwar.ru/126562-mid-moskva-ne-stanet-podpisivat-dogovor-o-zapreshchenii-yadernogo-oruzhiya.html> (дата обращения: 15.03.2018).

Михайленко Е.Б., Михайленко В.И. Подрывает ли Договор о запрещении ядерного оружия режим нераспространения? // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2017. Т. 12. № 4 (170). С. 100–111.

Нагасаки Дайгаку какухэйки хайдзэцу кэнкю: сэнта: : [Центр исследований по проблемам ликвидации ядерного оружия Университета Нагасаки]. (Брошюра, переданная Т. Судзуки автору.)

Пи:су бо:то кикоку, 15ка коку 18 тоси дэ какухэйки хайдзэцу уттаэ : [Активисты Peace Boat возвращаются домой: в акции в поддержку ликвидации ядерного оружия приняли участие 15 стран и 18 городов] // Асахи. 21.08.2018. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASL8P31Y3L8PUTIL006.html> (дата обращения: 20.10.2018).

Письмо американских учёных-атомщиков Обаме // Вестник Азия ИТАР-ТАСС. 16.01.2013.

Стефанович Д. Договор о запрещении ядерного оружия может расшатать ситуацию в Евразии // Евразия-Эксперт. 22.09.2017. URL: <http://eurasia.expert/dogovor-o-zapreshchenii-yadernogo-oruzhiya-evrazii/> (дата обращения: 15.03.2018).

Стрельцов Д.В. «Ядерная дилемма» во внешней политике послевоенной Японии // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 6. С. 56–64.

Стрельцов Д.В. Политика Японии в сфере военной безопасности при кабинетах С. Абэ: новые подходы // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3. С. 21–31.

Японские атомщики потеряли 206 килограммов плутония // Лента.ру. 29.01.2003. URL: <https://lenta.ru/news/2003/01/29/plutonium/> (дата обращения: 18.11.2018).

A/RES/73/48 // United Nations Bibliographic Information System. URL: <http://unbisnet.un.org:8080/ipac20/ipac.jsp?profile=voting&index=.VM&term=ares7348> (дата обращения: 07.01.2018).

A/RES/73/62 // United Nations Bibliographic Information System. URL: <http://unbisnet.un.org:8080/ipac20/ipac.jsp?session=1C468VE085557.8964&profile=voting&uri=full=3100023~!1199252~!0&ri=1&aspect=power&menu=search&source=~!horizon> (дата обращения: 07.01.2018).

A/RES/73/74 // United Nations Bibliographic Information System. URL: <http://unbisnet.un.org:8080/ipac20/ipac.jsp?session=1H4688705CD71.6757&menu=search&aspect=power&npp=50&ipp=20&spp=20&profile=voting&ri=1&source=%7E%21horizon&index=.VM&term=A%2FRES%2F73%2F74&x=0&y=0&aspect=power> (дата обращения: 07.01.2018).

Address by Prime Minister Naoto Kan at the Hiroshima Peace Memorial Ceremony // Speeches and Statements by Prime Minister. 06.08.2011. URL: http://japan.kantei.go.jp/kan/statement/201108/06hiroshima_e.html (дата обращения: 03.10.2018).

Borrie J., Spies M., Wan W. Obstacles to understanding the emergence and significance of the treaty on the prohibition of nuclear weapons // *Global Change, Peace & Security*. 2018. P. 1–25. DOI: 10.1080/14781158.2018.1467394

Building bridges to effective nuclear disarmament. Recommendations for the 2020 Review Process for the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Tokyo, 2018. 54 p.

Burnie Sh., Smith A.M. Japan's nuclear twilight zone // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2001. Vol. 57. No. 3. P. 58–62. DOI: 10.1080/00963402.2001.11460458

Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty (CTBT) // United Nations Office for Disarmament Affairs. URL: <https://www.un.org/disarmament/wmd/nuclear/ctbt/> (дата обращения: 03.10.2018).

Disarmament and Non-Proliferation, Peaceful Uses of Nuclear Technology // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/un/disarmament/index.html> (дата обращения: 03.10.2018).

Fuhrmann M., Tkach B. Almost nuclear: Introducing the Nuclear Latency dataset // *Conflict Management and Peace Science*. 2015. Vol. 32 (4). P. 443–461. DOI: 10.1177/0738894214559672

General Statement by H.E. Mr. Kiyoto Tsuji, Parliamentary Vice-Minister for Foreign Affairs of Japan // Statements. UN Meetings. 29.04.2019. URL: <http://statements.unmeetings.org/media2/21491677/japan.pdf> (дата обращения: 18.07.2019).

Hayes P., Cavazos R. Complexity and Weapons of Mass Destruction in Northeast Asia // *Complexity, Security and Civil Society in East Asia: Foreign Policies and the Korean Peninsula*. Ed. by Hayes P., Yi K. Cambridge: Open Book Publishers, 2015. P. 261–318. DOI: 10.11647/OBP.0059

Hiroshima Report 2018. Tokyo, 2018. 8 p.

Jackson V. Raindrops Keep Falling On My Nuclear Umbrella // *Foreign Policy*. 18.05.2015. URL: <https://foreignpolicy.com/2015/05/18/raindrops-keep-falling-on-my-nuclear-umbrella-us-japan-south-north-koa/> (дата обращения: 20.07.2019).

Japan // Nuclear Threat Initiative. URL: <https://www.nti.org/learn/countries/japan/nuclear/> (дата обращения: 20.10.2018).

Japan on the wrong side of nuclear weapons ban treaty // *Japan Times*. 10.07.2017. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2017/07/10/commentary/japan-commentary/japan-wrong-side-nuclear-weapons-ban-treaty/> (дата обращения: 20.10.2018).

Japan's Foreign Policy to Promote National and Global Interests // *Diplomatic Bluebook* 2018. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000401249.pdf> (дата обращения: 20.11.2018).

Joint Statement on Disarmament and Non-Proliferation Education, Delivered by H.E. Toshio Sano, Ambassador, Permanent Representative of Japan to the Conference on Disarmament. The 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons // Statements. UN Meetings. 06.05.2015. URL: <http://statements.unmeetings.org/media2/4658683/joint-statement-on-disarmament-and-non-proliferation-education-2015npt-revcon-final-.pdf> (дата обращения: 07.01.2018).

Kingston J. Japan's Nuclear Village // The Asia-Pacific Journal. 2012. Vol. 10. Issue 37. No. 1. P. 1–23.

Message by Prime Minister of Japan to the Global Zero Summit // Prime Minister of Japan and His Cabinet. 11.10.2011. URL: http://japan.kantei.go.jp/noda/statement/201110/11message_e.html (дата обращения: 03.10.2018).

Non-Proliferation and Disarmament Initiative // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/un/disarmament/npdi/index.html> (дата обращения: 18.11.2018).

Nuclear Umbrella States. A brief introduction to the concept of nuclear umbrella states // ILPI Nutshell Paper. 2011. № 4. P. 1–2. URL: <http://nwp.ilpi.org/wp-content/uploads/2015/03/NP04-11-UmbrellaStates.pdf> (дата обращения: 02.04.2019).

Press Conference by Foreign Minister Taro Kono. Tuesday, October 23, 2018 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/press/kaiken/kaiken4e_000562.html (дата обращения: 19.12.2018).

Sign the nuclear ban treaty // ICAN official website. URL: <http://www.icanw.org/campaign-news/sign-the-nuclear-ban-treaty/> (дата обращения: 15.03.2018).

Signature / ratification status of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // ICAN official website. URL: <http://www.icanw.org/status-of-the-treaty-on-the-prohibition-of-nuclear-weapons/> (дата обращения: 20.06.2019).

Statement by Ambassador Mitsuru Kitano // Statements. UN Meetings. 08.05.2017. URL: <http://statements.unmeetings.org/media2/14684482/japan.pdf> (дата обращения: 07.01.2018).

Statement by Ambassador Mitsuru Kitano. Cluster II specific issue // Statements. UN Meetings. 30.04.2017. URL: <http://statements.unmeetings.org/media2/18559684/japan-cluster-ii-specific-issue.pdf> (дата обращения: 13.05.2018).

Statement by H.E. Mr. Kiyoto Tsuji, Parliamentary Vice-Minister for Foreign Affairs of Japan // 2019 High Level Segment of the Conference on Disarmament. 27.02.2019. URL: [https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/\(httpAssets\)/7A3E1731213E4E95C12583AE004A345F/\\$file/Japan+for+website.pdf](https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/7A3E1731213E4E95C12583AE004A345F/$file/Japan+for+website.pdf) (дата обращения: 01.04.2019).

Statement by H.E. Mr. Taro Kono, Minister for foreign affairs of Japan // Statements. UN Meetings. 24.04.2018. URL: http://statements.unmeetings.org/media2/18559219/japan-printer_20180424_114638-1-.pdf (дата обращения: 30.06.2018).

Statement by H.E. Mr. Toshio Sano, Ambassador, Permanent Representative of Japan to the Conference on Disarmament at the NPT Review Conference in 2015 Meeting of Main Committee I // Statements. UN Meetings. 01.05.2015. URL: <http://statements.unmeetings.org/media2/4658082/japan.pdf> (дата обращения: 07.01.2018).

Statement by Nobushige Takamizawa, Ambassador of Japan to the Conference on Disarmament // Statements. UN Meetings. 04.05.2017. URL: <http://statements.unmeetings.org/media2/14684354/japan-cluster-1-disarmament-statement-japan-4-may-.pdf> (дата обращения: 07.01.2018).

Status of the Treaty // United Nations Office for Disarmament Affairs. URL: <http://disarmament.un.org/treaties/t/npt> (дата обращения: 03.10.2018).

The Adoption of the Draft Resolution on Nuclear Disarmament submitted by Japan to the Plenary Meeting of the United Nations General Assembly // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/press/release/press1e_000108.html (дата обращения: 20.11.2018).

Three Non-Nuclear Principles // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/un/disarmament/nnp/> (дата обращения: 03.10.2018).

Turner W. D. Japanese Plutonium Stockpiles: A Transportation, Storage, and Public Relations Challenge // *Journal of Environment & Development*. 2003. Vol. 12. No. 1. P. 99–110. DOI: 10.1177/1070496502250441

U.N. adopts Japan's anti-nuke resolution but U.S. abstains // *Japan Times*. 06.12.2018. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/12/06/national/politics-diplomacy/u-n-adopts-japans-anti-nuke-resolution-u-s-abstains/> (дата обращения: 07.01.2018).

U.S.-Japan Joint Statement on the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT) // The White House. 28.04.2015. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/04/28/us-japan-joint-statement-treaty-non-proliferation-nuclear-weapons-npt> (дата обращения: 03.10.2018).

Velloor R. Japan and that look in the eye // *The Straits Times*. 03.11.2017. URL: <https://www.straitstimes.com/opinion/japan-and-that-look-in-the-eye> (дата обращения: 28.04.2019).

Winn P. Japan has plutonium, rockets and rivals. Will it ever build a nuke? // *Public Radio International*. 14.03.2019. URL: <https://interactive.pri.org/2019/03/japan-nuclear/index.html> (дата обращения: 03.07.2019).

REFERENCES

Asahi (2018). Pīsu Bōto Kikoku, 15ka Koku 18 Toshi de Kakuheiki Haizetsu Uttae [“Peace Boat” Returns Home, 15 Countries and 18 Cities Took Part in Nuclear Weapons Abolition Campaign]. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASL8P31Y3L8PUTIL006.html> (accessed: 20 October 2018). (In Japanese).

Borrie, J., Spies, M., Wan, W. (2018). Obstacles to understanding the emergence and significance of the treaty on the prohibition of nuclear weapons, *Global Change, Peace & Security*, 1–25. DOI: 10.1080/14781158.2018.1467394.

Building bridges to effective nuclear disarmament. Recommendations for the 2020 Review Process for the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Tokyo, 2018.

Burnie, Sh., Smith, A.M. (2001). Japan’s nuclear twilight zone, *Bulletin of the Atomic Scientists*, 57 (3): 58–62. DOI: 10.1080/00963402.2001.11460458

Diplomatic Bluebook. (2018). Japan’s Foreign Policy to Promote National and Global Interests. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000401249.pdf> (accessed: 20 November 2018).

Fond strategicheskoi kul’tury (2011). Zemletryasenie v Yaponii – rezul’tat neudachnogo yadernogo podzemnogo ispytaniya [Earthquake in Japan is the Result of Unsuccessful Nuclear Test]. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2011/04/04/zemletrjasenie-v-japonii-rezultat-neudachnogo-ispytaniya.html> (accessed: 5 April 2011). (In Russian).

Fuhrmann, M., Tkach, B. (2015). Almost nuclear: Introducing the Nuclear Latency dataset, *Conflict Management and Peace Science*, 32 (4): 443–461. DOI: 10.1177/0738894214559672

Hayes, P., Cavazos, R. (2015). Complexity and Weapons of Mass Destruction in Northeast Asia, in: *Complexity, Security and Civil Society in East Asia: Foreign Policies and the Korean Peninsula*, ed. by Hayes, P., Yi, K. Cambridge, Open Book Publishers: 261–318. DOI: 10.11647/OBP.0059

Hiroshima Report 2018. Tokyo, 2018.

ICAN. (2017). Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya [The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons]. URL: <http://www.icanw.org/wp-content/uploads/2017/07/TPNW-Russian1.pdf> (accessed: 15 March 2018). (In Russian).

ICAN. (2018). Sign the nuclear ban treaty. URL: <http://www.icanw.org/campaign-news/sign-the-nuclear-ban-treaty/> (accessed: 15 March 2018).

ICAN. (2019). Signature / ratification status of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. URL: <http://www.icanw.org/status-of-the-treaty-on-the-prohibition-of-nuclear-weapons/> (accessed: 20 June 2019).

International Law and Policy Institute. (2011). Nuclear Umbrella States. A brief introduction to the concept of nuclear umbrella states. URL: <http://nwp.ilpi.org/wp-content/uploads/2015/03/NP04-11-UmbrellaStates.pdf> (accessed: 2 April 2019).

Jackson, V. (2015). Raindrops Keep Falling On My Nuclear Umbrella, *Foreign Policy*. URL: <https://foreignpolicy.com/2015/05/18/raindrops-keep-falling-on-my-nuclear-umbrella-us-japan-south-north-koa/> (accessed: 20 July 2019).

Japan Times. (2017). Japan on the wrong side of nuclear weapons ban treaty. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2017/07/10/commentary/japan-commentary/japan-wrong-side-nuclear-weapons-ban-treaty/> (accessed: 20 October 2018).

Japan Times. (2018). U.N. adopts Japan's anti-nuke resolution but U.S. abstains. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/12/06/national/politics-diplomacy/u-n-adopts-japans-anti-nuke-resolution-u-s-abstains/> (accessed: 7 January 2018).

Kingston, J. (2012). Japan's Nuclear Village, *The Asia-Pacific Journal*, 10 (37-1): 1–23.

Lenta.ru. (2003). Yaponskie atomshchiki poteryali 206 kilogrammov plutoniya [Japanese Nuclear Industry Lost 206 Kilograms of Plutonium]. URL: <https://lenta.ru/news/2003/01/29/plutonium/> (accessed: 18 November 2018). (In Russian).

Mainichi. (2018). Kakugunshuku Dōkō Hyōka Nihon 12 I ni Kōtai [Japan Has Gone 12 Positions down in World Non-Proliferation Rankings]. URL: <https://mainichi.jp/articles/20180410/ddm/041/040/096000c> (accessed: 20 October 2018). (In Japanese).

Mikhaylenko, E.B., Mikhaylenko, V.I. (2017). Podryvaet li Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya rezhim nerasprostraneniya? [Does the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons Undermine the Non-Proliferation Regime?], *Proceedings of the Ural Federal University, Series 3 – Social Sciences*, 12 (4): 100–111. (In Russian).

Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2018). Disarmament and Non-Proliferation, Peaceful Uses of Nuclear Technology. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/un/disarmament/index.html> (accessed: 3 October 2018).

Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2018). Non-Proliferation and Disarmament Initiative. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/un/disarmament/npdi/index.html> (accessed: 18 November 2018).

Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2018). Press Conference by Foreign Minister Taro Kono. Tuesday, October 23. URL: https://www.mofa.go.jp/press/kaiken/kaiken4e_000562.html (accessed: 19 December 2018).

Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2018). Three Non-Nuclear Principles. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/un/disarmament/nnp/> (accessed: 3 October 2018).

Nagasaki Daigaku Kakuheiki Haizetsu Kenkyū Sentā [Nagasaki University Research Center for Nuclear Abolition]. Information sheet, given to the author by T. Suzuki. (In Japanese).

Nuclear Threat Initiative. (2018). Japan. URL: <https://www.nti.org/learn/countries/japan/nuclear/> (accessed: 20 October 2018).

Prime Minister of Japan and His Cabinet. (2011). Message by Prime Minister of Japan to the Global Zero Summit. URL: http://japan.kantei.go.jp/noda/statement/201110/11message_e.html (accessed: 3 October 2018).

Speeches and Statements by Prime Minister. (2011). Address by Prime Minister Naoto Kan at the Hiroshima Peace Memorial Ceremony. URL: http://japan.kantei.go.jp/kan/statement/201108/06hiroshima_e.html (accessed: 3 October 2018).

Statements. UN Meetings. (2015). Joint Statement on Disarmament and Non-Proliferation Education, Delivered by H.E. Toshio Sano, Ambassador, Permanent Representative of Japan to the Conference on Disarmament. The 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. URL: <http://statements.unmeetings.org/media2/4658683/joint-statement-on-disarmament-and-non-proliferation-education-2015npt-revcon-final-.pdf> (accessed: 7 January 2018).

Statements. UN Meetings. (2015). Statement by H.E. Mr. Toshio Sano, Ambassador, Permanent Representative of Japan to the Conference on Disarmament at the NPT Review Conference in 2015 Meeting of Main Committee. URL: <http://statements.unmeetings.org/media2/4658082/japan.pdf> (accessed: 7 January 2018).

Statements. UN Meetings. (2017). Statement by Ambassador Mitsuru Kitano. URL: <http://statements.unmeetings.org/media2/14684482/japan.pdf> (accessed: 7 January 2018).

Statements. UN Meetings. (2017). Statement by Nobushige Takamizawa, Ambassador of Japan to the Conference on Disarmament. URL: <http://statements.unmeetings.org/media2/14684354/japan-cluster-1-disarmament-statement-japan-4-may-.pdf> (accessed: 7 January 2018).

Statements. UN Meetings. (2018). Statement by Ambassador Mitsuru Kitano. Cluster II specific issue. URL: <http://statements.unmeetings.org/media2/18559684/japan-cluster-ii-specific-issue.pdf> (accessed: 13 May 2018).

Statements. UN Meetings. (2018). Statement by H.E. Mr. Taro Kono, Minister for foreign affairs of Japan. URL: http://statements.unmeetings.org/media2/18559219/japan-printer_20180424_114638-1-.pdf (accessed: 30 June 2018).

Statements. UN Meetings. (2019). General Statement by H.E. Mr. Kiyoto Tsuji, Parliamentary Vice-Minister for Foreign Affairs of Japan. URL: <http://statements.unmeetings.org/media2/21491677/japan.pdf> (accessed: 18 July 2019).

Stefanovich, D. (2017). Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya mozhet rasshatat' situaciyu v Evrazii [Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons Can Undermine the Balance in Eurasia]. URL: <http://eurasia.expert/dogovor-o-zapreshchenii-yadernogo-oruzhiya-evrazii/> (accessed: 15 March 2018). (In Russian).

Streltsov, D.V. (2010). «Yadernaya dilemma» vo vneshney politike poslevoennoy Yaponii [The Nuclear Dilemma in the Foreign Policy of the Post-War Japan], *MGIMO Review of International Relations*, 6: 56–64. (In Russian).

Streltsov, D.V. (2016). Politika Yaponii v sfere voennoy bezopasnosti pri kabinetakh S. Abe: novyye podkhody [Japan's Policy in the Field of Military Security Pursued by the Abe Governments: New Approaches], *Far Eastern Affairs*, 3: 21–31. (In Russian).

TASS. (2013). Pis'mo amerikanskikh uchenykh-atomshchikov Obame [Letter of American Nuclear Scientists to Obama], e-subscription press-release, 16 October 2013. (In Russian).

TengriNews (2015). Kazakhstan vystupit sopredsdatelem konferentsii v N'yu-Yorke o zaprete yadernykh ispytaniy [Kazakhstan will Act as the Co-President of the Conference on the Nuclear Test Ban in New York]. URL: http://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kazakhstan-vyistupit-sopredsdatelem-konferentsii-nyu-yorke-270570/ (accessed: 28 October 2015). (In Russian).

The author's interview with A. Kawasaki. Geneva, 26 April 2018.

The author's interview with D. Yamaguchi. Geneva, 26 April 2018.

The author's interview with S. Hirose. Geneva, 26 April 2018.

The author's interview with T. Suzuki. Geneva, 2 May 2018.

The United Nations Office in Geneva. (2019). Statement by H.E. Mr. Kiyoto Tsuji, Parliamentary Vice-Minister for Foreign Affairs of Japan. URL: [https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/\(httpAssets\)/7A3E1731213E4E95C12583AE004A345F/\\$file/Japan+for+website.pdf](https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/7A3E1731213E4E95C12583AE004A345F/$file/Japan+for+website.pdf) (accessed: 01 April 2019).

The White House. (2015). U.S-Japan Joint Statement on the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT). URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/04/28/us-japan-joint-statement-treaty-non-proliferation-nuclear-weapons-npt> (accessed: 3 October 2018).

Topwar.ru. (2017). MID: Moskva ne stanet podpisivat' Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya [MFA: Moscow will not Sign the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons]. URL: <https://topwar.ru/126562-mid-moskva-ne-stanet-podpisivat-dogovor-o-zapreshchenii-yadernogo-oruzhiya.html> (accessed: 15 March 2018). (In Russian).

Turner, W. D. (2003). Japanese Plutonium Stockpiles: A Transportation, Storage, and Public Relations Challenge, *Journal of Environment & Development*, 12 (1): 99–110. DOI: 10.1177/1070496502250441

United Nations Bibliographic Information System. (2018). A/RES/73/48. URL: <http://unbisnet.un.org:8080/ipac20/ipac.jsp?profile=voting&index=.VM&term=ares7348> (accessed: 7 January 2018).

United Nations Bibliographic Information System. (2018). A/RES/73/62. URL: <http://unbisnet.un.org:8080/ipac20/ipac.jsp?session=1C468VE085557.8964&profile=voting&uri=full=3100023~!1199252~!0&ri=1&aspect=power&menu=search&source=~!horizon> (accessed: 7 January 2018).

United Nations Bibliographic Information System. (2018). A/RES/73/74. URL: <http://unbisnet.un.org:8080/ipac20/ipac.jsp?session=1H4688705CD71.6757&menu=search&aspect>

=power&npp=50&ipp=20&spp=20&profile=voting&ri=1&source=%7E%21horizon&index=.VM&term=A%2FRES%2F73%2F74&x=0&y=0&aspect=power (accessed: 7 January 2018).

United Nations Office for Disarmament Affairs. (2018). Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty (CTBT). URL: <https://www.un.org/disarmament/wmd/nuclear/ctbt/> (accessed: 3 October 2018).

United Nations Office for Disarmament Affairs. (2018). Status of the Treaty. URL: <http://disarmament.un.org/treaties/t/npt> (accessed: 3 October 2018).

Velloor, R. (2019). Japan and that look in the eye, *The Straits Times*. URL: <https://www.straitstimes.com/opinion/japan-and-that-look-in-the-eye> (accessed: 28 April 2019).

Winn, P. (2019). Japan has plutonium, rockets and rivals. Will it ever build a nuke? *Public Radio International*. URL: <https://interactive.pri.org/2019/03/japan-nuclear/index.html> (accessed: 03 July 2019).

Xinhua. (2014). MID KNR potrebovalo ot Yaponii ob'yasneniy po povodu sokrytiya informatsii o plutonii ot MAGATE [The Chinese MFA Demanded for Japan's Explanation of Plutonium Non-Disclosure to IAEA]. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2014-06/09/content_32615415.htm (accessed: 14 December 2014). (In Russian).

Поступила в редакцию 07.01.2019

Received 7 January 2019

Для цитирования: Муратшина К.Г. Япония и Договор о запрещении ядерного оружия // Японские исследования. 2019. № 4. С. 6–23. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10025

For citation: Muratshina K.G. (2019). Yaponiya i Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya [Japan and the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 4: 6–23. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10025

Японские исследования. 2019. № 4. С. 24–38.

Japanese Studies in Russia, 2019, 4, pp. 24–38.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10026

Миссия японцев в Новую Испанию и Европу в годы Кэйтё

Ю.Л. Кужель

Аннотация. Статья посвящена японской миссии в Новую Испанию (Мексику) и Европу в годы Кэйтё под руководством Хасэкура Рокуэмона Цунэнага, которому досталась слава первого японского дипломата в Европе. Миссию, маршрут которой лежал через Мексику в Испанию и Ватикан, везде сердечно принимали. Это происходило в то время, когда в Японии устраивали гонения на христиан, что явилось одной из причин отказа короля Испании Филиппа III подписать торговое соглашение с Японией, которое было главной целью миссии. Вторым негласным руководителем миссии считался падре-францисканец Сотело, в задачу которого входило склонить католических иерархов Испании, а главное – папу Римского поддержать францисканский орден в Японии, в частности, во владениях Датэ Масамунэ на северо-востоке страны (ист. Осю), послав туда священников-францисканцев, а также выделить средства на строительство церквей и монастырей. Сотело проповедовал в районе нынешнего Токио, а потом в окрестностях г. Сэндай.

Визит в Испанию не дал результатов. Отказ от подписания торгового договора король аргументировал тем, что делегация представляет только северо-восток страны, а не всю Японию, её уполномочил вести переговоры местный феодал Датэ, а не правитель страны сёгун Токугава Хидэтада, который к тому же в 1614 г. издал указ о запрете христианства.

На обратном пути делегация пробыла пять месяцев в Мехико и в апреле 1618 г. на судне «Сан Иоанн Баутиста» с Хасэкура и Сотело на борту пересекла Тихий океан и вошла в гавань Манилы. Хасэкура вернулся в Нагасаки только в 1620 г., где через два года умер от болезни. Отца Сотело, в 1622 г. проникшего в Японию, схватили, а спустя два года он был сожжён на костре. Следующее японское посольство посетило Европу только в 1862 г., после 220-летней изоляции страны.

Ключевые слова: евангелизация, торговый договор, миссия, миссионер, давление, посольство.

Автор: Кужель Юрий Леонидович, доктор искусствоведения, профессор кафедры иностранных языков Московского государственного института индустрии туризма имени Ю.А. Сенкевича. E-mail: korkyr@yandex.ru

Japanese mission to New Spain and Europe in the Keicho Years

Yu.L. Kuzhel

Abstract. The article is devoted to the so-called Keicho Embassy Japanese mission to Europe, led by Hasekura Rokuemon Tsunenaga, who earned broad popularity as the first Japanese diplomat in Europe. Hasekura Rokuemon Tsunenaga was a Japanese samurai and retainer of Date Masamune. In the years 1613

through 1620, Hasekura headed a diplomatic mission to Spain and the Vatican, traveling through New Spain (arriving in Acapulco and departing from Veracruz) and visiting various ports-of-call in Europe. On the return trip, Hasekura and his companions re-traced their route across New Spain in 1619, sailing from Acapulco for Manila, and then sailing north to Japan in 1620. He is conventionally considered the first Japanese ambassador to the Americas and Spain.

Although Hasekura's embassy was cordially received in Spain and Rome, it happened at a time when Japan was moving toward the suppression of Christianity. European monarchs, such as the King of Spain, thus refused the trade agreements Hasekura had been seeking. Hasekura returned to Japan in 1620 and died of illness two years later, his embassy seemingly ending with few results in an increasingly isolationist Japan.

The objective of the Japanese embassy was both to discuss trade agreements with the Spanish crown in Madrid, and to meet with the Pope in Rome. Sotelo, in his own account of the travel, emphasizes the religious dimension of the mission, claiming that the main objective was to spread the Christian faith in northern Japan.

When in April 1616 Hasekura met with the King of Spain for the second time, the king declined to sign a trade agreement on the ground that the Japanese Embassy did not appear to be an official embassy from the Tokugawa ruler of Japan. Japan's next embassy to Europe would only occur in 1862, more than 220 years later and following two centuries of isolation.

Keywords: evangelization, trade agreement, mission, missionaries, suppression, embassy.

Author: Kuzhel Yuri L., Doctor of Science (Art), professor of Foreign Languages Department, Moscow Institute for Tourism Industry n.a. Yu.A. Senkevich. E-mail: korkyr@yandex.ru

Вторая¹ заморская японская миссия в Испанию и Италию через Мексику имела, в отличие от первой, не столько религиозный, духовный характер, сколько чисто прагматический – установление торговых связей с Новой Испанией и превращение г. Сэндай в форпост торговли с этой испанской колонией, а шире – Испанией². Тогда Мексика, точнее Вице-королевство Новой Испании, входившая в состав Испанского королевства, контролировала торговый путь от Манилы до Акапулько. Японцы не могли напрямую торговать с Испанией, а только через Филиппины, доставляя свои товары в порт Манилы и обратно. Положение в сфере испано-японской торговли несколько улучшилось, после того как в 1609 г. испанский галеон «Сан Франциско» на пути в Акапулько потерпел у местечка Ивавада (современная префектура Тиба, г. Ондзюку) крушение, и японские рыбаки спасли триста семьдесят человек, в том числе генерал-губернатора Филиппин Родриго де Виверо (1564–1636), которому удалось встретиться с представителями правительства *бакуфу* 幕府 в Эдо и провести переговоры об установлении торговых связей. Посредником и переводчиком с испанской стороны выступал падре-францисканец Луис Сотело (1574–1624), движимый идеей усиления влияния францисканского ордена, так как иезуиты, по мнению францисканцев, вредили обращению японцев в христианство.

¹ Первая «Миссия молодых японцев в годы Тэнсё» проходила с 1582 по 1590 г.

² Путешествие в Мексику, Испанию, Рим описано в романе Эндо Сюсаку (1923–1996) «Самурай».

Хасэкура Рокуэмон Цунэнага

Луис Сотело беседует с Хасэкура и другими японцами в папском Квиринальском дворце

В июне 1599 г. Сотело отправили через Акапулько на Филиппины для осуществления прозелитической деятельности. На Филиппинах он активно изучал японский язык, что ему потом помогло в осуществлении миссионерства среди местного населения. В отличие от большинства францисканцев, он, как и иезуиты, старался познать японский быт, обычаи, чтобы быть успешным проводником христианских идей. В 1600 г. Папа Климент VIII издал буллу *Operosa Pastoralis*, в которой всем орденам, а не только иезуитам, дозволялось распространять веру в Японии. После въезда в Японию 20 июня 1603 г. слава Сотело-проповедника распространилась по всей Японии, а не только в тех городах, где он служил – Фусими, Эдо [Оидзуми, 1999, с. 13, 14]. Например, за год в Сэндае он крестил тысячу восьмьсот японцев, которых тогда называли *кириситан*. Но сёгуна Токугава Иэясу (1542–1616) больше привлекали способности Сотело вести переговоры, поэтому решили его отправить в Акапулько на построенном японцами под руководством Вильяма Адамса³ судне «Сан Буэна Вентура» и с японским экипажем. Но Родриго де Виверо, сразу невлюбивший Сотело, захотел взять с собой более лояльного падре Алонсо Муньёса. Официальной версией испанской стороны замены переводчика была болезнь Сотело. На первом японском судне «Сан Буэна Вентура», отплывшем 1 августа 1610 г. и пересёкшем Тихий океан, плыли двадцать три японца во главе с купцом из Киото Танака Кацусукэ. Об этом событии даже есть записи, сделанные в «Дневнике Чимальпаина» («Тимальпаин никки») на языке ацтеков (науа) сыном ацтекского вождя, францисканца Доминго Алансиско де Антон Муньён Чимальпаина (1579–1660)⁴, переведённом на испанский язык профессором Государственного

³ Вильям Адамс (1564–1620), первый англичанин, живший в Японии с 1600 г., мореплаватель.

⁴ Индейско-мексиканский историк, священнослужитель, с пятнадцати лет воспитывался во францисканском учебном заведении, автор нескольких книг, охватывающих события с 1589 по 1615 г., часто основанных на рассказах очевидцев. «Дневник» хранится в Париже в Национальной библиотеке.

автономного университета г. Мехико Мигелем Леоном Портилья: «16 октября в четверг пополудни 1610 г. звоном колоколов встречали делегацию из Японии...». Эти сведения можно считать относительно достоверными, так как среди японцев автор дневника находит китайцев, количество прибывших тоже не совпадает с японскими данными [Оидзуми, 1999, с. 15–17]. Делегация в карете вице-короля Луиса де Веласко-младшего⁵ (1539–1617) отправилась в Мехико, где остановилась во францисканском монастыре.

На следующий день, 17 октября 1610 г. японцы имели аудиенцию с вице-королем Веласкесом, который обещал достойный приём на всём пути следования делегации. Веласкес, принадлежавший к родовой знати, уже второй раз назначался на пост вице-короля и был вовлечён в дела по установлению дипломатических и торговых отношений с Японией. Правда, кроме радушного приёма, ничем не мог порадовать делегацию: любые отношения с зарубежными странами были в компетенции фактического правителя Испании герцога Лерма (1552–1625)⁶, поэтому, передав послание от правительства бакуфу, японцам ничего не оставалось делать, как ждать от Лерма ответ. В итоге он не принял предложения японского правительства, сославшись на пустую казну [Оидзуми, 1999, с. 18].

Действительно, это было время политического и экономического кризиса в Испании, которая ещё не оправилась от войны с англичанами и французами и продолжала вести боевые действия с Голландией. За время ожидания некоторые ещё некрещёные японцы из делегации прошли через обряд крещения. 23 января 1611 г. один из японцев крестился и был наречён как дон Алонсо, второй получил имя Лоренсо. На следующий день ряды вновь обращённых в христианство пополнил японец, взявший имя Фелиппе. Не выполнив задачу, поставленную бакуфу, 16 июня делегация во главе с Танака Кацусукэ вернулась в порт Урага на судне «Сан Франциско», но три её члена остались в Мексике. Вместе с японской делегацией плыли несколько испанцев-францисканцев, а также испанский посол, известный исследователь, мореплаватель, он же руководитель экспедиции – Себастьян Вискаино (1548–1624), задачей которого было отыскать в прибрежных водах Японии мифические «Золотые и серебряные острова» – Рико де Оро и Рико де Плата [Оидзуми, 1999, с. 19–20]. Вискаино встречался в Эдо со вторым сёгуном династии Токугава – Хидэтада (1579–1632), а также его отцом Иэясу, который официально передал власть своему сыну, но продолжал править страной. За пренебрежение к японскому придворному этикету Вискаино не вызвал благосклонность у Токугава. У него было задание от своего правительства найти в Японии удобные бухты для стоянки испанских галеонов, курсирующих между Филиппинами и Мексикой. Получив от сёгуна разрешение на такие изыскания, он отправился в район г. Сэндай, где 1 ноября в замке Аоба нанёс визит правителю области Датэ Масамунэ (1567–1636)⁷. Голландцы и англичане воспротивились такому дружескому отношению со стороны японцев, пугая бакуфу тем, что Японии грозит испанское завоевание [Оидзуми, 1999, с. 20–21].

⁵ Он же руководитель Совета по делам Индий (1611–1617), главного органа управления колониями испанских территорий Америки и Азии, законодательное, исполнительное и судебное учреждение.

⁶ Всемогущий фаворит короля Филиппа III, поручившего ему ведение всех государственных дел.

⁷ В своё время богатый *даймё*: 大名 (третье место по доходам после Маэда и Симадзу) Датэ Масамунэ (1567–1636), получил от Токугава Иэясу, который оценил его храбрость и поддержку в решающей битве при Сэкигахара в 1600 г., большие владения на северо-востоке Японии в районе г. Сэндай.

Датэ Масамунэ

Если Сотело был отстранён от участия в первой экспедиции в Мексику, то во втором плавании в Испанию и Италию через Мексику он был одним из основных фигурантов. Посольство Кэйтё (慶長使節), названное так по годам правления императора, снарядил Датэ Масамунэ, который питал особые чувства к францисканскому падре. И Датэ Масамунэ, и Сотело строили честолюбивые, далеко идущие планы. Высокородный богатый самурай хотел взять под контроль торговлю между северо-восточной Японией и Новой Испанией, а также перенять опыт у испанцев по добыче золота и серебра. Его чисто коммерческие амбиции не шли вразрез с прозелитическими идеями Сотело, который в противовес иезуитскому центру в Нагасаки мечтал о создании в этой части страны с центром в Сэндае сферы влияния францисканцев, а сам видел себя епископом Восточной Японии. Датэ Масамунэ рассматривал возможность ведения самостоятельной торговли с Мексикой. А Сотело убеждал Датэ о снаряжении миссии и с религиозными целями, а значит, конечной целью был Рим и встреча с папой.

Среди ста восьмидесяти участников морской экспедиции находились самураи сёгуна во главе с министром флота Мукай Сёгэн Тадакацу (10), купцы (120), францисканцы из группы Сотело, Вискаино, который плыл как пассажир, испанцы и португальцы (40) а также сопровождающие небогатого самурая Хасэкура Рокуэмон Цунэнага (12), ставшего известным на Западе как дон Фелиппе (1571–1622), на которого Датэ возложил основные обязанности по руководству миссией⁸. Тридцать японцев из членов посольства не вернулись на родину, шесть из них осели в Испании, положив начало японской линии в стране под фамилией Хапон.

Датэ слыл самураем, интересующимся техническими и другими достижениями Запада, поэтому галеон «Сан Хуан Баутиста» – «Святой Иоанн Креститель» (первоначальное

⁸ Этой миссии предшествовала неудавшаяся экспедиция (которую возглавлял Сотело, его сопровождали два самурая Датэ), которая имела целью заключить торговое соглашение с Новой Испанией. Судно «Сан Себастьян», построенное по приказу сёгуна и под руководством министра флота Мукай Сёгэн, хорошо знакомого с В. Адамсом, отплыв 9 сентября 1612 г., почти сразу затонуло недалеко от Урага.

название «Датэ мару»), что символично, строили с учётом современного кораблестроения. Сохранились сведения, согласно которым в закладке судна принимали участие восемьсот мастеров-корабелов, шестьсот кузнецов, три тысячи разнорабочих, и за сорок пять дней им удалось спустить судно на воду [Оидзуми, 1999, с. 34]. Делегация отправилась из Цукиноура (сейчас префектура Мияги, уезд Осика) через два океана 28 октября 1613 г., практически за год до указа Хидэтада о запрете христианства. Датэ Масамунэ тогда ещё надеялся на возрождение христианства в Японии, несмотря на его жёстокие преследования со стороны сёгунов Токугава.

25 января 1614 г. судно прибыло в мексиканский порт Акапулько на Тихоокеанском побережье, где более месяца делегация ждала разрешения нового вице-короля маркиза де Гуадалькаса (прав. 18.10.1612 – 14.03.1921) на въезд в столицу. Делегацию принимал вице-король, которому передали послание от Датэ Масамунэ и подарки. Из Японии приходили печальные вести о запрещении христианства, закрытии по всей стране церквей. В Киото сгорело два собора, семьдесят христиан были приговорены к смертной казни. 30 сентября 1613 г. в Эдо обезглавили двадцать восемь *кириситан*, среди которых был и особо преданный христианин знатного происхождения Микаэль Сасада⁹, а также семь, уже в возрасте, самых верных последователей христианства, как «нарушивших указ сёгуна, главных кirisитан». Тем временем, японцы, находившиеся в Мехико, активно переходили в христианство и брали другие имена. 8 мая 2014 г., в Праздник Вознесения, по другим источникам, 29 мая, т.е. в День Сошествия Святого Духа (Пятидесятница), делегация отбыла из Мехико в направлении порта Велакрус на побережье Атлантического океана. 10 июня на судне «Сан Хосе» под командованием генерала флота вице-короля Испании Антонио Окендо (1577–1640) они доплыли до Гаваны, где пробыли несколько дней. Их плавание, но уже на другом военном корабле, продолжилось в сторону Испании, на берег которой в Сан-Лукар-де-Баррамеда (пров. Андалусия) они ступили 5 октября 1614 г. Хасэкура о своём прибытии известил герцога Лерма, а также сообщил о ситуации с христианством на северо-востоке Японии. Но раньше, чем он отправил это письмо, герцог получил послание от вице-короля и Вискаино, где прямо говорилось, что истинная цель японской делегации отнюдь не религиозная, а чисто коммерческая и нельзя верить в искренность намерений японцев и принимать их план. А сам Сотело тоже не внушает доверия и «в своих поступках не осмотрителен» [Оидзуми, 1999, с. 72].

Прибыв в порт Сан-Лукар на юго-востоке страны, судно поднялось по реке Гвадалквивир до крупного центра торговли г. Севилья. Это произошло 21 октября 1614 г. Магистрату города, который первоначально рассчитывал на королевскую субсидию, пришлось взять на себя дорожные расходы японцев, хотя их казна, как и королевская, была пуста. Тем не менее, севильцы снарядили делегацию, обеспечив лошаадьми, повозками, людьми. Юридическое положение посольства было довольно шатким: их послало не правительство бакуфу, а один из даймё, Датэ Масамунэ, хотя влиятельный и богатый. И как укор над ними висел указ Токугава 1614 г. о запрете христианства и гонениях на крещёных.

Король Филипп III (1578–1621), в отличие от своего отца, не сразу встретился с делегацией, разместившейся во францисканском монастыре недалеко от королевского дворца, а только 30 января 1615 г., т.е. через сорок дней после их прибытия в Мадрид.

⁹ Его сын Луис Сасада спустя годы вместе с Сотело принял мученическую смерть.

В послании королю Датэ определял целый свод правил, по которым японцы будут принимать испанские суда, и традиционно просил содействия со стороны испанцев для распространения христианства в его францисканском толковании на землях, подвластных ему. Датэ прямо не высказывал свои истинные намерения, делая упор на религиозной составляющей, но понятно, что это было только средство, а цель – торговые отношения с Мексикой и Испанией. К потерпевшему у берегов Японии судну не будет применяться «береговое право», по которому ранее весь груз присваивался местным населением. В послании оговаривались подробности ремонта судна, строительства нового, размещения экипажа, а также взимание пошлин и т.п. Желая поселиться в Японии Датэ обещал предоставить жильё и выделить землю. Датэ делал реверанс в сторону испанцев: он обещал не допускать на свою территорию граждан Англии и Голландии, находящихся во враждебных отношениях с Испанией. 17 февраля 1615 г. было исполнено давнишнее желание Хасэкура – креститься, что и произошло в церкви при женском францисканском монастыре. Крёстным отцом стал сам герцог Лерма, а крёстной матерью любимая дочь герцога. Хасэкура давно задумывался о переходе в другую веру и во время длительного путешествия под руководством Сотело изучал церковную догматику. Ему, воспитанному в конфуцианских и дзэн-буддийских традициях, нелегко было принять такое решение. Тем более что позиции этой веры значительно ослабли в Японии, точнее на юго-западе страны, но на востоке, не без влияния Датэ, христианство францисканского толка было ещё в силе. Немалую роль сыграло и пребывание в католической Мексике, и окружение испанцев, и посещение монастырей и церквей, и присутствие на церковных праздниках. Но нельзя забывать, что по природе он был самураем, верным своему господину, поручившему ему важную миссию – заключить торговый договор. Хасэкура думал, что имея таких покровителей в лице крёстного отца Лерма, с которым после крещения установились духовные связи, а также короля, испанской аристократии, высших иерархов церкви, путь к конечной цели станет легче. Хасэкура нарекли духовным именем Фелипп-Франциск (имена Лерма и короля).

Хасэкура, прекрасно осознававший, что основная задача их долгосрочного визита – подписание торгового договора, неоднократно обращался к королю, но так и не дождался прямого ответа. Король, выслушав мнение Совета по делам Индий, поставил условие японцам разорвать торговые отношения с Голландией, но письменного подтверждения своего решения не давал. Японцам ничего не оставалось делать, как отправиться в Рим, на отъезд в который король дал добро в апреле после Пасхи. У Сотело были свои цели: он не оставлял надежду получить от папы епископский сан.

До порта отплытия Барселоны делегация проезжала через исторические города старой Испании, тесно связанные с её религиозным прошлым и настоящим. Это были Фрага, Лерида, Сервера, Игуалада, где японцы знакомились с храмовой архитектурой и христианскими преданиями. Одним из самых замечательных соборов, который посетили японцы, была Базилика Нуэстра-Сеньора-дель-Пилар в Сарагосе, посвящённая деве Марии и построенная в месте её явления в 39 г. н.э. апостолу Якову Зеведееву. Они могли видеть главную достопримечательность собора – колонну из яшмы, увенчанную изображением девы Марии с младенцем на руках (XV в)¹⁰.

¹⁰ Сейчас Базилика выглядит иначе: в её архитектуре переплелись готика, барокко, неоклассицизм.

Японцы побывали ещё в одной из самых значимых католических святынь – горном монастыре Монсеррат (1025), символе духовной и религиозной жизни Каталонии и увидели находящуюся там Чёрную мадонну с младенцем на коленях (XII в). Монастырь предстал перед ними во всём великолепии: в 1811 г. он был серьёзно разрушен войсками Наполеона. Там они возносили молитву о благополучном исходе путешествия в Италию, к престолу Папы Римского. Предполагают, что японцы могли слышать известный хор мальчиков, исполнявший с XIII в. церковные григорианские хоралы [Оидзуми, 1999, с. 114–115].

Через г. Марторель 3 октября делегация прибыла в Барселону, один из самых процветающих торговых портов на Средиземноморском побережье Испании. Их принимал уже больной вице-король Каталонии маркиз Альмасан (1611–1615). Японцы посетили францисканский монастырь, Городское управление, музей оружия. В первой декаде октября на двух итальянских фрегатах и испанской бригантине делегация отправилась в Италию. Но из-за шторма им пришлось на двадцать дней задержаться во французском Сан-Тропе, жители которого впервые увидели японцев, тепло их встречали, даже остались записи, содержащие описание внешнего вида необычных гостей [Оидзуми, 1999, с. 116]. Местную аристократию поразило, что японцы едят не пальцами, а палочками и пользуются маленькими шёлковыми платками, которые тут же выбрасывают и с любопытством поглядывают на тех, кто их подбирает. Слух о японцах проник в центр Европы.

Первым портом в Италии, куда вошли суда с делегацией, была Савона, затем японцы переплыли в близлежащую Геную. Ночь они провели в монастыре Сантиссима Аннунциата (основан в 1229 г., с 1508 г. принадлежит францисканцам). Портовый город Чивитавеккья, морские ворота Рима, где 18 октября 1615 г. высадилась миссия Хасэкура, вошёл в историю японо-итальянских отношений, став в 1971 г. городом-побратимом с Исиномаки. Около Ливорно, в Виале Гульельмо, сооружён памятник великому дипломату и путешественнику¹¹. А в Чивитавеккье церковь Японских мучеников, освящённая в 1862 г., украшена фресками японских мучеников, выполненными в XX в. японским художником Лукасом Хасэгава. Фрески в апсиде собора изображают Франциска Ксавье, Франциска Ассизского, Мадонну в кимоно, Санта Фермину, покровительницу города, и Хасэкура Цунэгава, что, по замыслу автора, должно символизировать связи между городами-побратимами, а шире – Востоком и Западом.

В Риме делегацию разместили на Капитолийском холме, колыбели римской цивилизации, во францисканском монастыре Санта-Мария-ин-Арачели. Данный выбор рассматривался как знак глубокого уважения к заморской делегации, поскольку монастырь и церковь при нём считались важным политическим и культовым местом в Риме. Хасэкура и Сотело сразу по прибытии получили неофициальную аудиенцию у папы Павла V (1552–1621) в его резиденции Квиринальском дворце¹².

¹¹ Памятники Хасэкура стоят в Акапулько, при входе в бухту в Гаване, испанском Кория-дель-Рио, в парке Манилы, не говоря о Японии: в Исиномаки, где разбит тематический парк с моделью судна «Датэ мару», и два – в Мияги.

¹² О пребывании миссии в Риме сохранились записи итальянского историка, переводчика Амати Сципион, сопровождавшего делегацию из Мадрида в Рим, «Амати сисэцуки» («Записи Амати о делегации») 1615 г. В дословном переводе с итальянского название иное: «История королевства Осю». Осю – историческое название северо-востока Японии.

Памятник Хасэкура Цунэнага в Виале Гульельмо

29 октября Рим приветствовал гостей, которым было устроено шествие, так называемый въезд в город. Маршрут длиной в два километра начинался от ворот Ангелика, где делегацию сопровождали барабанщики и флейтисты, далее от площади Святого Петра проходил мимо символа Рима замка Сант Анджело, по мосту через Тибр и по старым улицам города. На всём протяжении пути гремели залпы приветственного салюта. Впервые получив такой торжественный, грандиозный приём, Хасэкура предвкушал положительный исход миссии. На 3 ноября была назначена уже вторая, но официальная встреча с папой.

Папа принимал делегацию в апостольском дворце в Ватикане, где самые важные лица – кардиналы сидели на бархатных стульях, а за ними выстроились епископы и падре. Хасэкура с сопровождающими от монастыря Санта-Мария-ин-Арачели ехали в двух каретах, из которых вышли у ворот, поднялись по лестнице и скрылись в маленькой комнате при Климентинском зале, где на Хасэкура надели столу¹³ перед тем, как пригласили в зал приёмов. Преклонив колени, он направился к папскому престолу, поцеловал ступни понтифика. То же самое проделал Сотело. Затем Хасэкура передал личные послания от Датэ Масамунэ на японском и латыни, инкрустированные золотом и серебром, которые сейчас хранятся в Ватиканской библиотеке, и произнёс приветственную речь на японском языке, а Сотело перевел на латынь.

¹³ Элемент католического облачения, представляющий собой шёлковую ленту 5–10 см в ширину и 2 м в длину с нашитыми на концах и середине крестами, надевается как не завязанный шарф.

Датэ писал: «...я желаю, чтобы Вы послали миссионеров францисканской церкви. Я гарантирую, что Вы беспрепятственно постройте церкви, и Ваши миссии будут защищены. Также хочу, чтобы Вы назначили епископа». В послании выражалась просьба через короля посодействовать установлению торговых связей между Японией и Мексикой. В ответе папы содержалась поддержка относительно проповедования христианства в стране, которая только вступает на путь принятия Бога, и был дан совет самому Датэ креститься. Но папа уклонился от прямого ответа о торговле с Мексикой и отправке миссионеров в Японию. [Оидзуми, 1999, с. 128].

20 ноября в Городском совете Рима Хасэкура и другие члены делегации получили звание почётных граждан Рима, о чём есть соответствующий документ. Удостоив такой чести представителей малознакомой, далёкой страны, их поставили в один ряд с великими европейцами, которых тоже в своё время причислили к самым уважаемым римлянам. (Например, философ Монтень 13 марта 1581 г. получил такое же звание.) Этим милость папы по отношению к японцам не ограничилась. Ученик братьев Караччи, Агостине (1557–1602) и Аннибале (1560–1609), живописец Джованни Ланфранко (1582–1647) изобразил Хасэкура, отца Сотело и сопровождающих лиц на фреске в папском дворце Квиринале.

Несмотря на радушный приём и всевозможные почести, японцы не получили от папы ожидаемого ответа о содействии в установлении торговых связей между Востоком Японии и Новой Испанией. Им ничего не оставалось делать, как после восьми месяцев, проведённых в Италии, отправиться в обратный путь. Папа не мог оставить гостей без подарков: они получили чётки, скульптурные изображения христианских святых, а также рекомендательные письма тем правителям, через владения которых делегация будет проезжать, снабдил их деньгами. Покинув Рим 7 января, японцы после Чивитавеккьи посетили Ливорно, а оттуда отправились во Флоренцию, пробыв там до 22 января. Из Ливорно их путь лежал в Геную, где они остановились в том же монастыре Сантиссима Аннунциата. Документально подтверждено, что согласно посланиям Совета по делам Индий и желанию короля, делегация не должна была заезжать в Мадрид, а ехать прямо в Севилью, не получив дополнительных средств на путевые расходы. Из беседы посла Испании в Риме стало ясно, что японцы не удовлетворены исходом визита, так как основная цель, связанная с торговлей с Новой Испанией, не достигнута [Оидзуми, 1999, с. 144–145]. Но в апреле 1616 г. делегация, вопреки не явно выраженной воле короля, всё-таки направилась в Мадрид, где ей не только не собирались оказывать надлежащие почести, но и настаивали, минуя столицу, отправиться сразу в Севилью. Японцы, всё ещё надеясь получить деньги на дорожные расходы, остановились в пригороде Мадрида во францисканской церкви Сан Педро.

В таких условиях Сотело отправил в адрес Совета по делам Индий меморандум, содержащий ряд просьб. Прежде всего он сообщал, что делегации нужны деньги, просил отправить в Японию восемь францисканских падре, которых он сам выберет, и послать письма председателю Торговой палаты Севильи, вице-королю Мексики, генерал-губернатору Филиппин с указаниями предоставить судно и оказывать делегации содействие. Король среагировал на эти просьбы и приказал магистрату Севильи выделить 1400 дукатов, судно и обеспечить всем необходимым. Вице-королю вменялось дать 1500 дукатов на путь до Манилы и обеспечить пребывание в Мексике. Губернатор Филиппин содействовал

морскому переходу до Японии и вручил делегации 400 дукатов. Но относительно торговли с Мексикой ничего не было сказано. Напрасно Хасэкура ждал положительного решения, откладывая дату отплытия. Под предлогом восстановления здоровья после болезни и ссылаясь на перелом ноги Сотело, Хасэкура принял решение ещё продлить пребывание в Испании и с делегацией переехал в монастырь Божьей Матери Лорето, где провёл вместе с братией в условиях нелёгкой монастырской жизни целый год. 13 июня 1617 г. из Совета по делам Индий пришёл приказ покинуть Испанию. 4 июля 1617 г. делегация выехала из Севильи. Они вспоминали, сколько надежд вселял в них приезд в первый испанский порт Сан-Лукар три года назад. В письме, направленном королем Испании Филиппом в адрес Датэ Масамунэ, кроме обычных слов вежливости, опять не было ни слова о заключении торгового договора – основной задачи миссии. В письме от 30 мая 1617 г. апостольский нунций в Мадриде Антонио Каэтани (1566–1624) сообщал князю Боргезе, что все попытки Хасэкура и Сотело по установлению торговых отношений не имели успеха, а последний даже потерял доверие – «Его заявления – обман» [Оидзуми, 1999, с. 153–154].

Отплыв из Севильи 4 июля 1617 г., Хасэкура и Сотело прибыли в Мехико в середине сентября, откуда Сотело в адрес Совета по делам Индий отправил письмо, в котором он в очередной раз демонстрировал свою преданность Датэ и его делу – наладить торговые связи с Новой Испанией. Он писал, что под защитой Датэ находятся местные христиане, а всего в Японии сейчас более 300 тыс. верующих в Христа. Конечно, у Датэ есть свой интерес в установлении торговых связей, но, без сомнения, это принесёт пользу и японским христианам. Датэ открыто заявлял, что он не приемлет никакую другую религию и выступает против голландцев и иноверцев. Но ему нужна помощь испанской короны. Похожее письмо на следующий день Сотело отправил герцогу Лерма. В нём он, кроме всего прочего, акцентировал внимание на усилении в Японии позиций голландцев и англичан, врагов испанской короны, которым на северо-востоке страны может противостоять только Датэ. Неужели Сотело искренне верил, что в сложившейся в Японии ситуации гонений на кириситан после кончины Иэясу Датэ сможет стать им защитой, как раньше? Скрывал ли он от испанцев истинное положение японских христиан? Возможно, он всё ещё надеялся, что Датэ будет им защитником. В союзе с Датэ он рассчитывал на осуществление своей мечты по дальнейшей евангелизации Японии. В тех условиях Датэ было нелегко противостоять политике бакуфу по отношению к христианам, но, тем не менее, он поощрял распространение францисканских идей на своей территории. В письме к папе Павлу V Датэ признавался в желании принять христианскую веру, но полагал, что сейчас это невозможно [Оидзуми, 1999, с. 183].

Из Акапулько им удалось отплыть только 2 апреля 1618 г., в порт Манилы судно «Сан Хуан Баутиста» вошло 20 июня. Через два дня Хасэкура в письме из Манилы сыну Кандзабуро сообщал о благополучном прибытии и надежде на встречу через год. Но он и его сопровождающие пробыли на Филиппинах полтора года, жили в монастыре Сан Франциско дель Монте. Не осталось документов, проливающих свет на причину столь долгого пребывания в стране. 26 августа 1620 г. Хасэкура попрощался с Сотело, который оставался на Филиппинах, и отплыл на родину. Через семь лет он вернулся в Японию, в Нагасаки, где перед ним предстала невообразимая картина казней *кириситан*. 22 сентября он прибыл в Сэндай, при содействии Датэ получив от правительства разрешение на въезд.

Хасэкура оставался истинным приверженцем христианства, и после его кончины в пятидесятилетнем возрасте 7 августа 1622 г.¹⁴ дело продолжили слуги и родственники: в 1640 г. за нарушение запрета на исповедование христианства у его сорокадвухлетнего сына Рокуэмона Цунэёри конфисковали землю и вынудили сделать харакири (по другой версии, его обезглавили, также убили слугу Ёгоэмона и его жену). В качестве обвинения ему вменили укрывательство слуги Тародзаэмона и его жены, которые сопровождали отца в Европу. Доподлинно неизвестно, исповедовал ли сам Цунэёри христианство, он был мастером дзэн храма Комёдзи. Его младший брат Цунэмити, исчезнув из поля зрения властей, сумел избежать наказания. Но линия наследников Хасэкура не прервалась благодаря выжившему внуку Цунэнобу: сейчас они живут в преф. Мияги, г. Сэндай, преф. Акита и близлежащих окрестностях.

Отец Сотело так и не дождался, что его возведут в сан второго епископа Японии (первый, иезуит, священствовал в Фунае). Несмотря на положительное решение папы, этому противился испанский король, опасаясь столкновения между иезуитами и францисканцами. Отца Сотело, с большим трудом в сентябре 1622 г. проникшего на китайском судне в Японию, схватили (его сдали китайцы сразу по прибытии в Японию) и посадили в тюрьму. У него с собой был ответ Филиппа III Датэ Масамунэ. Сотело сам рвался в Японию, хотя филиппинский генерал-губернатор и архиепископ Гарсиа-Серано всячески препятствовали его возвращению в Японию. Этого по известным причинам не хотели и иезуиты, о чём, опасаясь огромного влияния Сотело, Гарсиа Серано писал Генералу Ордена иезуитов в Рим. Если первый раз, в мае 1613 г. Сотело удалось с помощью Датэ вырваться из тюрьмы Кодэмматё в Эдо, куда он попал вместе с *кириситан*, то на этот раз он просидел в тюрьме в Омура два года и в 1624 г. вместе с двумя францисканцами, иезуитом и доминиканцем был сожжён на костре. 7 июля 1867 г. папа Пий IX причислил Сотело к лику блаженных, 25 августа и 10 сентября, в День японских мучеников, его вспоминают в католических церквях.

Но история христианства в Японии не закончилась. Многие ушли в подполье, организовав группы *какурэ* *кириситан* 隠れキリシタン (скрытых христиан), хотя если их обнаруживали, то подвергали тюремному заключению, пыткам и казням. В июле 2014 г. японские учёные обнаружили череп человека, жившего в Японии в начале XVIII в. Местом раскопок стала бывшая тюрьма Кириситан *ясики* в Эдо, где содержались люди, заподозренные в принадлежности к христианам, а человеком, после исследования ДНК зуба и параметров скелета, оказался итальянец-миссионер Джованни Батиста Сидотти (1668–1714). Учёные установили ряд генетических признаков, характерных для уроженцев юга Италии. Кроме Сидотти, в тюрьме содержался старший по возрасту Джузеппе Кьяра (1602–1685)¹⁵. Сицилийский священник Сидотти, узнав о преследовании христиан, отправился с благословения папы Климента XI в Японию, чтобы принять мученическую кончину. По простоте душевной он думал, что переодевшись в японское платье, соорудив соответствующую причёску, легко затеряется среди японцев. Но был моментально обнаружен первым встречным крестьянином и сдан властям. В тюрьме Кириситан *ясики*

¹⁴ Три кладбища претендуют на место его захоронения: на окраине г. Осато (преф. Мияги), храм Энфукудзи (преф. Мияги), храм Комёдзи (там же могила Сотело).

¹⁵ Родился в Палермо, умер в Эдо. Был подвергнут пыткам и стал вероотступником. Женился на японке и взял самурайский титул её умершего мужа.

миссионер неоднократно допрашивался советником при сёгуне, выдающимся учёным Араи Хакусэки (1657–1725), который оценил его ум, знания в области математики, астрономии, географии. Араи очень интересовали сведения о внешнем мире, от которого Япония на двести пятьдесят лет отгородилась в 1639 г. в результате закрытия страны. Араи поверил словам миссионера, что в его планах, как и других посланников папы, не было намерений вмешиваться в политику страны. Казнь была отложена, а Сидотти стали содержать по высшему разряду, как пятерых заключённых по рациону *гонин фути* 五人扶持. Но ему не удалось избежать темницы, поскольку он пытался обратить в христианство двух своих слуг, Тёсукэ и Охару. Сидотти умер в 1714 г., был погребён с уважением к христианским обычаям в гробу. Беседы Араи Хакусэки с Сидотти легли в основу первого тома трактата «Записки об услышанном с Запада» («Сэйё кибун»), а также использовались в пятитомном труде японского ученого «Сборник взглядов и странных рассказов» («Сайран игэн»).

Миссия была одной из попыток донести до европейцев, в частности, жителей, населявших территорию нынешней Португалии, Испании и Италии, правду о христианизации японцев¹⁶. Антропологическая концепция превосходства, считающая нехристиан неполноценными людьми, в Японии не работала, так как европейцы-иезуиты, по их же наблюдениям, здесь встретили организованное общество, обладающее вековыми культурными традициями. Японцы предстали «как очень достойные и культурные люди во всех сферах». Наоборот, европейцы в глазах японцев выглядели варварами, за что получили прозвище *наmbandзин* 南蛮人 – дикари с Юга. Безусловно, японцы, побывавшие в Европе, иначе воспринимали европейцев, носителей другой цивилизации. Миссия посетила Испанию и Италию, когда на смену великой эпохи Возрождения, давшей миру шедевры живописи, архитектуры, научные открытия, активно приходило Новое время.

Эффективная стратегия евангелизации Японии, разработанная и осуществлённая итальянским миссионером А. Валиньяно¹⁷ (1539–1606), доказала свою жизнеспособность на определённом этапе, но с изменением политической ориентации сёгунов Токугава на изоляцию страны была утрачена. Какое-то время иезуиты, как и францисканцы, довольствовались ролью аутсайдеров, поскольку правительственные антихристианские постановления носили частично формальный характер, но в 1638 г. все европейцы-католики были окончательно изгнаны из Японии¹⁸.

Связи Италии и Японии были надолго прерваны и восстановлены только в 1866 г.¹⁹, когда две страны подписали Договор о дружбе, открывший для итальянских судов порты Канагава, Нагасаки и Хакодате. Но между Испанией и Японией отношения не были такими безоблачными. Японцы, исполненные величием и чувством исключительности, объявили

¹⁶ Первой официальной делегацией, посланной в Америку и Европу после реставрации Мэйдзи 1868 г., считается миссия 1871–1873 гг. Ивакура Томоми (1825–1883), которая не смогла выполнить основную задачу – отменить неравноправные договоры со странами Запада. В этом прослеживается некая параллель с неудавшейся миссией Хасэкура, о которой делегация Ивакуры узнала только при посещении Венеции. Но с точки зрения познания Западной цивилизации, технического прогресса и т.п. обе миссии получили полное удовлетворение.

¹⁷ Вдохновитель и организатор первой миссии японских молодых людей в Европу в годы Тэнсё (1573–1592).

¹⁸ Японские христиане ушли в подполье, довольствуясь ролью какурэ кириситан, но упорно сохраняли свою веру, любыми способами маскировались, чтобы не быть разоблаченными. Даже на буддийских кладбищах хоронили единоверцев, устанавливая изображения Девы Марии, имитировавшие бодхисаттву Каннон.

¹⁹ В 1860 г. в порт Нагасаки вошло первое итальянское судно.

Испании войну (1896–1897) за владение испанскими колониями в Тихом океане. В результате подписания Лондонского мирного договора 1897 г. Японии переходили Филиппины, Каролинские и Марианские о-ва, включая о. Гуам и архипелаг Палау.

Христианские общины на Кюсю, долгое время находившиеся в подполье, окончательно вышли из него после 1873 г., когда правительством императора Мэйдзи (прав. 1867–1912) были отменены указы против христианства. Новые лидеры распространения христианства в Японии учли опыт своих предшественников и, кажется, следовали решениям Пятой Генеральной Конгрегации Общества Иисуса (1593–1594) о сотрудничестве с местным населением, интеграции миссионеров в автохтонную культуру нехристианских сообществ. Кроме того, через обучение иностранным языкам привлекали в лоно Церкви молодых японцев, развернули евангелистические программы.

Хасэкура был первым японским послом в Центральной Америке и Европе. Следующее посольство будет послано через 250 лет – в 1862 г.²⁰. Миссия сыграла определённую роль в познании японцами Запада, его духовных, религиозных ценностей. Японцы познакомились с крупнейшими европейскими городами, почувствовали, как велика и многообразна Земля, на которой живут разные народы, осознали свою идентичность, принадлежность к японской культуре и проявили интерес к иной цивилизации.

Стела на месте бывшей тюрьмы Кириситан ясики

²⁰ Первой делегацией в Европу после «открытия Японии» была миссия, возглавляемая младшим советником Департамента иностранных дел при правительстве сёгуната Такэноути Ясунори в 1862 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Вакакува Мидори*. Кватро Рагацци : [Четыре молодых человека]. Токио: Сюэйся, 2014.
- Валиньяно А.* Предупреждения и предостережения по поводу обычаев и нравов, распространенных в Японии // Книга японских обыкновений. М.: Наталис, 1999.
- Диханова-Внуковская Л.А.* Миссионерская деятельность иезуитов в Индии и на Дальнем Востоке в 1541–1603 годах. Автореф. дис. канд. ист. наук. Минск.: БГУ, 2016.
- Китагава Дж.М.* Религия в истории Японии. СПб.: Наука, 2005.
- Оидзуми Коити*. Хасэкура Цунэнага. Кэйтё кэнъё сисэцу но хигэки : [Хасэкура Цунэнага. Трагедия миссии годов Кэйтё в Европе]. Токио: Тюо корон синся, 1999.
- Сики Такасигэ*. Докюменто. Тэнсё сёнэн сисэцу : [Документы. Миссия молодых людей в годы Тэнсё]. Нагасаки: Нагасаки бункэнся, 2010.
- Тиаго Салгуэйро*. Сэнгоку но сёнэн гайкодан хива : [Секретная история зарубежной миссии молодых людей в период Воюющих провинций]. Нагасаки: Нагасаки бункэнся, 2014.

REFERENCES

- Dikhanova-Vnukovskaya, L.A. (2016). Missionerskaya deyatel'nost' iyezuitov v Indii i na Dal'nem Vostoke v 1541–1603 godakh [The Missionary Activity of the Jesuits in India and on the Far East in 1541–1603], Minsk: BSY. (In Russian).
- Kitagawa, Joseph M. (2005). Religiya v istorii Yaponii [Religion in Japanese History], Saint Petersburg: Nauka. (In Russian).
- Oizumi, Koichi (1999). Hasekura Tsunenaga. Keichou ken o shisetsu no higeki [Hasekura Tsunenaga. The Tragedy of the Keichou Mission in Europe], Tokyo: Chyuo koron shinsha. (In Japanese).
- Shiki, Takashige (2010). Dokyumento. Tensho shonen shisetsu [Documents. Mission of Young Men in Tensho Years], Nagasaki: Nagasaki Bunkenshya. (In Japanese).
- Tiago, Salgueiro (2014). Sengoku no Shonen Gaikodan Hiwa [The Secret Story of the Sengoku Boys' Diplomatic Mission], Nagasaki: Nagasaki Bunkensha. (In Japanese).
- Valignano, Alessandro (1999). Preduprezhdeniya i predosterezheniya po povodu obychayev i нравов, rasprostranennykh v Yaponii [Cautions and Warning about Customs of Japan], in *Kniga yaponskikh obyknoveniy* [Japanese Customs], Moscow: Natalis. (In Russian).
- Wakakuwa, Midori (2014). Kuatoro Ragattsi [Four Young Persons], Tokyo: Shueisha. (In Japanese).

Поступила в редакцию 18.04.2019

Received 18 April 2019

Для цитирования: Кужель Ю.Л. Миссия японцев в Новую Испанию и Европу в годы Кэйтё // Японские исследования. 2019. № 4. С. 24–38. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10026

For citation: Kuzhel Yu.L. (2019). Missiya yaponcev v Novuyu Ispaniyu i Evropu v gody Keytyo [Japanese mission to New Spain and Europe in the Keicho Years], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 4: 24–38. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10026

Японские исследования. 2019. № 4. С. 39–59.

Japanese Studies in Russia, 2019, 4, pp. 39–59.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10027

Коллекция В.Л. Серошевского (МАЭ № 831) как первая в отечественной этнографии целевая подборка визуально-иллюстративных и предметно-тематических материалов по традиционным японским фаллическим культам*

А.Ю. Сеницын

Аннотация. Цель данной статьи – рассмотреть предметный состав коллекции В.Л. Серошевского в собрании Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ № 831) как первый в отечественном этнографическом японоведении тематический комплекс материалов, дающих возможность визуальной репрезентации этнокультурного функционирования традиционных японских фаллических культов, неразрывно связанных с ними культов плодородия, а также некоторых аспектов японской гендерной культуры середины XIX в. Рассматриваемая коллекция является результатом собирательской деятельности В.Л. Серошевского во время его командировки в 1903 г. в Японию по заданию Императорского Географического общества и Императорской академии наук. Поступление данной коллекции связано также с научными интересами Л.Я. Штернберга, одного из основателей советской этнографической школы. Специфика коллекции состоит в том, что представляющие её предметы были собраны в период, когда архаичные фаллические культы, некогда функционировавшие как неотъемлемая часть «примордиальной» парадигмы японской этничности, её своеобразный визуальный маркер, в конце XIX – начале XX в. не соответствовали идеологическим концепциям мэйдзийских реформаторов, подвергались преследованиям со стороны японских властей и находились под угрозой исчезновения. Однако эта причина позволила В.Л. Серошевскому приобрести ряд раритетных предметов, которые в последующие периоды заполучить было бы несравненно сложнее. Научный интерес представляют и комментарии В.Л. Серошевского по поводу собранных им предметов. В статье также затрагивается проблема трансформации общественных представлений о возможности / невозможности открытой визуализации аксессуаров фаллических культов в публичном (в т.ч. – в музейном экспозиционном) пространстве. Судьба предметов из данной коллекции являет собой пример подобных изменений.

Ключевые слова: японские фаллические культы, реформы Мэйдзи, гендерная культура, визуализация этничности, коллекция МАЭ № 831, В.Л. Серошевский, Л.Я. Штернберг.

Автор: Сеницын Александр Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Восточной и Юго-Восточной Азии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. E-mail: asin@kunstkamera.ru

* Исследование выполнено за счёт гранта РФФИ № 19-18-00116 «Визуализация этничности: российские проекции науки, музея, кино» (рук. А.В. Головнёв).

The W.L. Seroshevsky collection (MAE No. 831) as the first targeted acquisition of visual and thematic materials on Japanese traditional phallic cults in Russian ethnography*

A.Yu. Sinitsyn

Abstract. The purpose of this article is to consider the subject composition of the collection by V.L. Seroshevsky in Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (“MAE No. 831”) as the first in the Russian ethnographic Japanese studies thematic set of materials enabling visual representation of the cultural and ethnic functioning of traditional phallic and fertility cults, as well as some aspects of the gender culture of the mid. 19th c. Japan. The acquisition was the result of the collecting activity of V.L. Seroshevsky during his expedition to Japan in 1903, sponsored by Emperor’s Geographical Society and the Emperor’s Academy of Sciences. The acquisition reflects the research interests of L.Y. Sternberg, one of the founders of the Soviet ethnographic school. The collection was acquired in the period when phallic cults, once an integral part of the “primordial” paradigm of Japanese ethnicity, suffered suppression from the part of the Meiji authorities and stayed at the very verge of extinction. However, this reason allowed V.L. Seroshevsky to collect a number of very rare items, which in subsequent periods would be much more difficult to acquire. V.L. Seroshevsky’s comments proper on the pieces he collected are valuable ethnographic evidences, too. The article also touches upon the problem of transformation of the approaches (both in Russia and Japan) to the relevant limits for the visualization of phallic cult objects in public space and museum exposition; the fate of this collection presents a vivid example of such transformation.

Keywords: Japanese phallic cults, Meiji reforms, collection MAE No.831, gender culture, visualization of ethnicity, V.L. Seroshevsky, L.Y. Sternberg.

Author: Sinitsyn Aleksandr Yu., Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of East and South-East Asia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences. E-mail: asin@kunstkamera.ru

Цель данной статьи – рассмотреть предметный состав коллекции МАЭ № 831 как первый в собрании Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН – и шире, отечественной этнографии в целом – тематический комплекс материалов, дающих возможность визуальной репрезентации этнокультурной парадигмы функционирования традиционных японских фаллических культов, неразрывно связанных с ними культов плодородия, а также некоторых аспектов гендерной проблематики.

Под «визуальной репрезентацией» здесь понимается конструирование концептуального представления о некоем явлении в целом путём «наглядной» подборки конкретных и значимых (репрезентативных) элементов этого явления. В данном случае речь идёт о создании общего представления о японских фаллических культах по отдельным артефактам, функционировавшим в системе этих культов.

Фаллические культы – явление весьма архаичное; они получили на Японском архипелаге самое широкое распространение начиная ещё с периода Дзёмон (XIV в. до н.э. –

* The research was undertaken with the support of the Russian Science Foundation grant No. 19-18-00116 “The Visualization of Ethnicity: Russian Projections of Science, Museum, Cinema” (Director – A.V. Golovnev).

III в. до н.э.) [Киддер, 2003, с. 57, 89–90] и не утратили своей актуальности до настоящего времени включительно, несмотря на все попытки их дискриминации. Эти культы имеют множество локальных вариантов и самые разнообразные формы проявления; они не сводятся к поклонению сакральным изображениям гениталий божеств или ритуальному использованию подобных изображений. Эти культы так или иначе нашли отражение в японских мифах, в синтоистских и даже некоторых буддийских церемониях, практиках и культовом инвентаре; в традициях придворной аристократии; в народной праздничной культуре; в фольклоре; в традиционной игровой и юмористической культуре; в традиционных искусствах – архитектуре, живописи, гравюре *укиё-э*, поэзии, различных театральных формах и т.д.

В настоящее время в разных районах Японии продолжают функционировать святилища, где в качестве *го-синтай* – «священного вместилища божества» – почитаются разнообразные фаллические символы как естественного, так и рукотворного происхождения. Эти символы, по представлениям японцев, способствуют продолжению рода, фертильности, счастливой семейной жизни; покровительствуют путникам, защищают людей от демонических сил и болезней, а поля – от вредителей [Quehada, 1998, p. 2]. При некоторых святилищах в настоящее время ежегодно устраиваются карнавальные празднества *мацури*¹, во время которых имеют место многолюдные шествия с ритуальным выносом паланкинов *микоси* с установленными на них гигантскими фаллосами и в сопровождении стягов с соответствующими изображениями; разнообразные театрализованные и игровые представления с элементами оргиастической направленности; устраиваются ярмарки с продажей самых разных изделий и сувениров, разносторонне обыгрывающих фаллический символизм.

Однако во второй половине / конце XIX – начале XX в., когда складывались отечественные этнографическая и японоведческая школы, ситуация была совершенно иной. В японской традиции эта эпоха известна как «период Мэйдзи» (1868–1912); за событиями революции *Мэйдзи исин* 1868 г. последовала решительная, но болезненная для традиционалистов смена всей парадигмы социокультурной модели японского общества: упразднение самурайского сословия, реформа образования, реформа письменности, реформа календаря (отмена традиционного дальневосточного и принятие григорианского, что само по себе стало болезненным «актом»), поток культурных заимствований из стран «Запада». Можно сказать, что произошла своеобразная «культурная революция», сопровождавшаяся построением новой, контролируемой «сверху» идеологии «государственного Синто» и жёсткой унификацией и формализацией религиозной жизни японского народа. Мэйдзийское правительство стремилось сформировать таргетированный Западу новый имидж Японии как «цивилизованной нации», соответствующий западным представлениям о критериях «цивилизованности». В связи с этим многие аспекты этнокультурной традиции, не соответствовавшие критериям создателей новой культурной модели, стали рассматриваться как весьма нежелательные в имиджевом отношении «пережитки» эпохи Токугава, подвергались официальным запретам и преследованиям, угасали, уходили в тень или на дальнюю периферию общественной жизни. Архаичные фаллические культы, некогда функционировавшие как неотъемлемая часть «примордиальной» парадигмы японской этничности, выступавшие даже её своеобразным визуальным маркером, попали в число

¹ Например, Канамару-мацури святилища Канамару, г. Кавасаки; Хонэн-мацури святилищ Куманосэ и Тагата-дзиндзя, г. Комаки.

дискриминируемых «пережитков», а их адепты были вынуждены «камуфлировать» объекты поклонения [Ксенофонтова, 1981, с. 79–80].

Таким образом, эта небольшая коллекция, собранная в период, когда дальнейшее «выживание» фаллических культов в Японии казалось весьма сомнительным, стала ценным приобретением как для отечественного этнографического японоведения, так и для МАЭ, ибо подобные экспонаты в его японском собрании до этого представлены не были.

Поступила эта коллекция от В.Л. Серошевского (1858–1945) – польского революционера и общественного деятеля, писателя, путешественника, исследователя Сибири и Восточной Азии, а также собирателя айнских коллекций для МАЭ. Его вклад в собирание японских коллекций оценён меньше – ибо это было периферийной составляющей его собирательской деятельности. Японию В.Л. Серошевский посетил в 1903 г., куда был командирован вместе с Б.О. Пилсудским Императорской Академией наук и Императорским Географическим обществом с целью изучения айнов Хоккайдо и сбора коллекционных предметов, характеризующих их быт и культуру. Кроме о. Хокайдо, Серошевский в 1903 г. имел возможность посетить и другие регионы Японии; в разное время он побывал в таких городах, как Токио, Осака, Киото, Никко, Нагасаки, при этом вёл регулярную переписку с П.П. Семёновым-Тян-Шанским, В.В. Радловым и Л.Я. Штернбергом, отчитываясь о ходе командировки и комментируя обстоятельства собирания некоторых предметов [Дударец, Латышев, 2002, с. 137–145; Дударец, 2006, с. 28–37].

Представляется, что данную коллекцию В.Л. Серошевский целенаправленно собирал именно по просьбе Л.Я. Штернберга, который получил возможность лично посетить Японию лишь за год до смерти, в 1926 г., когда был командирован в Токио для участия в III Тихоокеанском научном конгрессе. Собственно говоря, сама постановка вопроса о приобретении предметов фаллического культа неразрывно связана с научными интересами Л.Я. Штернберга, который по крупицам собирал репрезентативные образцы «пережитков» архаичных культов, сохранившихся у народов Восточной Азии и Сибири, в т.ч. – культов фаллических, рассматривая их как один из характерных для большинства народов этого региона реликтов так называемой первобытной религии.

Научный интерес Л.Я. Штернберга к теме японских фаллических культов подтверждает и то обстоятельство, что в статье «Фаллический культ» для «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (где Штернберг выступил автором первой её части) есть следующий абзац: *«Типической страной Ф. культа, сохранившегося, несмотря на запрещения, до настоящего времени, является Япония. По шинтопатической космогонии даже самые острова япон. архипелага представляют собою не что иное, как гигантские Ф., созданные Ф.-ами. Реальные изображения Ф. и Ктеис находим в божницах, на дорогах»* [Штернберг, 1902, с. 268].

Собранная В.Л. Серошевским коллекция «по фаллическим культам» поступила в МАЭ 17 ноября 1904 г. и была зарегистрирована Б.Ф. Адлером под номером 831. Коллекция изначально состояла, как указывалось в описи, из «8 номеров и 13 предметов». Однако, по нашим подсчётам, реальное число предметов (единиц хранения) – 21. Опись коллекции была составлена Б.Ф. Адлером²:

«1) Каменный *glans penis* (обломок)

² Здесь приводится оригинальный список Б.Ф. Адлера.

2) Картина в свитке, изображающая приключения рыбаков на о-ве Шикоку – к фаллическому культу.

3/6) Шесть картин на рисовой бумаге, изображающие сцены полового извращения

4) Книжка с текстом и иллюстрациями. Сказание об жестокой демонице³

5) а) Деревянная божничка⁴ для фаллического культа

б) Внутри четырёхугольный ящичек

с) внутри ящичка: с) *glans penis* из камня

д) женский половой аппарат (оба [в] жёлтых тряпочках)

б) Алтарь к культу лисицы Инари-сан

а) Чёрная лакированная божница с божеством Инари-сан, ниспосылающим сумасшествие⁵

б/2) Две белых лисицы из дерева на позолоченной подставке

с) Гохей⁶ на чёрной лакированной палочке

д) Деревянный ящик для всего алтаря

7) а) Круглый камешек...

б) Подставка – продырявленный камешек» [Опись 831, л. 1].

На настоящий момент 6 предметов этой коллекции оказались выведенными из собрания МАЭ, а именно: № 4 («книжка»); № 5а («божничка»); № 5б («четырёхугольный ящичек»); № 6а («божничка с божеством, вызывающим сумасшествия», передана в Музей истории религии); № 6с («гохей на чёрной лаковой палочке»); № 6д («ящик для всего алтаря»). Как представляется, они были в числе тех 427 предметов из собрания МАЭ, переданных в 1930 г. В.Г. Богоразом для «Антирелигиозной выставки» в Государственном Эрмитаже, и которые в большинстве своём так и не были возвращены в МАЭ [Михайлова, 2010, с. 91]. Таким образом, из оригинального состава коллекции В.Л. Серошевского в МАЭ осталось лишь 6 номеров (14 предметов / единиц хранения).

Часть коллекции представлена сакральными объектами фаллических культов. Так, в г. Хакодате Серошевский приобрёл комплект из камня фаллоидной формы (природного происхождения) и керамической «ктеис» (соответственно, МАЭ №№ 831-5/1,2), которым дал следующее описание: «Ва-го(н)-дзин» или «конго(н)-дзин» – «божество согласного житья». Каменные изображения мужского и женского половых органов, завёрнутые в вату и жёлтые холстинки, в квадратном деревянном ящике, вставленном в створчатую божницу.

Замечания: Очень редкий экземпляр. Естественные фаллические изображения очень ценятся японцами. Они им только и поклоняются как проявлениям божественного творческого начала. Искусственные изображения легче добыть, хотя они встречаются всё реже и реже. Это, несомненно, вымирающий культ. Господствующие религии шинто и

³ Предмет не идентифицирован.

⁴ По-видимому, под «божничкой» понимается *дзуси* – 厨子 футляр с открывающимися дверцами для помещения фигурки божества или иконы.

⁵ В японской традиции насыпать на людей сумасшествие способны разные синтоистские божества и демонические существа.

⁶ Гохэй 御幣 – синтоистский ритуальный жезл в виде полосок белой бумаги, прикрепленных к деревянному стержню.

буддизм относятся к нему отрицательно и полиция его преследует» [Опись МАЭ № 831, Л. 2]⁷.

Ещё один каменный фаллос большего размера⁸ (МАЭ № 831-1) был приобретён собирателем в г. Никко: «Предмет и название: «Кон-сей-сама» (Токио) – «душа – семя – властелин», или «До-со-дзин-сама» (Сендай) – «душа – прародитель – властелин»⁹, каменный фаллос, обломок.

Замечания: Этот фаллос взят мною самолично с алтаря фаллического храма, открытого мною случайно в Никко, вблизи гробницы Иеясу, у дороги под горою. Там было ещё много фаллосов, некоторые громадных размеров, все каменные» (Опись МАЭ № 831, Л. 3).

Каменный фаллос (обломок).
(МАЭ № 831-1)

Керамическая фигурка ктеис.
(МАЭ № 831-5/2)

⁷ Из этого набора сохранились только сами культовые артефакты (фаллос и ктеис), а сопровождающие их аксессуары – «холстинки», вата, ящик и «божничка» (т.е. футляр *дзуси*) утрачены. Размеры фаллоса – длина 10,2 см, ширина 7,5 см, толщина – 6,0 см; ктеис – длина 13,1 см, ширина – 9,7 см, толщина – 6,1 см.

⁸ Длина – 12,8 см, диаметр макс. – 8,9 см.

⁹ Действительно, в разных районах Японии фаллические артефакты обозначаются разными словами, например: 塞神 *саэ-но ками* («божество запретного места»; оно же 岐の神 *фунадо-но ками* или *кунадо-но ками*); 和根 *вагон* («корень гармонии») или ономим 笑根 («смешной корень»); 金精様 *консэй-сама* («господин золотого семени»); 御駒様 *окома-сама* («господин божественного коня»); 道祖神 *досодзин* («божество перекрестка дорог», иначе – «божество странствий»). Японским аналогом «ктеис» также могут выступать разные термины – например, 膣 *тицу* («влагалище»); также в ходу игра слов *тимата* 岐 «перекрестье межей» или «перекрёсток двух дорог (место для установления фигурок *досодзин*)» – и ономим 地股 – буквально «промежность земли». Соответственно, изображения мужских и женских детородных органов называют 岐彦 *тимата-хико* (буквально – «господин / принц перекрёстка») и 岐姫 *тимата-химэ* («госпожа / дева перекрёстка»).

Согласно этому описанию, предмет был просто взят собирателем с алтаря одного из синтоистских святилищ в комплексе Тосёгу в г. Никко. Этот комплекс синтоистских святилищ, буддийских храмов и почитаемых природных объектов был устроен вокруг усыпальницы Токугава Иэясу (1543–1616), основателя династии сёгунов Токугава, и посвящён его памяти; в настоящее время многие объекты комплекса получили статус Национального достояния Японии. К великому сожалению, собиратель не указал названия конкретного святилища, откуда был изъят им сей предмет, а также сопутствующие обстоятельства приобретения¹⁰.

В эту коллекцию входят также ещё два предмета (МАЭ №№ 831-7/1,2), обозначенные в описи как: «а) *Круглый камешек. По понятиям японцев, яичко богини плодородия. Из расселины скалы близь Нагасаки, почитаемой за богиню, выкатывают округленные камни. Женщины, страдающие бесплодием, собирают их и ставят на другой камешек, молясь им.* б) *Подставка – прорытый камешек*» [Опись МАЭ № 831, Л. 1]¹¹.

Данный комплект из двух камешков – «мужского» (овальной формы) и «женского» (бесформенного, с острыми краями и естественным сквозным отверстием), несмотря на их незамысловатость, следует также рассматривать как этнографические раритеты – магические аксессуары весьма архаичного локального обряда моления о даровании чада. Ещё раз приходится сожалеть (особенно принимая во внимания разрушения в результате американской атомной бомбардировки Нагасаки 9 августа 1945 г.), что собиратель привёл очень краткое и довольно аморфное описание использования этих аксессуаров и не предоставил никаких сведений о самом обряде (его структуре, участниках, конкретном месте и времени проведения, сопутствующих молитве действиях, имени вызываемого божества и т.д.)¹².

Серошевский включил в состав своей коллекции и две статуэтки белых лисов¹³, которые входили в состав утраченного комплекта «Алтарь к культу лисицы» [Опись МАЭ № 831, Л. 1]; один из лисов в пасти держит ключ от рисового амбара, другой – волшебный шар («жемчужину») *тама*. Эти белые лисы являются спутниками божества риса *Инари-сама* (稻荷様, «божество, приносящее рис»), которое изображается, как правило, в виде старца с рисовыми снопами.

В коллекции Серошевского представлены предметы, связь которых с фаллическими культами уже не столь очевидна, но, тем не менее, имеет место.

Особый интерес с точки зрения визуализации японской «фаллической экзотики» традиционными техниками представляет собой свиток с номером МАЭ № 831-2 –

¹⁰ Этот факт наглядно показывает, как в Японии изменялось отношение к предметам фаллического культа. Если в самом начале XX в. изъятие священного предмета прямо с алтаря не вызывало со стороны служителей святилища противодействия (что подтверждает сообщения собирателя о преследовании культа со стороны светских и духовных властей), то в настоящее время подобное деяние абсолютно недопустимо и немислимо.

¹¹ Так эти предметы представлены в описи коллекции Б.Ф. Адлером – как можно предположить, по несохранившимся описаниям В.Л. Серошевского. Размеры овального камешка: длина 3,4 см, ширина – 2,9 см, толщина – 2,0 см; камешка с отверстием – соответственно, 5,0×3,2×2,2 см.

¹² Считается, что нерукотворные фаллические объекты почитаются прежде всего как «гаранты» здоровья людей и фертильности женщин, в то время как рукотворные более связаны с молениями об урожае [Quehada, 1989, p. ii].

¹³ Современные номера МАЭ № 831-6/1 и МАЭ № 831-6/2 соответственно. Фигурки на пьедестале, вырезаны из дерева и окрашены белой краской, а также золотым и красным лаком. Имеют небольшие повреждения и утраты. Размеры фигурки лиса с ключом – 13,2×8,6×6,0 см; лиса с шаром – 13,4×8,6×6,0 см.

«Путешествие на Остров Женщин» (女護島絵巻 *Нёгогасима эмаки*) работы неизвестного художника нагасакской школы¹⁴ середины XIX в., выполнен в технике живописи на бумаге.

Свиток представляет собой нарратив из последовательно разворачивающихся 14 сцен. На восходе солнца трое молодых людей (один из которых – буддийский монах) отправляются на лодке на морскую рыбалку. Вокруг много других рыбацких лодок. Море спокойное, и ничто не предвещает надвигающегося урагана (Сцены 01-02). Неожиданно начинается сильный шторм, огромные волны топят суда (очевидны аллюзии с «Большой волной в Канагава» Кацусика Хокусай). Молодые люди пребывают в ужасе и прячутся на дне лодки (Сцена 03). Морские волны выносят лодку на берег неизвестного острова – это «Остров женщин». Молодых людей встречает группа женщин (несколько молодых и одна очень пожилая), чья манера одеваться явно отличается от принятой в Японии. Пожилая женщина ведёт их во дворец правительницы. Правительница выглядит несколько озадаченной и смущённой, ибо никогда не видела мужчин, и пожилая женщина просит гостей продемонстрировать то, чем мужчины отличаются от женщин (Сцены 04-05).

Неожиданное появление мужчин – большое счастье для обитательниц Острова; они спешат воспользоваться случаем и вслед за правительницей приглашают их заняться любовью. Здесь изображён интерьер спальных покоев правительницы, выдержанный в эклектичном стиле – как с китайскими, так и с японскими чертами. При этом алтарь, антураж интерьера, детали пейзажа (изображённые как на ширмах в покоях дворца, так и за пределами последнего) имеют акцентированный «фаллический характер». Так, на алтаре среди прочих аксессуаров установлены символизирующая «женское начало» цитра *кото* и вотивные фаллосы *ёбуцу* 陽物 (буквально – «солнечная вещь», «вещь мужского начала», «вещь энергии Ян»); «мужскую силу» символизируют также фаллоидной формы грибы, скалы, птички в виде фаллосов с крылышками; «женское начало» – пионы, пещерки, декоративные камни с щелевидными сквозными отверстиями (Сцена 06).

Фрагмент свитка эмаки «Путешествие на Остров женщин».
(МАЭ № 831-2)

¹⁴ Имеется в виду, что свиток не имеет ни подписи, ни печатей художника, ни каких-либо иных ссылок на мастерскую. В.Л. Серошевский указал в качестве места приобретения г. Нагасаки. Размеры свитка: 854×26,2 см.

Далее следует несколько эротических сцен, изображающих основные «копулятивные позиции» для разных ситуаций, в том числе и с участием сразу нескольких партнёров. Эти изображения служили своеобразными «наставлениями» для посетителей «ивовых кварталов», а также предупреждением о том, что чрезмерность в плотских утехах весьма вредна для мужского здоровья и может иметь самые печальные последствия, о чём прямо говорят последующие сцены свитка (Сцены 07-11).

В конце концов, молодые люди обессилены и погружены в уныние и меланхолию; весьма удручённые этим, обитательницы Острова пытаются растормошить их и восстановить их мужскую силу лекарственными препаратами. Пожилая дама делает оздоровительный массаж, но всё тщетно (Сцены 11-12). Опасаясь безвременной смерти, молодые люди в панике бегут к своей лодке, намереваясь покинуть Остров. Вместе с ними Остров покидает и «мужская сила», изображённая в виде стаи крылатых фаллосов. Покинутые женщины тщетно пытаются вернуть беглецов (Сцены 13-14).

Фрагмент свитка эмаки «Путешествие на Остров женщин».
(МАЭ № 831-2)

В.Л. Серошевский так комментирует данный предмет: *«Приключения трёх рыбаков из Нагазаки, попавших на о. Сикоку. Остров Сикоку славен как центр фаллического культа. Там самые крупные остатки храмов и фаллических изображений. Интересны на рисунке изображения скал и деревьев, они встречаются там, где правительство, преследующее фаллический культ, не успело их уничтожить»* [Опись МАЭ № 831, Л. 4].

Примечательно, что В.Л. Серошевский называет место приобретения свитка – г. Нагасаки, в период Эдо выступавшего в роли японского «окна в Европу» в частности и во внешний мир – в целом. Подобные произведения представляли своеобразную «визитную карточку» Нагасакской локальной школы живописи, специализировавшейся на изображении сюжетов, экзотических для токугавской Японии – редких иностранных гостей (китайцев, голландцев, корейцев, русских) и их кораблей; разнообразных фантастических существ и «заморских» чудищ; а также куртизанок и эротических сцен, в т.ч. – с участием чужеземцев. Таким образом, свиток был ориентирован на «внутреннего пользователя», а не на иностранцев.

Что касается утверждения В.Л. Серошевского, что «Остров женщин» – это о. Сикоку (на котором Серошевскому побывать не довелось), то это – очевидное заблуждение собирателя. Сказочный *Нёгогасима* (называемый японцами также *Нёгоносима*, или *Нёгоку*)

находится не в этом мире, а в пространстве мифа, легенды. При этом известны старинные (как правило, XVII в.) китайские, корейские и японские энциклопедии, где упоминается «Страна женщин» [Moerman, 2009, p. 350–381]¹⁵ и географические карты, где она изображается. Иногда её помещают прямо на северо-восточное побережье о. Хонсю, но чаще – на отдельный «Остров женщин» на некотором удалении от Японского архипелага.

В японском восприятии «сила любовной страсти» сродни проявлению демонических («хтонических») сил¹⁶ и выходит за границы рационального миропонимания. Подверженный этой страсти человек порою очень напоминает одержимого демонами – или даже сам превращается в одну из разновидностей *ёкай* – демонических существ, чрезвычайно опасных для социума. В связи с этим примечательно, что «Остров женщин» помещался, как правило, рядом с «Островом демонов» (*Расэцукоку* 羅刹国 – «Страна ракшасов»). На последнем якобы обитают демонессы-каннибалы, безжалостно пожирающие попадающих туда мужчин [Moerman, 2009, p. 350–381]¹⁷. Этот сюжет, восходящий к буддийским джатакам индийского происхождения, был распространён в различных вариациях в странах «буддийского ареала».

Посещение Острова женщин, связанное с огромным риском для жизни путешественника, стоит в ряду фантастических сюжетов, где обыгрываются драматические и даже трагические любовные истории. Подобные сюжеты как заимствованные, так «автохтонные», всегда были чрезвычайно популярны в японской литературе и искусстве¹⁸.

Распространению представления о существовании «где-то очень, очень далеко от Японии» острова, населённого женщинами-«амазонками», способствовали анонимные повести *сэцува* (возникшие ещё в период Нара) и *отоги-дзоси* (период Муромати). Но особенно популярной тема «Путешествия на Остров женщин» стала в период Эдо, когда в крупных городах Японии (Эдо, Осака, Киото, Нагасаки) знаменитые «кварталы красных фонарей» (фактически – самые настоящие «острова женщин») стали неотъемлемой частью так называемой культуры городского сословия. Изображения населяющих их красавиц, «одаривающих» любовью посещающих их кавалеров, стали одной из главных тем гравюры и живописи (жанр *сюнга*), авторских рассказов *укиё-дзоси*, драматургии театров Кабуки и Дзёрури-Бунраку, поэзии в жанрах *хоку* и *сэнрю*.

Из литературных произведений, затрагивающих тему Нёгогасима, весьма примечательна анонимная повесть времён позднего Муромати – «Ондзоси симаватари», о приключениях легендарного самурая Минамото Ёсицунэ (выступающего под псевдонимом «Ондзоси»). Сопровождаемый монахом Бэнкэй и преданными воинами, он совершил

¹⁵ Так, Моерман приводит данные 60-томной энциклопедии «Сань цай ту хуэй» 三才圖會 («Собрание иллюстраций трёх основ: [Неба, Земли и Человека]»), составленной в 1609 г. Ван Ци, где упоминается «Страна женщин (女国)», находящаяся где-то в юго-восточных морях, и что женщины производят там потомство, подставляя свои «потаённые места» южному ветру. Об этой земле поведали моряки, некогда занесённые туда бурей; они чудом спаслись, обманув женщин и украв у них лодку, на которой и добрались обратно домой). Эти сведения затем повторялись в различных японских энциклопедиях периода Эдо, наряду с упоминаниями о землях, населённых прочими демоническими существами.

¹⁶ Иллюстрацией тому может служить и миф об Идзанами и Идзанаги, божественных прародителях Японских островов.

¹⁷ Это сюжет был отражён в одном из свитков «Хэйкэ нокё» (иллюстрированные в стиле *ямато-э* нарративные свитки буддийских сутр, выполненных членами семьи Тайра и пожалованные в 1164 г. святилищу Ицкусима главой дома Тайра Киёмори).

¹⁸ Такие сюжеты встречаются и в первых письменных памятниках Японии – «Кодзики» (712 г.) и «Нихон сёки» (720 г.). Много таких сюжетов легло в основу произведений в жанре *кайдан*.

путешествие по «северным островам»¹⁹, каждый из которых был населён фантастическими существами – различными демонами и чудовищами, карликами, людьми-лошадьми, людьми-собаками, длиннорукими, длинноногими, голыми людьми, айнами²⁰ и т.д. Попал Ёсицунэ и на Остров женщин. Там встретившие его девушки и одна пожилая дама сообщили, что несколько столетий назад на Остров случайно забросило бурей трёх мужчин²¹; их обитательницы Острова убили, чтобы души их стали хранителями Острова; и что Ёсицунэ со спутниками уготована та же судьба. Также женщины поведали, что производят на свет девочек, вдыхая Южный ветер. Ёсицунэ удалось благополучно бежать с Острова, обманув женщин обещанием привести для них целое войско из ста тысяч молодых воинов, отправленных на усмирение Кореи, чтобы каждая женщина смогла выбрать себе мужа [Торопыгина, 1994, с. 68, 69].

В качестве другого примера упоминания Острова женщин можно отметить рассказ 1682 г. известного писателя XVII в. Ихара Сайкаку *Косёку итидай отоко* 好色一代男 – «Мужчина, предавшийся любви» (или «Мужчина, несравненный в любовной страсти») о богатом купце Ёноскэ, который жил ради чувственных утех и к 60 годам соблазнил 3742 женщин и 725 мужчин. Под конец жизни Ёноскэ отправляется в Нагасаки, снаряжает корабль «Сладострастие» (好色丸 *Ёсииро-мару*) и отправляется на поиски «Острова женщин» [Ihara, 1963, p. 231–232].

Также известно много анонимных юмористических стихов-сэнрю, сохранившихся с времён периода Эдо (XVIII – XIX века), где высмеивается Остров и его обитательницы, занимающиеся любовью с южным «ветром, заменяющим мужчину»²² – 男なければ風 *отоко-накэрэба кадзэ* [Gill, 2007, p. 361].

Аналогичный сюжет существует и в айнском фольклоре. Так, Л.Я. Штернберг в своей работе «Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора», в главке «Женщины с *vagina dentibus armata*» приводит историю о группе айнских рыбаков, которых сильным ветром унесло на неведомый берег, где они обнаружили селение женщин. Рыбаки остались у них на ночёвку; ночью мужчины пытались заняться с ними любовью, и некоторые погибли

¹⁹ Фактически, в этой повести изображён классический сказочный «тур» героя по «демоническим мирам», отражающим архаическую протояпонскую («аустронезийскую») «горизонтальную модель» мироздания.

²⁰ Согласно японским представлениям, айны также обладали рядом «демонических» черт – от специфического облика до приписываемого им умения «выдыхать туман» для скрытного нападения на японские форпосты.

²¹ Примечательно, что в пьесе драматурга Тикамацу Мондзаэмон «Сюнкан: Остров женщин дома Тайра (Сюнкан: *Хэйкэ нёгоносима* 平家女護島)» 1719 г. называются имена этих несчастных: самураи Фудзивара Нарицунэ, Тайра Ясуёри и монах Сюнкан. Эти персонажи заимствованы из «Повести о доме Тайра» (где эти три мужчины обвинены в заговоре против диктатора Тайра Киёмори и в 1171 г. высланы в ссылку на дальний дикий остров [Тикамацу, 1982].

²² Robin D. Gill в своей работе «The Woman Without a Hole – and Other Risky Themes from Old Japanese Poems» приводит целый таких стихов с переводом на английский язык, например:

– 女護島が惣開帳は南風 *Нёгогасима га со:кайтё:-ва минами кадзэ* – «[когда приходит] Южный ветер, Остров женщин [открывает] «занавеси святилища»

– 大風のうわさ女護の乳母は待ち *О:кадзэ-но уваса нё:го-но уба ва мати* – «Услышав о «большом ветре», няньки Острова женщин ждут [раздвинув ноги]»

– 南風女護島では舟を出し *Минами кадзэ нё:гогасима дэ ва фунэ-о даси* – «Южный ветер гонит лодки на Остров женщин»

– 股座のしめる女護の南風 *Матакура-но симэрунё:го-но минами кадзэ* – «Увлажняющий промежности южный ветер Острова женщин» [Gill, 2007, p. 362].

странной смертью, ибо у женщин в «потаенном месте» росли зубы²³. Утром мужчины узнают, что эти женщин принадлежат «хозяину ветра», и что айну должны немедленно покинуть селение, ибо там нет места людям. Айны, отплывая, увидели: «юго-восточный ветер поднялся, женщины встали, к самому берегу моря спустились, у самой воды стали, полы подняли, свои vulva водой брызгали, к ветру подкачивались» [Штернберг, 2008, с. 159–160].

Тема «Острова женщин» была весьма популярной в живописи и гравюре периода Эдо. Известно много вариантов свитка «Нёгогасима-эмаки» в музейных и частных собраниях. Так, в собрании Британского музея есть стилистически очень похожий живописный свиток-эмаки работы неизвестного художника, где отражено большинство сцен, представленных в свитке МАЭ № 831-2, но выполненный на шёлке. Датирован также серединой XIX в. [Clark et al., 2016, p. 196, 360].

К этой теме обращались и многие мастера гравюры укиё-э, работавшие в жанре сюнга, например – Утагава Кунимару 歌川國麿 (работал в 1830–1870 гг.) создал в соавторстве с Инсуй Содзин Намэясу 姪水騒人嘗安, автором текстов, серию гравюр *Нёгоносима такарано ирифунэ* 女護島宝之入り舟 – «Корабль драгоценностей, прибывающий на Остров женщин»²⁴.

Примечательно, что стилистика изображения «Острова женщин» имеет характер традиционной карикатуры (*гига* 戯画), чем очень близка к карикатурным жанрам *ё:буцу курабэдзу* 陽物較べ図 (буквально – «изображения состязаний фаллосов» – публичная демонстрация придворными кавалерами и дамами гениталий с обязательным их обмером и фиксацией результатов), *кати-э* 勝絵 («картинки победы» – т.е. довольно жестокие сексуальные битвы-оргии с последующим награждением победителей и лечением пострадавших). Подобные произведения в карикатурной форме отражают специфические «ритуалы», якобы имевшие место в жизни придворной аристократии периодов Нара, Хэйан и Камакура²⁵. Известно несколько свитков работы художников разных школ живописи (в т.ч. школ Кано, Тоса, Маруяма-Сидзё и др.) периода Эдо, где в манере «эротического гротеска» изображены подобные закрытые придворные игрища²⁶ [Yano Akiko, 2016b p. 62–73]. Некоторые из этих свитков позиционируются как копии – или копии копий намного более ранних свитков. Среди таких копий периодов Эдо и Мэйдзи есть несколько свитков-пародий на *Нэнтю: гё:дзи эмаки* 年中行事絵巻 – «Свитки, изображающие годовые [придворные] церемонии и ритуалы»; в качестве автора оригинального несохранившегося свитка-пародии

²³ Этот мотив о смерти мужчин от *vagina dentata* можно рассматривать как вариацию мотива пожирания мужчин женщинами-демонессами на острове Расэцукоку и мотива о смерти мужчин от сексуального истощения на Острове женщин.

²⁴ Эта серия, изданная в 1848–1850 гг. и оформленная в виде книги (два тома), представлена, например, в собрании Honolulu Art Museum.

²⁵ О разновидности подобных ритуалов писал и В.М. Мендрин во II томе своей фундаментальной работы «История сёгуната в Японии (Нихон гайси)» ссылаясь на *Удзи сю:и моногатари*, письменный памятник начала периода Камакура. Он указывал, что «порнологический элемент» исполнявшихся перед императором ритуальных придворных танцев Кагура (задиание танцорами одежд и демонстрация «сокровенных мест», имитировавшая ритуальное оголение божества Амэ-но удзумэ, спутницы Аматаэрасу-но оомиками), имел целью «позабавить богов», т.е. служил специфической формой религиозного синтоистского действия [Мендрин, 1999, с. 386].

²⁶ Элементом таких состязаний (а иногда и отдельной темой) выступает и *хо:хи-гассэн* 放屁合戦 – шуточные «сражения» команд, «обстреливающих» друг друга кишечными газами.

предполагается Тоба Содзё, знаменитый монах-художник периода Камакура (XIII в.)²⁷, известный также как Какую [Yano Akiko, 2013, p. 59–82].

Одной из важнейших функций артефактов фаллических культов было провоцирование ритуального смеха, что отразилось и в одном из названий этих предметов – 笑い物 *вараимоно* («предмет, вызывающий смех»). Свиток *Нёгогасима-эмаки* можно рассматривать как разновидность 笑い絵 *вараи-э* «картинки для смеха», ибо он не только иллюстрирует определённые аспекты японского фаллического культа, но и сам выполняет функцию «provokatora ритуального смеха». А смех приятен не только людям, но и божествам Синто, также как сакэ и любовная близость. В целом, изображения сцен соития, в т.ч. выполненных в юмористическо-гротескном ключе, в традиционной Японии рассматривались прежде всего как благопожелательные символы торжества «жизненной силы» и могли выступать в роли подношения синтоистским святилищам или ценного подарка по случаю каких-либо торжеств (свадьба, повышение по службе, юбилей), а также в качестве подарка дипломатического – например, есть сведения, что несколько книг *сюнга* были преподнесены в 1804–1805 гг. в Нагасаки от японской стороны Н.П. Резанову, главе второго русского посольства в Японию, и сопровождавшего посланника адмиралу И.Ф. Крузенштерну²⁸, а в 1854 г. – представителями сёгуната Токугава американскому коммодору М. Перри по случаю подписания первого договора между Японией и США в Канагава [Вру, 2013, p. 479].

В коллекции МАЭ № 831 присутствуют также шесть картинок-карикатур («эротических гротесков») на отдельных листах (МАЭ № 831-3/1-6), визуализирующих некоторые маргинальные особенности гендерной культуры японцев и потому названных собирателем «картинками полового извращения». Все изображения выполнены японскими цветными красками на бумаге *васи*, в одном стиле со свитком «Остров женщин» и примерно того же периода. Собиратель не назвал место приобретения, но можно предположить, это – также Нагасаки. Все шесть листов одинакового размера, 40×28 см.

На двух листах (МАЭ № 831-3/1,2) изображены сцены гомосексуальной близости. На обратной стороне одного из листов В.Л. Серошевский сделал приписку: «Япония: 6 картин полового извращения. По словам японцев, на одном из островов Японского моря педерастия – явление самое обыкновенное»²⁹, на другом листе – лаконичный комментарий: «Педарастъ». Из них более примечателен первый лист, где весьма натуралистично изображено соитие монаха (активный партнёр) и юноши (пассивный партнёр); в среде японских буддийских монахов гомосексуализм по известным причинам был весьма распространен. В японской литературе, как традиционной, так и художественной, есть много сюжетов, о том повествующих [Судзуки, 2004б с. 859–860]; эти сюжеты нашли соответствующее отражение

²⁷ Так, в коллекции Museum of Fine Arts, Boston, хранится свиток *эмаки* «Ко:кэн тэй монко югэ но До:кё: кэнсэй но дзу» 孝謙帝の門子弓削の道鏡憲政の図 с изображением подобного состязания-оргии работы Утагава Тоёкуни III (Кунисада) середины – второй половины XIX в. – якобы копии не сохранившейся оригинальной работы Тоба Содзё. В этом свитке в карикатурном виде изображены игрища при дворе императрицы Кокэн 孝謙 (Сётоку), состоявшей в любовной связи с монахом Докё 道鏡, который пытался узурпировать власть в 769 г. В свитке обыгрывается анекдот, что Докё получил власть благодаря тому, что выиграл устроенное императрицей Кокэн «состязание фаллосов». Эти карикатуры копировались также художниками периода Мэйдзи.

²⁸ Дальнейшая судьба этих подарков не известна.

²⁹ Можно добавить, что гомосексуализм как «явление самое обыкновенное» воспринимался не только на некоем безымянном острове, а по всей традиционной Японии.

(в т.ч. карикатурное) и в изобразительном искусстве, прежде всего в жанре *сюнга*. Существовали даже специальные книги советов для монахов по привлечению к однополый любви молодых послушников. Так, в собрании Британского музея есть иллюстрированная книга *Тиго-но соси* 稚児之草紙 («Книга послушников»³⁰), изображающая 18 соответствующих сцен с комментариями, представляющая собой копию второй половины XIX в. хранящегося в монастыре Сангодзи (Киото) оригинального свитка 1321 г. [Yano Akiko, 2016, p. 66]. Традиция японского буддизма причисляет к «столпам» монашеского гомосексуализма даже таких патриархов, как Кукай (Кобо Дайси), Сайтё (Дэнгё-Дайси), Иккю Содзюн и др. [Neil, 2009, p. 270–273]. Возможно, данная картинка является аллюзией к довольно часто изображавшимся «отношениям» упомянутых выше Минамото Ёсицунэ и его вассала монаха *ямабуси* по имени Бэнкэй.

На листе МАЭ № 831-3/3 изображён пожилой небритый мужчина (явно представитель низов общества), за ширмой самозабвенно предающийся любви с «куклой», тулово которой наспех сооружено им из свернутой в рулон подстилки *футон*, а голова куклы – гравюра с изображением куртизанки в манере *окуби-э*. Из-за ширмы за ним наблюдает смеющийся монах.

Лист МАЭ № 831-3/4 – сцена куннилингуса (мужчина и куртизанка); куртизанка при этом смотрит на своё отражение в зеркале, на обратной стороне которого, повернутой к зрителю, выведены контуры Отафуку (Окамэ-сан)³¹ или Химэ-Дарума³².

Оставшиеся два листа (МАЭ № 831-3/5,6) изображают половые контакты с животными. В жанре японских эротических пародий-гротесков эта тема также занимает довольно значимую нишу. Традиционное японское религиозное представление склонно рассматривать всех животных как природных божеств, коим несть числа; а особо крупных представителей животного мира – как более значимых божеств – хранителей рисовых полей, гор, лесов, водоёмов и т.д., и приписывает им сверхъестественные свойства. В виде животных в определённых случаях могут являться людям и божества синтоистских святилищ, в т.ч. – вступать с людьми в брачные отношения. Животные также могут быть оборотнями с акцентированной коитальной функцией – особенно изображённые на этих двух листах змей, лис *кицунэ* и «барсук» *тануки* (подробнее об этом см. [Синицын, 2010, с. 277–292; Ксенофонтова, 1981, с. 67–80].

На листе МАЭ № 831-3/5 изображена обнажённая женщина; её шею обвивает огромный змей, тянущийся раздвоенным языком к её «потаённому месту». На переднем плане – сидящий «по-японски» мужчина в официальном костюме *камисимо*; он повернут

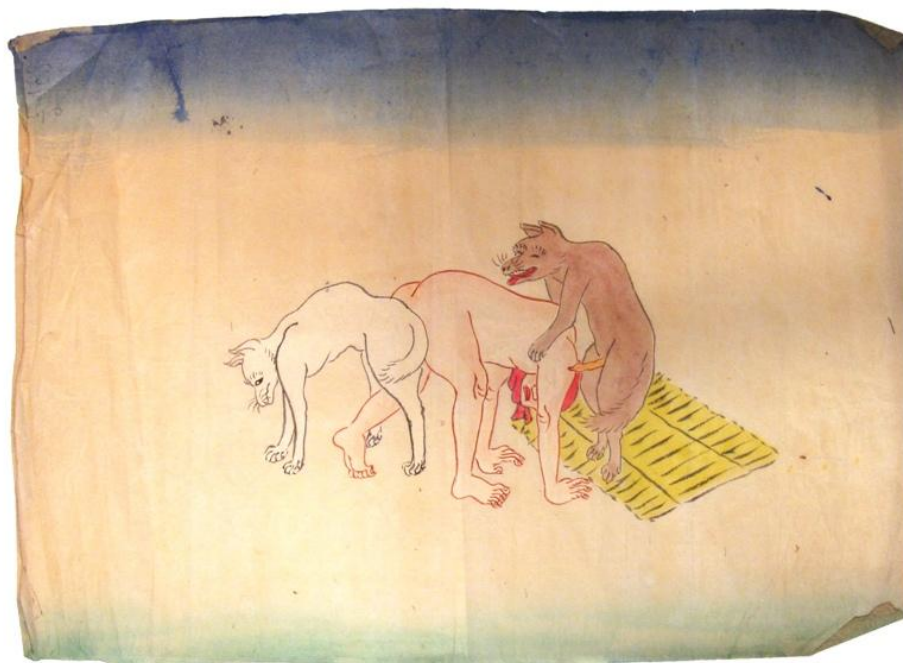
³⁰ Слово *тиго* 稚児 имеет два значения: 1) «мальчик – участник буддийского церемониала»; 2) «мальчик-педераст».

³¹ Окамэ-сан или Отафуку – одно из домашних божеств, сказочный персонаж, а также персонаж театра Кагура, где представлена соответствующая маска и амплуа. Обычно изображается в виде весьма полной и весьма любвеобильной женщины, склонной к выпивке и разнообразным сексуальным проказам, часто изображение Окамэ-сан символизирует женский половой орган [Синицын, 2008, с. 80]. Возможно, что в этом контексте можно говорить о применении приёма *митатэ* – совмещение героя сюжета с героем японской литературы или мифологии; в данном случае художник иронизирует над проституткой явно не очень высокого уровня, которая при этом ощущает себя «богиней любви».

³² Травестированный образ патриарха Дарума (санскр. Бодхидхармы), исторического персонажа, основателя традиции чань-буддизма в Китае; соответственно, «Химэ-Дарума» – «Бодхидхарма в женском варианте». Химэ-Дарума – популярная традиционная японская кукла-неваляшка, обычно – в паре с куклой «самого» Дарума; также является иносказательным обозначением проститутки.

к женщине спиной, но указывает в её сторону сложенным веером *огу*. Данная сцена пародирует «театрализованное представление», однако заметим, что в реальности подобных представлений в Японии не было, хотя бы потому, что такие крупные змеи там не водятся. Однако в произведениях японской средневековой литературы сюжет о связях гигантских змеев с женщинами и змей-чудовищ с мужчинами нашёл довольно широкое отражение³³.

На листе МАЭ № 831-3/6 показана сцена половой связи человека неопределённой гендерной принадлежности с «барсуком» *тануки* и белой лисицей *кицунэ*. Цвет последнего вызывает аллюзии к лисам – спутникам божеством *Инари-сама* – не случайно, что Серошевский включил в состав этой коллекции и две статуэтки этих лисов. Что же касается коитальных функций лисов и лисиц и их связей с людьми, то японская литературная традиция изобилует подобными примерами, в частности, заимствованными из Китая. Эти же мотивы очень широко представлены и в японском изобразительном искусстве, в том числе в манере *варай-э*.

Лист с изображением сцены коитуса человека с лисом и тануки.
(МАЭ № 831-3/6)

Таким образом, данная коллекция является результатом целенаправленного тематического собирательства – и первой в отечественной этнографической науке подборкой раритетов, позволяющих визуализировать довольно широкий спектр традиционных японских фаллических культов и культов плодородия. Коллекция была собрана в период упадка интереса японского общества к своей старой культуре, благодаря чему многим

³³ Например, этой теме посвящены такие рассказы *сэцува* IX–XI веков в сборнике *Нихон рёики* (Японские легенды о чудесах), как «Слово о воздаянии в этой жизни за освобождение краба и лягушки» [Японские легенды о чудесах, 1984, с. 157–158], «О распутнице из округа Муруно земли Каи» [Японские легенды о чудесах, 1984, с. 120–121], «Как огромный змей обесчестил девушку и как она спаслась с помощью снадобий» [Мещеряков, 1981, с. 126–134]; подобные сюжеты о половых связях различных животных с людьми иллюстрируют и многие произведения традиционного японского искусства, в т.ч. и находящиеся в собрании МАЭ РАН.

собираателям, в том числе В.Л. Серошевскому, открылась уникальная возможность приобрести те предметы, которые в последующие периоды заполучить было бы гораздо сложнее или даже невозможно. В этом, в частности, и состоит специфика коллекции МАЭ № 831.

Составляющие её предметы позволили отечественным этнографам получить наглядное представление об особенностях японских фаллических культов не только лишь по текстовым описаниям, а и по конкретным оригинальным «носителям» фаллической культуры, а Музею антропологии и этнографии – возможность визуализировать соответствующую область японской традиции в своём экспозиционном пространстве.

Однако эта возможность была реализована лишь через 93 года после поступления коллекции. Проблема состояла в корректности позиционирования соответствующих феноменов из чуждой культурной парадигмы, символика, семантика и контекст функционирования которых весьма специфичны. У большинства посетителей музея как начала XX в. (а это были представители православной культуры с соответствующими строгими представлениями о нормах общественной морали), так и советской эпохи, сакральные для японцев аксессуары фаллических культов неизбежно вызывали бы совсем другие коннотации – более того, воспринимались бы как предметы откровенно провокативные и даже порнологические. Эта проблема так и не была решена в течении почти всего XX в., предметы из коллекции МАЭ № 831 были изъяты из экспозиционного оборота как «порнография», хранились в закрытом режиме, а впервые экспонировались лишь в 1997 г., уже после распада Советского Союза (и смены моральной парадигмы российского общества) – в рамках проводившейся в МАЭ РАН временной выставки «За пологом «Весеннего дворца» (культура любви в традициях народов Восточной Азии)»³⁴.

Примечательно, что сложившиеся в традициях разных народов представления о том, какие феномены этнической культуры – и, особенно, связанные с культами плодородия и фаллическими культами – достойны или возможны для открытой визуализации в публичном пространстве, а какие – уместны лишь в режиме ограниченного доступа или же не уместны вовсе, весьма отличны. Более того, в разные исторические эпохи у одного и того же народа, иногда даже в течение жизни одного его поколения, эти представления могут существенно измениться. Так, организация указанной выставки в МАЭ РАН 1997 г. вызывала определённое беспокойство её организаторов относительно адекватности восприятия специфического контента посетителями музея. Однако выставка у абсолютного большинства отечественных посетителей всех возрастов (имело место возрастное ограничение – от 18 лет и старше) вызвала положительный отклик (свидетелем чего был лично автор статьи, непосредственно участвовавший в создании экспозиции и проводивший по ней экскурсии для разных категорий посетителей). Что касается редких японских посетителей, то эта выставка вызвала с их стороны живой интерес, сочетавшийся с некоторым удивлением: в Японии в конце XX в. подобные выставки не проводились. Первая публичная выставка искусства в жанре *сюнга* («весенние картинки») была устроена лишь в 2015 г. в музее Эйсэй Бунко в Токио [Exhibition of erotic Japanese art draws...] – и

³⁴ Ознакомиться с некоторыми экспонатами этой выставки можно на сайте МАЭ РАН, в разделе «Архив выставок в МАЭ» по следующей ссылке: http://www.kunstkamera.ru/museums_structure/sluzhby_i_podrazdeleniya/exhibitions_dep/exhibitions_archive/arhiv_vystavok/in_the_shade_of_a_spring_forest.

лишь после того, как в 2013–2014 гг. в Британском музее с успехом прошла выставка «Shunga: Sex and Pleasure in Japanese art»³⁵.

Следует также отметить, что коллекция В.Л. Серошевского впоследствии стимулировала и других сотрудников МАЭ к целенаправленному собиранию предметов, представлявших и другие аспекты японских фаллических культов и культов плодородия. Так, в собрании МАЭ РАН есть маски театра Кагура (МАЭ № 2072-311, 315, 316), привезённые в 1912 г. из Японии профессором А.И. Ивановым, которые собиратель изначально рассматривал в их связи с фаллическими культами [Синицын, 2008, с. 75–81]. Сам Л.Я. Штернберг в 1926 г. приобрёл в Японии обширную коллекцию культовых предметов и предметов быта, в составе которой есть несколько фигурок лисиц Инари и «священных барсуков» *тануки* с более или менее очевидными «фаллическими» акцентами [Кисляков, 2012, с. 84–88; Ксенофонтова, 1981, с. 67–80]. Некоторые из этих предметов (фигурки *тануки*, маски Окамэ-сан, Хёттако и Дай-тэнгу) ныне экспонируются в зале Японии МАЭ РАН.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дударец Г.И. «Пилсудский славный парень и прелестный, урождённый этнограф. У него прямо прирождённый талант...» (из переписки участников этнографической экспедиции 1903 года на Хоккайдо) // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Научное и эпистолярное наследие Бронислава Пилсудского: поиски и находки. Южно-Сахалинск, 2006. № 10. С. 28–37.

Дударец Г.И., Латышев В.М. Экспедиция В. Серошевского и Б. Пилсудского на о. Хоккайдо в 1903 г. // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Научное и эпистолярное наследие Бронислава Пилсудского: поиски и находки. Южно-Сахалинск, 2002. № 6. С. 137–145.

Киддер Дж.Э. Япония до буддизма. Острова, заселённые богами. М.: Центрполиграф, 2003. 286 с.

Кисляков В.Н. Японские коллекции Л.Я. Штернберга, хранящиеся в МАЭ РАН // Лев Штернберг – гражданин, учёный, педагог. К 150-летию со дня рождения. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 83–91.

Ксенофонтова Р.А. Фольклорно-культовые образцы японской гончарной продукции начала XX в. // Материальная культура и мифология. Сборник МАЭ. Т. XXXVII. Л., 1981. С. 67–80.

Мендрин В.М. История сёгуната в Японии (Нихон гайси). М., СПб.: Российская гос. библиотека, Летний сад, 1999. Т. 2. 386 с.

Мещеряков А.Н. Легенды из «Нихон рёнки» // Народы Азии и Африки. М., 1981. № 3. С. 126–134.

Михайлова Е.А. Выставочный проект Музея антропологии и этнографии «Антирелигиозная выставка в государственном Эрмитаже» и его создатель В.Г. Богораз //

³⁵ При этом ритуальные предметы фаллических культов в японских музеях и экспозиционных пространствах соответствующего профиля экспонировались без каких-либо ограничений, и однозначно воспринимались всеми посетителями как исключительно этнографические объекты, не имеющие никакого отношения к области эротического искусства или порнографии.

Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 90–95.

Опись МАЭ РАН № 831, 1904 г.

Путешествие Ондзоси на острова // Гэндзи-обезьяна. Японские рассказы XIV – XVI вв. отогии-дзоси / пер. с яп. М.В. Торопыгиной. СПб.: Академический проект, 1994. С. 64–81.

Синицын А.Ю. Некоторые иллюстрации традиционных японских представлений о коитальных функциях животных-оборотней (По материалам японского собрания МАЭ РАН) // Маклаевский сборник. Вып. 3. Австралия, Океания и Индонезия в пространстве времени и истории (статьи по материалам Маклаевских чтений 2007–2009 гг.). СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 277–292.

Синицын А.Ю. Три маски традиционного японского театра Кагура в экспозиции зала «Япония» и их связь с архаичными фаллическими культами // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 75–81.

Судзуки Сёсан. «О том, как похотливый монах обратился в змея» / пер. В.П. Мазурика // Тысяча журавлей. Антология японской классической литературы VIII–XIX вв. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 859–860.

Тикамацу Мондзаэмон. Сюнкан: Хэйкэ нёгоносима кикаигасима но ба итимаку : [Сюнкан. Остров женщин и остров демонов Дома Тайра, в одном действии]. Токио: Кокурицугэкидзё. 1982. 32 с.

Штернберг Л.Я. Материалы по изучению гильяцкого языка и фольклора, собранные и обработанные Л.Я. Штернбергом. Т. 1. Образцы народной словесности. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1908. 232 с.

Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции. Л.: Издательство Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. 603 с.

Штернберг Л.Я. Фаллический культ // Энциклопедический словарь. Т. XXXV. Изд. Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб, 1902. С. 268.

Японские легенды о чудесах (IX–XI вв.) / пер. с яп., пред. и ком. А.Н. Мещерякова. М.: Наука, 1984. 182 с.

Bru R. The Modern West's Discovery of Shunga // Shunga: Sex and Pleasure in Japanese Art. Ed. Timothy Clark et al. London: British Museum Press, 2013. P. 478–489.

Exhibition of erotic Japanese art draws 200,000 visitors // The Japan Times. URL: <https://www.japantimes.co.jp/culture/2015/12/25/arts/exhibition-erotic-japanese-art-draws-200000-visitors/> (accessed: 10.06.2019).

Gill Robin D. The Woman Without a Hole – and Other Risky Themes from Old Japanese Poems. N.Y.: Paraverse Press, 2007. 490 p.

Ihara Saikaku. The Life of an Amorous Man. Translated by Kenji Hamada. Rutland, Vermont, Tokyo: Charles E. Tuttle Publishing Company, 1963. 233 p.

Moerman M.D. Demonology and Erotism. Islands of Women in the Japanese Buddhist Imagination // Japanese Journal of Religious Studies. Nagoya: Nanzan Institute for Religion and Culture., 2009. Vol. 36/2. P. 351–380.

Neill J. The Origins and Role of Same-Sex Relations in Human Societies. Jefferson, London: McFarkand and Company Publishers, 2009. P. 270–273.

Quehada E. Phallic Worship in Japan: celebrating the Phallus. Toronto: University of Toronto, 1998. 90 p.

Shunga: Sex and Pleasure in Japanese Art. The British Museum. Edited by Clark T., Gerstle C.A., Ishigami Ashi, Yano Akikio. London: The British Museum Press, 2016. 536 p.

Yano Akiko. Historiography of the “Phallic Contest” Handscroll in Japanese Art // Japan Review, #26 Special Issue Shunga. Kyoto: NICHIBUNKEN International Research Center for Japanese Studies, 2013. P. 59–82.

Yano Akiko. Shunga Paintings Defore the “Floating World” // Shunga: Sex and Pleasure in Japanese Art. The British Museum. Edited by Clark T., Gerstle C.A., Ishigami Ashi, Yano Akikio. London: The British Museum Press, 2016. P. 62–73.

REFERENCES

Bru, R. (2013). The Modern West’s Discovery of Shunga, in *Shunga: Sex and Pleasure in Japanese Art*, ed. by Timothy Clark et al, London: British Museum Press: 478–489.

Chikamatsu, Monzaemon. (1982). *Shunkan: Heike Nyogonoshima Kikaigashima no ba Ichimaku* [Shunkan. Taira’s Island of Women and Island of Demons, a One Act Drama], Tokyo: Kokuritsugekijō. (In Japanese).

Clark T. et all. (2016). *Shunga: Sex and Pleasure in Japanese Art*. The British Museum. Edited by Clark T., Gerstle C.A., Ishigami Ashi, Yano Akikio, London: The British Museum Press.

Dudarets, G.I., Latyshev, V.M. (2002). Ekspeditsiya V. Seroshevskogo i B. Pilsudskogo na o. Khokkaydo v 1903 g. [Expedition by V. Seroshevsky and B. Pilsudsky to Hokkaido in 1903], *Izvestiya Instituta naslediya Bronislava Pilsudskogo. Nauchnoye i epistolyarnoye nasledie Bronislava Pilsudskogo: poiski i nakhodki* [Review of B. Pilsudsky’s Heritage Institute. Research and Epistolary Heritage: Researches and Discoveries], Yuzhno-Sakhalinsk, 6: 137–145. (In Russian).

Dudarets G.I. (2006). «Pilsudskiy slavnnyy paren’ i prelestnyy, urozhdenyy etnograf. U nego pryamo prirozhdenyy talant...» (iz perepiski uchastnikov etnograficheskoy ekspeditsii 1903 goda na Hokkaydo) [Pilsudsky is a nice guy and a born ethnographer. He has a born talent... (from correspondence by participants of the expedition to Hokkaido in 1903)], *Izvestiya Instituta naslediya Bronislava Pilsudskogo. Nauchnoye i epistolyarnoye nasledie Bronislava Pilsudskogo: poiski i nakhodki* [Review of B. Pilsudsky’s Heritage Institute. Research and Epistolary Heritage: researches and discoveries], Yuzhno-Sakhalinsk, 10: 28–37. (In Russian).

Gill, R.D. (2007). *The Woman Without a Hole – and Other Risky Themes from Old Japanese Poems*, N.Y.: Paraverse Press.

Ihara, Saikaku. (1963). *The Life of an Amorous Man*, translated by Kengi Hamada, Rutland, Vermont, Tokyo: Charles E. Tuttle Publishing Company.

Kidder, J.E. (2003). *Yaponiya do buddizma* [Japan before Buddhism], Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian).

Kislyakov, V.N. (2012). Yaponskiye kolleksii L.Y. Sternberga, khranyashchiesya v MAE RAN [Japanese Collections by L.Y. Sternberg deposited at the MAE RAS], in *Lev Sternberg – grazhdanin, uchenyy, pedagog. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya* [Lev Sternberg as a Public Figure, Researcher, Educator. To his 150th Anniversary], St. Petersburg: MAE RAS: 83 – 91. (In Russian).

Ksenofontova, R.A. (1981). Fol'klorno-kul'tovyye obraztsy yaponskoy goncharnoy produktsii nachala XX v. [Folklore and Cult Motives in the Early 20th c. Japanese Ceramics], *Material'naya kul'tura i mifologiya. Sbornik MAE, T. XXXVII* [Material Culture and Mythology. Collection of the MAE RAS, Vol. XXXVII], Leningrad: Nauka: 67–80. (In Russian).

Mendrin, V.M. (1999). Istoriya segunata v Yaponii (Nikhon gaysi) [History of Japanese Shogunate (Nihon Gaishi)], Moscow, St. Petersburg: Rossiyskaya gos. biblioteka, Letniy sad, Vol. 2. (In Russian).

Meshcheryakov, A.N. (1981). Legendy iz «Nikhon reiki» [Legends from Nihon Ryoiki], *Narody Azii i Afriki* [Peoples of Asia and Africa], Moscow, 3: 126–134. (In Russian).

Meshcheryakov, A.N. (1984). Yaponskiye legendy o chudesakh (IX–XI vv.). Perevod s yaponskogo, predisloviye i kommentarii Meshcheryakova A.N. [Nihon Ryoiki. Japanese legends about miracles (9–11 cc.). Translation, preface and comments by Meshcheryakov A.N.], Moscow: Nauka. (In Russian).

Mikhaylova, E.A. (2011). Vystavochnyy proyekt Muzeya antropologii i etnografii «Antireligioznaya vystavka v gosudarstvennom Ermitazhe» i ego sozdatel' V.G. Bogoraz [A MAE Exhibition Project “The Antireligion Exhibition” and its Author V. G. Bogoraz], *Radlovskiy sbornik: nauchnyye issledovaniya i muzeynyye projekty MAE RAN v 2010 g.* [The Radlov Collection of Articles: Research and Museum Projects by the MAE RAS], St. Petersburg: MAE RAS: 90–95. (In Russian).

Moerman, M.D. (2009). Demonology and Erotism. Islands of Women in the Japanese Buddhist Imagination, *Japanese Journal of Religious Studies*, Nagoya: Nanzan Institute for Religion and Culture, 36/2: 351–380.

Neill, J. (2009). The Origins and Role of Same-Sex Relations in Human Societies, Jefferson, London: McFarkand and Company Publishers: 270–273.

Opis' MAE RAN [MAE RAS Inventory], No. 831, 1904. (In Russian).

Quehada E. (1998). Phallic Worship in Japan: celebrating the Phallus, Toronto: University of Toronto.

Sinitsyn, A.Y. (2008). Tri maski traditsionnogo yaponskogo teatra Kagura v ekspozitsii zala “Yaponiya” i ikh svyaz' s arkhainymi fallicheskimi kul'tami [Three Kagura Masks exposed at the MAE RAS Japanese Gallery and their Connection with Archaic Phallic Cults], in *Radlovskiy sbornik: nauchnyye issledovaniya i muzeynyye projekty MAE RAN v 2007 g.* [Radlovsky Collection of Articles: research and Museum Projects of the MAE RAS in 2007], St. Petersburg: MAE RAS: 75–81. (In Russian).

Sinitsyn, A.Y. (2010). Nekotoryye illyustratsii traditsionnykh yaponskikh predstavleniy o koital'nykh funktsiyakh zhivotnykh-oborotney (Po materialam yaponskogo sobraniya MAE RAN) [Some Illustartion of Japanese Folklore View of Coital Functions of Trickster Animals (Materials of the MAE RAS Collection)], in *Maklayevskiy sbornik, Vyp. 3. Avstraliya, Okeaniya i Indoneziya v prostranstve vremeni i istorii (stat'i po materialam Maklayevskikh chteniy 2007–2009 gg.)* [Maklayevskiy Collection of Articles, Vol. 3. Australia, Oceania, and Indonesia in the Space of Time and History (Articles Based on the Proceedings of the Maklayev Readings 2007-2009)], St. Petersburg: MAE RAS: 277–292. (In Russian).

Sternberg, L.Y. (1902). Fallicheskiy kul't [Phallic Cult], in Brokgauz F.A. and Efron I.A., *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary], St. Petersburg, Vol. XXXV, 268. (In Russian).

Sternberg, L.Y. (1908). *Materialy po izucheniyu gilyatskogo yazyka i fol'klora, sobrannyye i obrabotannyye* L.Y. Sternbergom. T. 1. *Obraztsy narodnoy slovesnosti* [Materials on the Studies of the Gilyak Language and Folklore, collected and processed by L.Y. Sternberg. Vol. 1. Samples of Folk Texts], St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk. (In Russian).

Sternberg, L.Y. (1936). *Pervobytnaya religiya v svete etnografii. Issledovaniya, stat'i, lektsii.* [Primordial Religion in the Light of Ethnography. Research, Articles, Lectures], Leningrad, Izdatel'stvo Instituta narodov Severa TSIK SSSR im. P.G. Smidovicha. (In Russian).

Suzuki, Shosan. (2004). «O tom, kak pokhotlivyy monakh obratilsya v zmeya». Perevod V.P. Mazurika [On a lustful monk who turned into a serpent. Translation by V.P. Mazurik], in *Tsyascha zhuravley. Antologiya yaponskoy klassicheskoy literatury VIII-XIX vv.* [One Thousand Cranes. Anthology of Japanese Classic Literature of 8th–19th cc.], St. Petersburg: 859–860. (In Russian).

The Japan Times. (2012). Exhibition of erotic Japanese art draws 200,000 visitors. URL: <https://www.japantimes.co.jp/culture/2015/12/25/arts/exhibition-erotic-japanese-art-draws-200000-visitors/> (accessed: 10 June 2019).

Toropygina, M.V. (trans.) (1994). *Puteshestviye Ondzosi na ostrova* [Onzoshi's Travel to the Islands], in *Gendzi-obez'yana. Yaponskiye rasskazy XIV – XVI vv. otogi-dzosi. Perevod s yaponskogo M.V. Toropyginoy* [Genji-the-Monkey. Japanese Otogi-zoshi Tales of the 14th – 15th cc. Translated from Japanese by M. Toropygina], St. Petersburg: Akademicheskiiy proyekt: 64–81. (In Russian).

Yano, Akiko. (2013). Historiography of the “Phallic Contest” Handscroll in Japanese Art, *Japan Review*, No. 26 *Special Issue Shunga*, Kyoto: NICHIBUNKEN International Research Center for Japanese Studies: 59–82.

Yano, Akiko. (2016). Shunga Paintings before the “Floating World”, in *Shunga: Sex and Pleasure in Japanese Art*, The British Museum, edited by Clark T., Gerstle C.A., Ishigami Ashi, Yano Akikio, London: The British Museum Press: 62–73.

Поступила в редакцию 25.06.2019

Received 25 June 2019

Для цитирования: Синицын А.Ю. Коллекция В.Л. Серошевского (МАЭ № 831) как первая в отечественной этнографии целевая подборка визуально-иллюстративных и предметно-тематических материалов по традиционным японским фаллическим культам // Японские исследования. 2019. № 4. С. 39–59. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10027

For citation: Sinitsyn A.Yu. (2019). Kolleksiya V.L. Seroshevskogo (MAE No. 831) kak pervaya v otechestvennoy etnografii tselevaya podborka vizual'no-illyustrativnykh i predmetno-tematicheskikh materialov po traditsionnym yaponskim fallicheskim kul'tam [The W.L. Seroshevsky collection (MAE No. 831) as the first targeted acquisition of visual and thematic materials on Japanese traditional phallic cults in Russian ethnography], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 4: 39–59. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10027

Японские исследования. 2019. № 4. С. 60–71.

Japanese Studies in Russia, 2019, 4, pp. 60–71.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10028

«Спор о бессюжетном романе»: литературные дискуссии Акутагава и Танидзаки

О.А. Забережная

Аннотация. Данная статья посвящена одной из самых известных дискуссий в литературных кругах Японии начала XX века, не изученной, однако, в отечественном японоведении, – спору Акутагава Рюноскэ и Танидзаки Дзюнъитиро о сущности прозы, который получил название «спор о бессюжетном романе». В 1927 г., когда дискуссия развернулась на страницах журнала «Кайдзо», литературная жизнь была сосредоточена в кругах творческой элиты *бундан*, в рамках которой создавались различные объединения и журналы. В ходе дискуссии Акутагава предложил понятие «поэтического духа» в прозаическом произведении как центральную категорию своей эстетической теории, подразумевая под этим главенствующую роль лирического настроения героя над сюжетной линией. Произведение, содержащее в себе «поэтический дух», Акутагава считал вершиной прозаического творчества и именно такую прозу называл «рассказ без рассказа», полагая, что «интересный сюжет» и интерес к сюжету как таковому умаляет достоинство произведения, приближая его к общедоступной, развлекательной литературе. Танидзаки, произведения которого Акутагава и критиковал за «интересный сюжет», выступал в защиту множества сюжетных линий, утверждая, что таким образом создается «архитектурная красота» произведения, что подразумевает, во-первых, его структурную сложность, во-вторых, обеспечивает внутреннюю энергетику. В противоположность Акутагава, Танидзаки не считал общедоступность литературы качеством, перечеркивающим её художественную ценность. В сущности данная дискуссия, в ходе которой признанные классики литературы Нового времени излагают основы своих эстетических взглядов, представляет собой спор о роли чистой литературы (*дзюнбунгаку*) и массовой (*тайсю: бунгаку*) – проблема, которая получит наибольшее развитие уже после смерти Акутагава. В этом заключается главное значение этого спора, который более правильно называть дискуссией, поскольку принципиального расхождения между писателями не наблюдалось. Дискуссия была обусловлена различиями в мироощущении, складе характера, эстетическом восприятии, нервной организации писателей, а также полярностью их жизненных этапов на тот момент. Для Акутагава, склонного к меланхолии, рациональному анализу и интеллектуально воспринимавшего мир, близился конец его жизни и конец эпохи «чистой» литературы, а Танидзаки, обладателю чувственно-мистического мировосприятия, уверенно пожинавшему плоды славы, ещё многое предстояло сделать на литературном поприще.

Ключевые слова: Акутагава, Танидзаки, теория литературы, эстетика, сюжет, проза, поэтический дух.

Автор: Забережная Ольга Алексеевна, кандидат культурологии, преподаватель, Школа востоковедения НИУ ВШЭ. E-mail: kluginda@gmail.com

The “Plotless Novel” debate: literary discussion between Akutagawa Ryunosuke and Tanizaki Jun’ichiro

O.A. Zaberezhnaya

Abstract. This article is devoted to one of the most well-known discussions in the literary circles of Japan at the beginning of the twentieth century, the dispute between Akutagawa Ryunosuke and Tanizaki Jun’ichiro about the essence of prose, which was called the “plotless novel” debate. In 1927, when the discussion was published in the magazine “Kaizo”, literary life was concentrated in the circles of the creative elite, or *bundan*, within which various associations and magazines were created. During the discussion, Akutagawa proposed the concept of “poetic spirit” in a prose work as the central category of his aesthetic theory, implying the dominant role of the hero’s lyrical mood over the storyline. Akutagawa considered the work containing the “poetic spirit” to be the pinnacle of prose creativity and called such prose “a story without a story”, believing that the “interesting story” and interest in the story as such diminish the quality of the work, bringing it closer to the mass entertaining literature. Tanizaki, whose works Akutagawa criticized for “an interesting plot,” defended the story with many plot lines, arguing that this creates the “architectural beauty” of the work, which implies, firstly, its structural complexity, and, secondly, provides internal energy. In contrast to Akutagawa, Tanizaki did not consider the general accessibility of literature as a quality that crossed out its artistic value. In essence, this discussion, in which the recognized classics of modern literature present the basis of their aesthetic views, is a dispute about the role of pure literature (*junbungaku*) and mass (*taishū bungaku*) – a problem that will be most developed after Akutagawa’s death. This is the main significance of this dispute, which should rather be called a discussion, since there was no fundamental difference between the writers.

The discussion took place due to differences in attitude, character, aesthetic perception, psychological organization of the writers, as well as the polarity of their life moments at that time. For Akutagawa, prone to melancholy, rational analysis, and intellectual perception of the world, the end of his life and the end of the era of “pure” literature was nearing, while Tanizaki, demonstrating a sensual-mystical worldview and confidently gathering the fruits of glory, still had much to do in his literary career.

Keywords: Akutagawa, Tanizaki, literary debates, aesthetics, plot, prose, poetic spirit.

Author: Zaberezhnaya Olga A., PhD (Culturology), lecturer at National Research University Higher School of Economics, Department of African and Asian Studies. E-mail: kluginda@gmail.com

Японские писатели Акутагава Рюноске (1892–1927) и его старший современник Танидзак Дзюньитиро (1886–1965) принадлежали к узкому кругу так называемой художественной элиты *бундан*. Именно в этом, довольно закрытом, обществе писателей, художников и других творческих профессий, существовавшем с эпохи Мэйдзи (1868–1912) и приблизительно до конца Второй мировой войны [Powell, 1983, xi], происходили главные события и процессы культурной жизни Японии, вошедшие в историю японской литературы, такие, как становление реалистического романа, появление новых форм в стихосложении, разработка теории художественной литературы и др. Хотя литературная деятельность проходила не только в рамках *бундан*, все произведения, созданные за пределами этого круга, относились к так называемой общедоступной литературе (*цу:дзоку бунгаку*), направлению, которому в исследованиях как в Японии, так и за

её пределами, уделяется недостаточно внимания [Биричевская, 2001, с. 3]. Литература, созданная писателями *бундан*, называлась «чистой» (*дзюнбунгаку*). Данное противопоставление высокой, элитарной и общедоступной, развлекательной литературы стало одной из главных тем для дискуссий в эпоху Акутагава и Танидзаки.

В это время всевластья *бундан* активно создавались различные общества и журналы, где писатели печатали свои произведения, критику, эссе, могли активно обмениваться мнениями, литературная среда была «ареной острой полемики для представителей самых разных течений» [Мещеряков, 2003, с. 15]. Именно на страницах таких журналов скрестили свои литературные мечи Акутагава и Танидзаки. Спор этих писателей не был единственным, он был одним из многих дебатов, происходивших между литераторами в эпоху Тайсё (1912–1926). В 20-е годы XX века известны споры между такими писателями, как Кикиути Кан и Сатоми Тон, Хироцу Кадзуо и Икута Тёко [Strecher, 1996, p. 360]. Спор Акутагава и Танидзаки о «бессюжетном романе», наверное, самый известный в череде дискуссий того периода и занимает важное место в истории японской литературы, однако в отечественном литературоведении этот вопрос не изучен и, по нашему мнению, заслуживает внимания. Данная статья может представлять интерес не только для востоковедов, но также для литературоведов и историков литературы, поскольку в ней затрагивается процесс становления литературной теории в Японии Нового времени.

Для атмосферы эпохи Тайсё характерны расцвет индивидуализма, «культурализм»¹ (*кё:ёсюги*) [Culture and Identity, 1990, p. 42], свобода самовыражения, отделение культурной жизни от политической. Во время, когда возник спор, то есть в 1927 г., японские писатели уже освоили западные эстетические теории и создали свои направления реализма, натурализма, романтизма, эстетизма. Писатели, сформировавшие к тому времени видение западной, японской, мировой культуры, искали новые пути самоопределения и самореализации в условиях наплыва различных потоков информации. Их особенно волновали следующие проблемы: взаимодействие Востока и Запада, путь художника в новых условиях этого взаимодействия, приоритет искусства или жизни, инстинкта или разума [Powell, 1983, p. 88]. Наконец, не потерял актуальности возникший у литераторов Мэйдзи вопрос о том, что такое литература (в частности проза) Нового времени, каким должен быть современный роман.

Танидзаки и Акутагава – весьма различные писатели как с точки зрения литературного стиля, так и с точки зрения мироощущения и восприятия литературного творчества в целом. Общим между ними была их приверженность так называемому антинатурализму (*хансидзэнсюги*). К этому направлению относили себя многие писатели, по различным причинам недовольные японским натурализмом и засильем исповедального типа романа, или «я-романа» (*сисё:сэцу*) в литературе начала XX в. Так, Танидзаки считал, что изложение жизни такой, какая она есть, как это делают натуралисты, губительно для воображения художника, а воображение – главная движущая сила и источник творческого импульса, или «творческого жара» [Ueda, 1976, p. 61]. Воображение даёт сверхъестественные силы восприятию, которое позволяет улавливать

¹ В противоположность подчинению государству и дисциплине эпохи Мэйдзи, «культурализм» Тайсё предполагал развитие своего духовного мира, воспитание личности, аполитическую ориентацию.

красоту мира. Творческий импульс коренится в области подсознательного и поэтому не контролируется художником, который должен ждать, пока в его голове сформируется фантазия. Танидзаки сравнивает этот процесс работы вдохновения с тем, как весной растут деревья и распускаются цветы. Натурализм, таким образом, противоречит главной цели искусства – созданию мира воображения и нахождения там, что должно доставлять наслаждение как писателю, так и читателю [Ueda, 1976, p. 61]. Акутагава видел смысл искусства в том, чтобы сформировать у читателя разностороннее восприятие жизни, показать многогранность человеческой природы, правду жизни, которая для современного человека не может быть односторонней. Поэтому он критиковал натурализм за узость и неспособность сделать это в жанре повести, сосредоточенной исключительно на ближайшем окружении писателя и его личных внутренних переживаниях. Акутагава, как и Танидзаки, говорит об основе творческих сил, называя её «жизненным источником» (*сэймэй*), что имело для него смысл жизненной энергии, возможно, даже животного инстинкта. Таким образом, у обоих писателей присутствует понятие творческого импульса, но его действие вылилось в прозу различного характера. Проза Танидзаки – эстетика гротеска и тени, «революция эмоции» (*кандзё: какумэй*) [Suzuki, 1996, p. 26], склонность к мистическому, к подсознательному, потаённым, тёмным и даже извращённым, демоническим сторонам человеческого сознания, к эстетике тени, и наконец, провозглашению победы прекрасного зла над обыденным добром. Акутагава, в противоположность Танидзаки, волнуют вопросы не мира фантазий и одержимостей, а этические проблемы, противостояние добра и зла в сознании одного человека. Акутагава стал новатором в том, что сделал психологию человека главным объектом познания [Гривин, 2000, с. 11]. Он находился в нескончаемом поиске доброго в человеке и попытке доказать, что человек всё же благороден. Несмотря на такое различное эстетическое восприятие, писатели увидели друг в друге незаменимого и равнодушного собеседника для обсуждения волнующих их проблем. «У меня совершенно нет никого в мире, с кем я бы мог без какой бы то ни было задней мысли сразиться в споре. Я нашёл самого лучшего собеседника в Танидзаки», – отмечает Акутагава в своих заметках [Акутагава, Танидзаки, 2017, с. 118].

«Спор о сюжете», или спор о романе без сюжета, начался на страницах журнала «Синтё» с критики со стороны Акутагава произведений Танидзаки и продолжился в журнале «Кайдзо». Также высказывания писателей можно найти в некоторых заметках и эссе, входящих в общее собрание сочинений. В заметках в журнале «Кайдзо» Акутагава и Танидзаки, помимо вопроса о сущности литературы, затрагивают проблемы взаимодействия Запада и Востока, сравнения западной и восточной культур, литературных направлений, живописи, театра, стихосложения, перевода и др., обсуждают многие произведения прошлого и современности и демонстрируют отличное знание культуры как Японии, Китая, так и западных стран. Из этих заметок мы можем извлечь не только идеи писателей, но и познакомиться с их индивидуальным ходом мыслей и манерой изложения.

Дискуссия открылась в феврале 1927 г. Как известно, в июле этого года Акутагава покончит жизнь самоубийством, Танидзаки же находится в зените своей славы. Спор начался с издания Танидзаки своих заметок под названием «Записи болтовни» (*Дзё:дзэцуроку*), где он утверждал, что интересный сюжет и структура произведения – это необходимые требования к

искусству. Также он признаётся, что в последнее время стал больше склоняться к чему-то ненормальному, порочному, искусно завуалированному, нежели реалистическому [Ли, 2014, с. 96].

Данные высказывания стали причиной замечания со стороны Акутагава на встрече, посвящённой совместному обзору и критике некоторых произведений. Писатель сказал следующее: «Интересный сюжет – это, например, когда есть большая змея или большой жираф, и это интересно <...> Можно ли назвать такого рода интересный сюжет, который часто встречается у г. Танидзаки в рассказах, настоящим искусством, это для меня вопрос» [Акутагава, Танидзаки, 2017, с. 227]. Он утверждает, что в самом по себе сюжете, который может быть интересен и понятен любому, нет ничего ценного.

В ответ на это Танидзаки отмечает, что, по мнению Акутагава, он только пишет о причудливых и странных событиях и неверно истолковал его понимание «интересного сюжета». Интересный сюжет, говорит он, заключается в «архитектурной красоте структуры, композиции произведения. Об этом нельзя сказать, что здесь нет художественной ценности (материал и структура при этом разные вещи). Я не говорю, что только в этом заключается художественная ценность, но я верю, что то, что содержит в себе в большом количестве структурную красоту, может называться художественной прозой. Если исключить эту привлекательность сюжета, прозаическая форма потеряет свои уникальные характерные черты. И я думаю, что японским писателям как раз не хватает этой способности конструировать, у них нет таланта к геометрическому построению сложного сюжета» [Акутагава, Танидзаки, 2017, с. 18]. В вышеприведённой цитате Танидзаки, во-первых, расширяет определение «интересного сюжета» до понятия объёмной структуры, архитектурной композиции произведения. Во-вторых, он утверждает, что у современных японских писателей способность создавать такую композицию, в отличие от китайских писателей, отсутствует. Он говорит о том, что японские писатели, сенсуалисты по своей природе, не придавая структуре сюжета решающее значение, делают её нечёткой, размытой, не создают ощущения единства, которое должно, по мнению Танидзаки, обязательно присутствовать. Так, в другом месте данных дебатов он утверждает, что «произведение должно быть целостно, подобно живому существу» [Акутагава, Танидзаки, 2017, с. 102]. Сам Танидзаки, хотя и говорил о действии вдохновения и творческой лихорадке, а также о том, что писатель может быть опьянён своим сочинением, тем не менее, известен тем, что тщательно выверял сюжетные линии собственных произведений и считал, что сюжет должен быть единым целым до такой степени, что если убрать одно из звеньев, произведение перестанет существовать [Ueda, 1976, p. 72].

Это побудило Акутагава в следующем номере «Кайдзо» пространно изложить то, что можно назвать основой его эстетической теории, а именно, тезисы о «бессюжетной прозе» и «поэтическом духе».

Он поясняет, что ценит «прозу, в которой нет рассказа, похожего на рассказ (*ханаси раси ханаси но най сё:сэцу*)», а это, «конечно, не просто роман, в котором описываются какие-то личные дела. Это такой роман, который среди различных прозаических произведений будет в наибольшей степени похож на поэзию. При этом он будет ближе к прозе, чем так называемые стихи в прозе» [Акутагава, Танидзаки, 2017, с. 28]. При этом он отмечает, что у всех произведений есть сюжет, или «рассказ», но в разной степени. Так, картина не может быть

создана без рисунка, но предпочтительна та картина, в которой больше внимания уделяется цветовой гамме, чем эскизу. Например, Сезанн своей живописью доказывает это утверждение [Акутагава, Танидзаки, 2017, с. 29].

Он отмечает, что такого рода проза, если не должна рассматриваться как наивысшая форма искусства, то это высокое искусство, поскольку в ней нет ни капли «обыденного интереса» (*цу:доку-тэки кё:ми*) [Акутагава, Танидзаки, 2017, с. 29]. Что это означает? Акутагава в качестве примера прозы без сюжета приводит два произведения, по которым легко понять, что он имеет в виду. Во-первых, это «Нравы четы Филипп» Жюль Ренара «на Западе» и рассказ Сига Наоя «Такиби» («Костёр») «на Востоке» [Акутагава, Танидзаки, 2017, с. 30]. В «Нравах четы Филипп» мы видим сцены из деревенской жизни простых людей, разрозненные и не всегда связанные между собой хронологически. Очевидно, что для автора главной задачей было передать не события, которые весьма обыденны, а атмосферу неспешных дней в деревне. В рассказе «Такиби» четыре человека, в числе которых и сам рассказчик, скучают в праздности, после чего они поднимаются в горы, чтобы совместно строить там домик. Там им приходит идея покататься на лодке, и во время прогулки они видят на другой стороне озера костёр и рассказывают друг другу истории из своей жизни. Очевидно, что без дополнительного объяснения нам совершенно непонятен смысл действий героев рассказа, а также цель, с которой автор описывает такие незначительные действия. Для понимания рассказа важен не сам факт ночной прогулки или костра: главным является то, как конкретный ночной пейзаж повлиял на конкретное душевное состояние героев. Поэтому здесь для читателя не может возникнуть ничего подобного тому, что Акутагава назвал «обыденным интересом», то есть интересом к событию как к таковому. Поэтому Акутагава называет Ренара «разрушителем прозы», а Сезанна – «разрушителем живописи» [Акутагава, Танидзаки, 2017, с. 30]. Писатель имел в виду, что Ренар убрал сюжет и построил свои произведения на лирическом настроении, тем самым сохранив прозаическую форму, он заменил характер прозы на характер лирики, объективное описание событий на мир лирических событий, Сезанн же сделал главным цвет, а не рисунок, также перевернув с ног на голову привычные представления о живописи.

В вышеприведённых произведениях он видит «поэтический дух» главным эстетическим свойством произведения высокого искусства. Он поясняет: «Мой “поэтический дух” – это лирическая поэзия в самом широком смысле этого слова. <...> Какая бы идея ни закладывалась в художественное произведение, необходимо, чтобы она обязательно прошла через “священный огонь” поэтического духа. Я говорю о том, как зажечь этот “священный огонь”. Наверное, наполовину это зависит от врождённого таланта. <...> Однако сила “священного огня” определяет достоинство произведения. Из различных жанров искусства ни один не описывает жизнь эпохи так, как проза. С другой стороны, ни один жанр не теряет свою мощь так быстро, как проза, при изменении образа этой жизни <...> Вряд ли найдутся те, кто будут читать сотни страниц, ради того, чтобы прочесть несколько строк, наполненных реализмом. Только то, что искренне выражает простой душевный настрой, может преодолеть эпохи, другими словами, жизнь лирики дольше, чем прозы» [Акутагава, Танидзаки, 2017, с. 49].

Акутагава утверждает, что проза, несущая в себе лирическое начало, останется в вечности, поскольку она существует вне зависимости от общества или политики, то есть от сиюминутного.

Проза, зависящая от изменений общественной жизни, не оставит следа в веках и не может быть отнесена к высокому искусству.

В этом смысле Акутагава вступает в полемику с Сато Харуо, который считает, что век поэзии прошёл, и именно за прозой – настоящее и будущее. Его оппонент Сато Харуо несколько иначе воспринимал «лирический дух», противопоставляя его «духу прозы». Сато утверждал, что вся разрозненность жизни, когда проходит через субъективное восприятие поэта, приходит к порядку, гармонии и единству, и это создаёт классическое искусство [Ли, 2014, с. 101]. Проза же, напротив, построена на тщательном наблюдении за дисгармонией, беспорядком, разрозненностью жизни. Именно поэтому в современную эпоху необходимо обращаться к «духу прозы», который способен наиболее точно отражать основные черты эпохи [Ли, 2014, с. 102]. Акутагава также говорил о тщательном наблюдении за действительностью, но считал, что оно должно быть направлено на отбор наиболее «чистых», вечных её элементов, пронизанных «священным огнём» поэзии. Таким образом, «поэтический дух» в понимании Акутагава – это не просто характер субъективного восприятия, но неподвластная времени мощная сила, способная наделить прозаическое произведение эстетической ценностью и увековечить его.

Акутагава считал невозможным существование прозы без поэзии и поэтому жаловался, что поэтам в современном мире не уделяется достаточное внимание, тогда как они оказывали и продолжают оказывать на прозаиков влияние, и очень поучительно в этом смысле обратить внимание на прозу, написанную поэтами, поскольку она носит незавершённый характер, как поэзия, и даёт простор воображению. Акутагава приводит в пример дневник Мацуо Басё «По тропинкам Севера», говоря, что это произведение разрушает «реалистический интерес» (*сясэй-тэки кё:ми*) [Акутагава, Танидзаки, 2017, с. 42]. Поэтическому духу он противопоставляет «журнализм», то есть непосредственное фиксирование событий окружающего мира. Если поэтические произведения и редкие прозаические носят поэтический дух, то журнализм отражает прозаический характер, и «все остальные виды писательства – это журнализм» [Акутагава, Танидзаки, 2017, с. 43]. Поэтому он и сам себя с сожалением относит к журналистам. У самого Акутагава, действительно, сложно найти бессюжетные произведения лирического характера, о которых он говорил.

Определение «поэтического духа» было раскритиковано Танидзаки как недостаточно ясное. Однако, по нашему мнению, хотя Акутагава порой сбивчив в своих рассуждениях, в понятии «поэтического духа» вполне очевидно, что он хочет сказать, в особенности после приведения им в пример вышеуказанных произведений, где главной целью автора является донесение лирического настроения. Характерная черта данного настроения – инстинктивность [Ueda, 1976, p. 121]. Акутагава говорит о том, что лирическая поэзия зародилась, когда поэт в лесу слышал крик оленя, призывающего самку, и его охватило чувство любви [Ли, 2014, с. 100]. Такую же лирическую поэзию, по мнению Акутагава, привнёс в свои произведения Сига Наоя, которого многие называли инстинктивным. Поэтому Акутагава считал, что художник более свободен чем писатель, и в большей степени может достичь «поэтического духа»: ведь он не связан словами, которые привязывают его к обществу, и может отдаться своему творческому инстинкту [Акутагава, Танидзаки, 2017, с. 129].

Можно сказать, что спор Акутагава и Танидзаки и есть дискуссия о роли элитарной и массовой литературы, дискуссия, которая продолжалась ещё долгие годы после смерти Акутагава. Однако, как мы видели выше, Акутагава не использует термин «массовая литература» (*тайсю: бунгаку*), он говорит об общедоступной (*цу:дзоку бунгаку*). Эти термины постепенно перестали разделяться в 1930-е годы, но во времена Акутагава литераторы делали различия между ними. Акутагава говорит об общедоступной литературе, отдельно отмечая, что массовая, то есть детективы, не входят в спектр его рассуждений [Танидзаки, Акутагава, 2017, с. 167]. Таким образом, он считал *цу:дзоку бунгаку* выше, чем *тайсю: бунгаку*. К этому направлению относятся такие современники Акутагава, как Кики Кан или Кумэ Масао [Strecher, 1996, p. 369], однако в настоящее время их относят и к массовой литературе. Акутагава, противопоставляя «чистое» искусство «общедоступному», выступал за лирический характер прозы, позволяющий произведению обрести вечную жизнь и не зависеть от изменений в обществе, от политики. В связи с этим он вводит в споре с Танидзаки термин *дзаппаку* (досл. «неупорядоченность»). Рассуждения Акутагава на эту тему не совсем ясны. Он противопоставляет неупорядоченность чистоте в размышлениях о Гёте, однако пишет следующее: «Если рассуждать строго, то “неупорядоченность” – ничто иное, как чистота <...>. Однако то, что будет увековечивать писателей – это в конечном итоге их чистота» [Акутагава, Танидзаки, 2017, с. 34]. Однако в другом месте он говорит: «Если есть великие поэты со свойством неупорядоченности, то нет великих поэтов без свойства чистоты. Следовательно, то, что делает великих поэтов великими, во всяком случае, то, что передаёт их имена последующим поколениям – это “неупорядоченность”» [Акутагава, Танидзаки, 2017, с. 120]. Данные высказывания кажутся непонятными и противоречивыми, неясно само значение *дзаппаку*. Нам кажутся удовлетворительными объяснения исследователя Ли Хуэй Цзюэ в работе, посвящённой данной проблеме. Так, по мнению Ли, *дзаппаку* означает сиюминутную славу, следование веянию времени и обретение публики среди современников благодаря своей «неупорядоченности», то есть разносторонности, умению приспосабливаться, погоней за яркими, интересными эпизодами и т.д. Для великого поэта необходим симбиоз обоих качеств. Так, *дзаппаку* обеспечивает ему признание и гарантию, что его имя будет передано другим поколениям, а чистота «дзюнсуй» увековечит его имя, сделает его бессмертным [Ли, 2014, с. 100].

Что отвечал Танидзаки? «Он говорит об “интересе, понятном любому”, но если у романа будет много читателей, я вовсе не возражаю. Если сохраняется художественная ценность, лучше, чтобы роман был понятен любому, чем непонятен» [Акутагава, Танидзаки, 2017, с. 167]. В понимании Танидзаки, если произведение качественное, несёт в себе работу воображения и сильную «структуру», оно может относиться и к общедоступной литературе, и в этом нет ничего зазорного. Так, все писатели прошлого писали то, что интересно народу, а в нашей современной элите считается, что общедоступное искусство равносильно массовому и значит низкому [Акутагава, Танидзаки, 2017, с. 108]. Также он отмечает, что современные писатели пишут некачественные романы о себе, и это по умолчанию относится к высокому искусству. Естественно, я буду настаивать в такой ситуации на интересном сюжете, говорит он [Акутагава, Танидзаки, 2017, с. 108]. Таким образом, мы видим, что если Акутагава серьёзно опасался за судьбу «чистой» литературы, искусства ради искусства, вытесняемого коммерческой,

развлекательной литературой, то Танидзаки не считал общедоступность или развлекательность препятствием для обретения художественной ценности. Танидзаки был против того, чтобы устанавливать правила и стандарты для искусства. Он говорил, что обязательно придёт художник, который своим выдающимся произведением разрушит эти стандарты, поэтому их бесполезно устанавливать [Акутагава, Танидзаки, 2017, с. 102].

Далее рассмотрим обсуждение понятия «архитектурной красоты» как определяющего фактора эстетической ценности в теории Танидзаки. Акутагава отвечает на вышеприведённую мысль Танидзаки, отмечая, во-первых, что «архитектурная красота» должна присутствовать, без сомнения, в пьесе. Однако он понимает «архитектурную красоту», как оказывается впоследствии, иначе, чем Танидзаки, подразумевая чёткую фиксацию действия во времени и пространстве, подобно тому, как здание занимает определённое место в пространстве. Это понимание вполне последовательно и логично, если учесть высказывания Танидзаки о «геометрической» структуре. Таким образом, если проза будет подобным образом вписана в строгие границы, а также если там главную роль будет играть сюжетная линия или множество сюжетных линий (как на том настаивает Танидзаки), роман превратится в драматургическое произведение. Во-вторых, он не соглашается с Танидзаки, говоря, что ещё со времён «Повести о Гэндзи» японцы обладали «способностью конструировать» (*ко:сэй суру тикара*). Из современников он приводит таких авторов, как Идзumi Кёка, Масамунэ Хакутё, Сато Харуо, Уно Кодзи [Акутагава, Танидзаки, 2017, с. 32]. Если японские авторы вовсе не проигрывают китайским в этой способности, то проигрывают в «неиссякаемой физической силе» (*никутай-тэки рикирё:*) Кодзи [Акутагава, Танидзаки, 2017, с. 32]. Но главное, повторяет Акутагава, заключается в наличии или отсутствии поэтического духа.

Танидзаки в ответ на это ещё более подробно поясняет своё понимание «способности конструировать». Он предлагает новый образ для своего понятия, связывая его с введённым Акутагава понятием о «физической силе» и довольно далеко уходя от своей первоначальной формулировки: «Глубокое дыхание, крепкие руки, устойчивая поясница – даже в коротких рассказах, если они выдающиеся, присутствует это ощущение. В прозе крупных форм также неопределённые романы выдыхаются посередине пути, но романы по-настоящему прекрасные доносят красоту, настойчиво изливая на нас всё больше событий, словно огромный горный массив идёт зигзагообразно то вниз, то вверх. Именно это я подразумеваю под «способностью конструировать» [Акутагава, Танидзаки, 2017, с. 111]. Танидзаки расширяет понятие структуры от основы построения, архитектурного каркаса произведения до некой внутренней энергии произведения или самого автора. Эта энергия должна передаваться читателю, создавая ощущение физически сильного тела или величественного природного пейзажа.

Мы видим, что писателя заинтересовало утверждение Акутагава о «физической силе» в китайской литературе. Танидзаки соглашается, что у японских писателей этой силы недостаёт, более того, называет нехватку «физической силы» одной из принципиально слабых сторон японской литературы. Однако он отмечает, что в некоторых частях «Гэндзи моногатари» она присутствует [Акутагава, Танидзаки, 2017, с. 110]. Кроме того, он говорит, что Акутагава не дотягивает до Сига Наоя в отношении «физической силы» (в произведении). Как оказывается, Сига Наоя со своей физиологически ритмической прозой, близкой к японскому

сенсуалистическому японскому мировосприятию и точным, лаконичным стилем, передающим физиологический ритм сердцебиения [Забережная, 2015, с. 36], стал своеобразным эталоном прозаика среди круга *бундан*. Редкий значимый писатель избегает сравнения с ним в том или ином аспекте. Особенность прозы Сига, которую писатели и критики не могут оставить без внимания, они выражают различными терминами, однако все они описывают, как нам кажется, одно и то же явление с разных сторон. Так, Акутагава видит в прозе Сига воплощение «поэтического духа», Танидзаки – «физической силы». Сравнивая свою прозу с текстами Сига, Акутагава отмечал у себя отсутствие «поэтического духа», и именно в недостатке «физической силы» обвиняет его Танидзаки. Акутагава считает прозу Сига передающей лирическое настроение, то есть уникальное ощущение лирического героя. Танидзаки отмечает «глубокое дыхание, крепкие руки», то есть трансляцию читателю на уровне практически физиологическом телесных ощущений автора, возможно, его собственного восприятия своего тела (нужно отметить, что Сига считался весьма привлекательным внешне и уверенным в себе человеком). Поэтому можно сказать, что понимание явления, которое создавало привлекательность текстов Сига, у писателей весьма близко и заключается в непосредственной трансляции читателю ощущения от настоящего момента. Это понимание отличается разве что наличием у Танидзаки тезиса о чувстве уверенности, который у Акутагава отсутствует.

Понимание «физической силы» у Танидзаки тесно связано с понятием «способность конструировать». Как видно из вышеприведённой цитаты, Танидзаки сравнивает структуру произведения с крепким телом, то есть олицетворением физической силы, поэтому разница между этими понятиями не является принципиальной. Акутагава в ответной заметке соглашается, наконец, с определением «способности конструировать» и «структуры», предложенными Танидзаки.

Следующая заметка Акутагава, вышедшая в августе 1927 г., стала последней в цепочке дискуссии. Там он завершает тему «чистого» и «общедоступного» искусства, дав им определение. Так, он отмечает, что высокохудожественный роман – это тот, в котором обычный человек описывается поэтически, а общедоступный роман описывает в общедоступной форме человека с поэтическим характером [Акутагава, Танидзаки, 2017, с. 167–168]. Данное определение с присущим Акутагава остроумием точно объясняет суть этих явлений. Высокое искусство в понимании Акутагава (в частности приведённые произведения Сига и Ренара) описывают жизнь обычных людей, создавая лирическое настроение. Общедоступная литература, обладая лишь посредственным инструментарием, стремится описывать людей выдающихся, чтобы сделать произведение интересным.

Таким образом, основным предметом спора Акутагава и Танидзаки стали следующие моменты.

- Первенство «интересного сюжета» или «бессюжетного романа»: данный спор равносильен по своему содержанию дискуссии о чистой и популярной литературе.
- «Поэтический дух» и «архитектурная красота» – как основные эстетические принципы писателей.

Дискуссия Акутагава и Танидзаки стала знаковой для истории японской литературы главным образом потому, что этот спор заложил основы последующего серьезного противостояния массовой литературы *тайсю: бунгаку* и «чистой» *дзюнбунгаку* [Strecher, 1996, p. 361]. Смерть Акутагава поставила точку не только этом споре, но была расценена многими как доказательство кризиса «чистой» литературы или даже её конца, то есть конца эпохи искусства ради искусства. В отношении же самого содержания спора можно сказать, что никакого принципиального противостояния или серьезного столкновения у писателей не было, поэтому, возможно, более целесообразно было бы называть это дискуссией (*гирон*), а не спором (*ронсо*:). Мы можем только согласиться с Танидзаки, который отметил, что спор заключается в том, что они – «физически разные люди» [Акутагава, Танидзаки, 2017, с. 113]. Только по вышеописанным заметкам можно заключить: Акутагава – интеллектуальный, склонный к аналитическому мышлению, к определению, обобщению, Танидзаки – инстинктивно-сенсуалистический, вспыльчивый, подверженный порывам настроения. Стиль Акутагава при этом нервный, сбивчивый, неуверенный, видна его закомплексованность в реакции на критику Танидзаки. Танидзаки в заметке на смерть Акутагава говорит о «демоне сомнения», подтачивающем веру в писательское предназначение и погубившем Акутагава. «Такие нервы и такое тело, как у него, были не для этого мира, у него среди нас был наиболее разносторонний талант и наиболее ясный ум», – пишет Танидзаки [Акутагава, Танидзаки, 2017, с. 193]. Сам Танидзаки, напротив, был уверен в своей писательской миссии [Ueda, 1976, p. 54], ему предстоит ещё много сделать на литературном поприще, а кризис «чистой» литературы, как мы видели выше, не представлял для него серьезной проблемы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акутагава Рюноскэ, Танидзаки Дзюнъитиро. Бунгэйтэкина, амари ни бунгэйтэкина / дзё:дзэцуроку / Акутагава vs. Танидзаки ронсо: : [Литературное, слишком литературное / записи болтовни / спор Акутагава и Танидзаки]. Токио: Коданся бунгэй, 2017.

Биричевская О.Ю. Творчество Кикуты Кана и проблемы японской массовой литературы «Тайсю Бунгаку» в первой половине XX века: автореф. дис. канд. филол.наук : Спец. 10.01.03 / Биричевская Ольга Юрьевна ; Санкт-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2001.

Гривнин В.С. Творческий поиск Акутагавы Рюноскэ // Акутагава Рюноскэ. Беседа с богом странствий. СПб.: Азбука, 2000. 540 с. С. 5–24.

Забережная О.А. Эстетические взгляды писателя Сига Наоя // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2015. No 2. 2015. С. 29–37.

Ли Хуэй Цзюэ. Акутагава Рю:носукэ но баннэн но бунгакукан: тайсё: макки ни океру «сё:сэцу но судзи» ронсо: : [Взгляд на литературу Акутагава Рюноскэ в поздний период творчества (Дискуссия о сюжете прозы в эпоху Тайсё)] // Матиканэяма ронсо. Культурная динамика 48. 2014. С. 95–110.

Мещеряков А.Н. Предисловие // Японская новелла / сост. А.Н. Мещеряков. Серия: Золотая серия японской литературы. СПб.: Северо-Запад Пресс, 2003. С. 5–16.

Culture and Identity: Japanese Intellectuals during the Interwar Years. Edited by Thomas J. Rimer. Princeton: Princeton University Press, 1990.

Powell, Irena. Writers and Society in Modern Japan. Tokyo: Kodansha International, 1983.

Strecher, Mathew S. Purely Mass or Massively Pure? The Division Between 'Pure' and 'Mass' Literature // *Monumenta Nipponica*. Vol. 51, No. 3 (Autumn, 1996), pp. 357–374.

Suzuki, Sadami. Tanizaki Junichiro as a cultural Critic // *Japan Review* No. 7 (1996), pp. 23–32.

Ueda, Makoto. Modern Japanese Writers and the Nature of Literature. Stanford: Stanford University Press, 1976.

REFERENCES

Akutagawa Ryunosuke, Tanizaki Jun'ichiro (2017). Literary, too Literary / A Talkative Record / The Dispute of Akutagawa and Tanizaki, Tokyo: Kodansha Bungei. (In Japanese).

Grivnin, V.S. (2000). Tvorcheskiy poisk Akutagavy Ryunosuke [Akutagawa Ryunosuke's Artistic Search], in *Akutagava Ryunosuke. Beseda s bogom stranstviy* [Akutagawa Ryunosuke. A Conversation with a God of Travels], Saint Petersburg: Azbuka: 5–24. (In Russian).

Li, Hui Jue (2014). Akutagawa ryunosuke no bannen no bungakukan: taishō makki ni okeru “shōsetsu no suji” ronsō [The View on Literature of the Late Akutagawa Ryunosuke: The Argument on the Plot of the Novel], *Machikaneyama Ronso: bunkadotairon-hen*, 48: 95–110. (In Japanese).

Mescheryakov, A.N. (2003). Predislovie [Introduction], in *Yaponskaya Novella. Zolotaya seriya yaponskoy literatury* [Japanese Novella. Golden Series of Japanese Literature], comp. by A.N. Mescheryakov, Saint Petersburg: Severo-Zapad Press: 5–16. (In Russian).

Powell, I. (1983). Writers and Society in Modern Japan, Tokyo: Kodansha International.

Rimer, Thomas J. (ed.) (1990). Culture and Identity: Japanese Intellectuals during the Interwar Years, Princeton: Princeton University Press.

Strecher, Mathew S. (1996). Purely Mass or Massively Pure? The Division Between 'Pure' and 'Mass' Literature, *Monumenta Nipponica*, 51 (3): 357–374.

Suzuki, S. (1996). Tanizaki Junichiro as a Cultural Critic, *Japan Review*, 7: 23–32.

Ueda, M. (1976). Modern Japanese Writers and the Nature of Literature, Stanford: Stanford University Press.

Zaberezhnaya, Olga A. (2015). Esteticheskiye vzglyady pisatelya Shiga Naoya [The Aesthetic Views of the Writer Shiga Naoya], *Vestnik Moskovskogo Universiteta, Series 13: Oriental Studies*, 2: 29–37. (In Russian).

Поступила в редакцию 24.07.2019

Received 24 July 2019

Для цитирования: Забережная О.А. «Спор о бессюжетном романе»: литературные дискуссии Акутагава и Танидзакис // Японские исследования. 2019. № 4. С. 60–71. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10028

For citation: Zaberezhnaya O.A. (2019). “Spor o bessyuzhetnom romane”: literaturnyye diskussii Akutagavy i Tanidzaki [The “Plotless Novel” debate: literary discussion between Akutagawa Ryunosuke and Tanizaki Jun'ichiro], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 4: 60–71. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10028

Японские исследования. 2019. № 4. С. 72–87.

Japanese Studies in Russia, 2019, 4, pp. 72–87.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10029

Историческая память и политика: проблема «женщин для утешения» в современных южнокорейско-японских отношениях^{*}

И.В. Дьячков

Аннотация. В статье рассматривается влияние проблемы «женщин для утешения» на современные отношения между Республикой Корея и Японией. Корея была аннексирована Японией в начале XX в., и память о японском владычестве и угнетении жива у корейского народа. Вследствие этого вопросы прошлого нередко отравляют отношения между двумя странами и сегодня. В последнее время Сеул особенно активно обращался к проблеме сексуального рабства корейнок в японских военных борделях в годы Второй мировой войны, и разногласия по этому, казалось бы, давнему сюжету нередко останавливали политическое и военное сотрудничество.

Материалы о судьбе женщин (за ними закрепилось корейское название *вианбу*) эпизодически появлялись в южнокорейской прессе в 1940–1980-е годы, однако международное измерение проблема получила после начала широкой общественной дискуссии в 1990-е годы. Японское правительство, в целом придерживаясь позиции, что все вопросы прошлого были закрыты в ходе нормализации отношений с Республикой Корея в 1965 г., всё же несколько раз выступало с извинениями и предлагало компенсации жертвам, однако сами действия или их формат по тем или иным причинам не удовлетворяли Сеул. Последней попыткой урегулировать вопрос *вианбу* было соглашение 2015 г. между правительствами Абэ Синдзо и Пак Кынхе. Однако оно во многом не устроило южнокорейскую общественность и оппозицию, в связи с чем Республика Корея фактически его не выполняла. Пришедший в 2017 г. к власти президент Мун Чжэин продолжил эту линию, а также начал оказывать давление на Токио и по смежным историческим вопросам, в частности, проблеме принудительного труда корейцев на японских заводах и фабриках в колониальный период. Кризис в отношениях углубился, и Япония ввела санкции против южнокорейской экономики (формально под предлогом, не связанным с претензиями Сеула).

Конфликты, основанные на сложностях общей истории, являются характерной чертой политической культуры Северо-Восточной Азии в целом. Они активно используются как инструмент внутренней и внешней политики. Эта особенность вкупе с иррациональной природой националистических чувств, а также несовершенством системы региональной безопасности делает вопросы прошлого реальной угрозой стабильности в настоящем.

Ключевые слова: вианбу, женщины для утешения, историческая память, Республика Корея, южнокорейско-японские отношения, Япония.

Автор: Дьячков Илья Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, доцент кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД России. E-mail: dyachkov@naver.com

^{*} Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (грант № 19-18-00017 «Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами Восточной Азии и России. Уроки для России»).

Collective memory and politics: “Comfort women” in current relations between South Korea and Japan^{*}

I.V. Dyachkov

Abstract. The article analyzes how the “comfort women” issue influences current relations between the Republic of Korea and Japan. In the early twentieth century Japan annexed Korea, and the memories of colonial-era humiliation are vivid in Korean collective consciousness. As a result, issues of the past often sour bilateral relations even today. Recently, Seoul has been actively pressing the issue of sexual slavery in Japanese military brothels, and differences over this seemingly irrelevant issue have impeded political and military cooperation.

Articles on former sexual slaves (also called *wianbu* in Korean) have resurfaced time and again in Korean press throughout the 1940-80s, but the problem internationalized only in the 1990s, when broad public discussion started. Although Japan maintains that the 1965 bilateral normalization resolved all issues of the past, Tokyo has several times offered official condolences and compensations to the victims, however Seoul found these steps or the tone unsatisfactory. Most recently, in 2015, Abe Shinzo and Park Geunhye signed an agreement to close the *wianbu* issue, but the document irritated South Korean public and opposition, so Seoul abandoned it. President Moon Jaein, who came to power in 2017, continued this course and added pressure on related historical problems, such as Korean forced laborers in imperial Japan. As the crisis deepened, Tokyo introduced economic sanctions against South Korea (technically on unrelated grounds).

Conflicts stemming from collective memory are a characteristic feature of North East Asian political culture. They are a popular tool in foreign and domestic policy of many countries. This, coupled with irrational nature of nationalism and imperfection of regional security, makes issues of the past a very real threat to the present.

Keywords: collective memory, comfort women, Japan, relations between Japan and South Korea, Republic of Korea, *wianbu*.

Author: Dyachkov Ilya V., Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian, Department of Oriental Studies, MGIMO University. E-mail: dyachkov@naver.com

Период японской аннексии 1910–1945 гг. в коллективной памяти корейского народа запечатлелся как время угнетения и национального унижения. Это не могло не отразиться и на восприятии Японии в корейском обществе. Оно оказывается негативным не только у поколения непосредственных свидетелей колониальной эпохи, но и у их сегодняшних внуков и правнуков. На эмоциональное восприятие соседа, похоже, влияет и экономическая и культурная конкуренция с ним, нараставшая по мере выдвижения Японии и Южной Кореи в число лидеров регионального развития в конце XX в. При этом Токио и Сеул во многом зависят друг от друга. Велик объём взаимной торговли и инвестиций, а в военно-политическом смысле оба государства, будучи союзниками Вашингтона, находятся в американском «лагере», что «обрекает» их на сотрудничество.

^{*} This work was supported by Russian Science Foundation (Grant No. 19-18-00017 “Problems of the historical past in Japan's relations with the countries of East Asia and Russia. Lessons for Russia”).

Что примечательно, сложные вопросы прошлого не только влияют на общественное мнение, но и находят своё отражение в политике, определяя высказывания и действия власти. В качестве примера можно привести и имеющий исторические корни территориальный спор о принадлежности островов Лианкур (корейское название Токто, японское – Такэсима). Корея осуждает периодическое «паломничество» японских политиков в святилище Ясукуни, где в качестве божеств-ками почитаются японские военные, погибшие в конфликтах конца XIX – начала XX в., в том числе признанные преступниками по итогам Второй мировой войны. Нередко корейские политические деятели разного уровня выступают с требованиями компенсаций и извинений за те или иные исторические эпизоды. В годы президентства Пак Кынхе Республика Корея стала весьма активно использовать в политике проблему сексуальной эксплуатации корейских женщин в японских полевых борделях в 1930–1940-х годах. Разногласия с Токио по этому, казалось бы, оставшемуся в прошлом сюжету нередко останавливали политическое и военное сотрудничество.

Система военных публичных домов (или же, как они официально именовались, «станций утешения») появилась в японской армии в 1930-х годах. Таким образом японское руководство боролось с изнасилованиями, чтобы уменьшить количество конфликтов между военнослужащими и населением на оккупированных территориях. Кроме того, «станции утешения» были призваны поддерживать боевой дух солдат, а контроль над их работницами исключал возможность шпионажа через проституток и позволял защитить личный состав от венерических болезней [Piper, 2001, p. 161]. В бордели попадали девушки 15–20 лет из стран, находившихся в зависимости от Японии. Точные данные об их численности и национальном составе получить невозможно; приводимые в литературе оценки варьируют в пределах от десятков тысяч до почти полумиллиона человек [Kim M., 2014, p. 83]. Считается, что большую часть работниц составляли корейки. Также в их рядах оказывались китайки, филиппинки, девушки из Индонезии (в том числе голландки) [Kim M., 2014, p. 83]; встречались и собственно японки.

По-японски девушек, работавших на станциях, называли «ианфу» (慰安婦), что обычно переводят как «женщина для утешения» или «комфорта»; встречается и вариант «комфортантка». Корейское чтение этих же иероглифов – «вианбу» (위안부); это название стало терминологичным в корееведческой литературе. Что интересно, этим же эвфемизмом впоследствии именовали проституток, которых посещали размещённые в Южной Корее американские военнослужащие [Lee C.Y., 2015, p. 344].

Пути попадания «комфортанток» на станции были различны. Какая-то часть, по-видимому, самая меньшая, поступила на службу добровольно, в полной мере осознавая её специфику. Большинство девушек оказались обмануты, откликнувшись на предложение высокооплачиваемой работы в метрополии. Были и случаи насильственного «рекрутирования» либо продажи девушки её же семьёй [Varga, 2009, p. 289].

Довольно затруднительно составить общую картину условий пребывания и работы на станциях. Судя по всему, они разнились в зависимости от военной части. Во многих свидетельствах описывается сочетавшийся с жестоким обращением и побоями тюремный режим; на таких станциях девушки фактически оказывались армейским имуществом и обращение с ними было соответствующее. По словам других выживших *вианбу*, их служба была строго регламентирована, но они располагали свободным временем, им выделялись

деньги на личные расходы и т.п. Однако во всех случаях регулярно проводились осмотры, а при выявлении венерических заболеваний оказывалась медицинская помощь, хотя и примитивными средствами. Основным мотивом этого было, разумеется, не беспокойство о благополучии самих «комфортанток», а необходимость обеспечивать их «работоспособность» и забота о здоровье личного состава. Солдаты и офицеры платили за посещение борделей и, теоретически, девушки должны были получать вознаграждение за свои услуги, однако в реальности это происходило далеко не всегда, по-видимому, в таких случаях деньги оставались в руках начальства станции [True Stories, 1995, p. 200].

Условия найма, труда и жизни *вианбу* закономерно становились хуже с течением войны. Возможности покинуть службу у «комфортанток» фактически не было. Если бы командование и «отпустило» работницу, девушке некуда было бы идти: как правило, станции располагались вдали от их родины. В итоге выжило меньшинство: после капитуляции Японии эвакуацией «женщин для утешения» никто не занимался, многие не смогли вернуться домой и пропали без вести, а часть были убиты отступающими войсками.

Одной из целей создания станций было стремление снизить неприязнь к японцам непосредственно в местах дислокации войск через сокращение взаимодействия между военными и населением. По иронии истории, многие годы спустя именно проблема *вианбу* стала одной из ключевых факторов формирования и самоподдержания антияпонских настроений в регионе.

Считается, что вопрос «комфортанток» оформился как общественно-политическая проблема только в начале 1990-х годов. В качестве знакового момента обычно указывают выход в свет воспоминаний одной из *вианбу*, Ким Хаксун, в 1991 г. Вслед за ней о своём опыте рассказали и другие женщины. Возникает очевидный вопрос: почему они молчали так долго? Обычно для объяснения указывают на гнёт традиционной морали и патриархальное устройство корейского общества [Lee C.Y., 2015, p. 347–348]. В конце концов, обвинения в адрес жертвы нередки при обсуждении случаев сексуального насилия и сегодня (причём не только в Корее).

Представление о проблеме *вианбу* как о сравнительно новом явлении распространено не только в обывательской среде, но и в литературе, однако оно всё же не совсем верно. Действительно, до начала 1990-х годов. вопрос не обсуждался политиками, однако это не означает, что никаких сведений о «женщинах для комфорта» до этого времени не встречается.

Определённую дурную славу приобрели мемуары Ёсиды Сэйдзи, изданные в 1977 и 1983 г., где он рассказал о системе «станций утешения» и своём участии в их организации. Хотя в 1990-е годы. эти публикации стали основой для дискуссии и привлекли внимание корейской и японской общественности, вскоре в воспоминаниях были обнаружены многочисленные фактические ошибки и несоответствия [Nozaki, 2005]. В ответ автор заявил, что его книги носят скорее художественный характер. Из-за возникшей путаницы японское правое крыло считает историю *вианбу* мифом, который создал Ёсида, а его признание – доказательством несостоятельности претензий к Токио [Reexamining, 2015].

Тем не менее, корейскому обществу всё же было известно о проблеме и до 1990-х годов, она даже довольно регулярно упоминалась в газетах. Так, исследователь Ёсиката Веки обнаружил в южнокорейской центральной прессе с 1945 по 1960-е годы 23 упоминания

о «женщинах для комфорта» (преимущественно в 1960-е), а в 1970-1980-е годы их количество выросло примерно до 300 [Yoshikata, 2015].

У того, что тема *вианбу* зазвучала именно в начале 1990-х, были конкретно-исторические причины. В конце 1980-х – начале 1990-х годов южнокорейское общество только начинало демократизироваться. Нарождавшееся движение правозащитников-феминистов смогло воспользоваться этим сюжетом, чтобы заявить о себе, когда критика внутренних проблем оставалась делом непростым [Асмолов, 2017]. Попав в поле зрения государства, вопрос быстро перестал быть чисто гуманитарным или историческим. К слову, японские сторонники феминизма в целом с сочувствием отнеслись к жалобам и требованиям кореянок, проявив в этом случае идеологическую, а не национальную солидарность [Wöhr, 2005, p. 68–71].

Итак, в начале 1990-х проблема *вианбу* стала достоянием широкой общественности и стремительно превращалась в международно-политическую. В 1991 г., вскоре после публикации воспоминаний Ким Хаксун, три кореянки из числа бывших «комфортанток» подали в японский суд иск на правительство страны. Токио был вынужден отреагировать. Правительство организовало расследование, и по его итогам в 1993 г. генеральный секретарь кабинета министров Коно Ёхэй выступил с официальным заявлением. В нём Япония признала существование проблемы, а также то, что набор девушек и их служба, «как правило», происходили не добровольно. Также Токио принёс бывшим *вианбу* извинения и пообещал не отворачиваться от исторических фактов. В заявлении Коно указывалось, что набором *вианбу* в основном занимались частные лица, но «в некоторых случаях» в процесс также было вовлечено гражданское и военное руководство [Statement by Kono].

В 1995 г. для предоставления компенсаций жертвам был создан Фонд женщин Азии. Средства частично предоставлялись японским правительством, и бывшие *вианбу* могли получить через него около 5 млн иен каждая. Однако и известная уклончивость заявления Коно, и формат компенсаций не устроили южнокорейскую сторону. У общественности и власти сложилось впечатление, что официальный Токио хочет дистанцироваться от проблемы и снять с себя ответственность, создав негосударственный фонд [Kim M., 2014, p. 89].

Принципиальным и постоянным элементом позиции Токио является утверждение, что все спорные исторические вопросы были закрыты в ходе нормализации японо-южнокорейских отношений с подписанием в 1965 г. соглашения по урегулированию проблем, касающихся собственности, претензий и экономического сотрудничества [Лобов, 2015, с. 118–119]. В нём указывается, что все «вопросы, касающиеся собственности, прав и интересов двух высоких договаривающихся сторон и их народов... решены полностью и окончательно» [Соглашение, 1965].

Республика Корея, стремясь привлечь широкое международное внимание к проблеме *вианбу*, старалась вывести его за рамки двусторонних отношений, и это нередко удавалось. Так, в 1996 г. Комитет ООН по правам человека подготовил доклад, в котором осудил систему японских полевых борделей и, несмотря на протесты Токио, квалифицировал её как сексуальное рабство [Report on the mission, 1996]. Сеул длительное время лоббировал проведение через американский Конгресс резолюции о «комфортантках» с призывом к Японии признать ответственность за ситуацию [Kim M., 2014, p. 90]. Политический смысл такого подхода очевиден: США являются союзником обеих стран, нередко влияют на внешнюю политику и Сеула, и Токио, поэтому южнокорейские и японские элиты порой видят в Вашингтоне авторитетного арбитра. Когда американский парламент в итоге принял

соответствующий документ [Н. Res. 121, 2007], это закономерно стало знаковым моментом для Республики Корея.

«Внутренним» фактором поддержания актуальности вопроса стало постановление Конституционного суда Республики Корея от 2011 г. В нём указывалось, что власти страны недостаточно деятельно защищают государственные интересы по проблеме *вианбу* и такая пассивность противоречит Конституции [Подтверждение неконституционности, 2011]. Документ не был международным, но содержал и ответ на возражения Японии: южнокорейский суд объявлял ссылки на соглашение 1965 г. неуместными. По его мнению, поскольку на момент его подписания проблема «женщин для утешения» была малоизвестной, нельзя, опираясь на него, лишать жертв права получить компенсацию.

Усиление международного давления и эмоционального накала, однако, произвело эффект, обратный ожидаемому: среди японских элит нарастало раздражение по поводу не прекращавшихся требований корейцев. К власти в 2006–2007 гг., а также в 2012 г. пришёл Абэ Синдзо. Он придерживается националистических взглядов и не считает, что Япония должна продолжать публичное покаяние по поводу событий более чем полувековой давности [Hein, 2016, p. 447–448]. Южнокорейскую общественность весьма настораживают его взгляды, высказывания и действия, и само его нахождение у власти, похоже, становится причиной подозрений в неискренности Японии по вопросу *вианбу*.

Японские политики правого толка вообще не склонны рассматривать ситуацию «женщин для утешения» как уникальную или достойную внимания. Обычно она подаётся как часть реальности любой войны или военный вариант проституции под государственным контролем (такая система появилась в Японии в XIX в.) [Неспокойное соседство, 2015, с. 176]. С другой стороны, нередко говорится и о нецентрализованной природе явления: существование станций признаётся, но их создание не рассматривается как государственная политика, что принципиально для корейцев. В качестве организаторов и выгодоприобретателей обычно называется частный бизнес, при этом утверждается, что и сами девушки получали значительное вознаграждение, а значит, речь идёт не о рабстве, а о добровольной проституции.

Решение конституционного суда Республики Корея 2011 г., казалось, вдохнуло новую жизнь в уже затихавшее обсуждение проблемы. Большой резонанс вызвала инициатива южнокорейских общественных активистов по установке памятников *вианбу*. Первый из них появился в Сеуле перед японским посольством, причём расположен он таким образом, чтобы идущие на работу дипломаты обязательно проходили мимо. Монумент представляет из себя девушку, сидящую на стуле в напряжённой, молчаливо обвиняющей позе, будто ожидающую извинений. Пустующий стул рядом – символ погибших «комфортанток». Памятник тут же стал объектом повышенного внимания: зимой статую одевают в тёплую одежду, а периодические демонстрации неуважения к ней массово осуждаются.

В 2013 г. президентом Южной Кореи была избрана Пак Кынхе. Несмотря на постоянный и активный характер японо-южнокорейского сотрудничества, новый лидер не стремилась устанавливать диалог с Токио, среди причин указывая беспокойство по поводу правых воззрений Абэ Синдзо и неоднозначную позицию его аппарата по *вианбу*.

В ситуацию в очередной раз вынуждены были вмешаться США. Консолидация проамериканских держав региона была бы выгодна Вашингтону, однако именно проблема

«комфортанток» не раз срывала военно-политические договорённости между его ближайшими союзниками в Северо-Восточной Азии.

К 2014 г. американской дипломатии удалось убедить Пак Кынхе и Абэ Синдзо встретиться. Тем не менее, Япония продолжала маневрировать по вопросу *вианбу*: периодически делались заявления о необходимости пересмотреть заявление Коно 1993 г. или же доклад комитета ООН 1996 г. Южнокорейскую общественность крайне раздражали заявления японского лидера, в которых он то говорил о недоказанности существования системы принуждения *вианбу*, то упоминал «комфортанток» в контексте военных бедствий всей мировой истории [Hein, 2016, p. 454–455], что корейцы воспринимают как попытку оправдания преступления.

Вопрос «комфортанток» оставался центральным для двусторонних консультаций, и к концу 2015 г. сторонам удалось достичь взаимоприемлемого решения. Токио принёс дополнительные извинения, а Сеул обязался убрать от японского дипломатического представительства вызвавший разногласия памятник. Параллельно Республика Корея создавала фонд для выплаты компенсаций бывшим *вианбу*, а японское правительство жертвовало ему 1 млрд иен (около 10 млн долл. США). Япония неоднократно подчёркивала, что с достижением этой договорённости принципиально считает вопрос окончательно исчерпанным [Announcement, 2015].

Компромиссный характер документа парадоксальным образом обеспечил его провал. Договорённость не была принята оппозицией в обеих странах: лидеров обвинили в предательстве национальных интересов. Неудивительно, что и реализация соглашения в итоге забуксовала.

Летом 2016 г. копии сеульского памятника стараниями активистов корейской диаспоры почти одновременно появились в нескольких городах мира (например, в Сиднее и в одном из пригородов Лос-Анджелеса). В первые дни 2017 г. Токио отозвал своего посла в Сеуле после того, как очередной монумент появился перед японским консульством в Пусане. В сентябре 2017 г. в Сан-Франциско был установлен другой, более «интернациональный» памятник: корейка, китайка и филиппинка стоят на пьедестале, взявшись за руки, перед ним в размышлении стоит автор первых мемуаров о *вианбу* – Ким Хаксун. Вскоре в знак протеста мэр Осаки объявил о разрыве побратимских связей с американским городом [Osaka Severs, 2018].

В Республике Корея логика межпартийной борьбы вообще не предполагает компромиссов: оппозиция отвергает многие шаги правящей партии по принципиальным соображениям. Так, противостоявшие правительству Пак Кынхе левоцентристы, получившие в 2016 г. коалиционное большинство в парламенте, резко критиковали подписанный документ [Lee B., 2016]. Впоследствии, когда Пак Кынхе была отстранена от власти досрочно в результате крупного политического скандала и в итоге оказалась в тюрьме, сопутствовавший этим событиям репутационный ущерб сказался и на популярности инициатив, связанных с её именем. На президентских выборах 2017 г. все пять кандидатов заявили о намерении пересмотреть соглашение 2015 г.

Занявший в итоге пост главы государства оппозиционер Мун Чжэин, не мог поддерживать соглашение по *вианбу* в силу целого комплекса причин: непопулярности «сделки» в обществе, партийной солидарности и испортившегося имиджа Пак Кынхе, корейского инициатора договорённости. На открытый разрыв соглашения он не пошёл,

стремясь избежать обострения отношений с Японией, но корейская сторона отнюдь не спешила воплощать его в жизнь. Так, работа созданного по соглашению 2015 г. фонда не пошла по задуманному плану. Южнокорейское правительство возместило ему выплаченные компенсации, с тем чтобы не использовать японские средства, а отправить их обратно. Параллельно общественные активисты открыли свою «конкурирующую» организацию со схожими целями. В итоге Мун Чжэин заявил о «неизбежном увядании» совместного фонда [Choe, 2018], и в июле 2019 г. он был закрыт под протесты японской стороны [Japan-funded, 2019].

Статуи «сеульского формата» в период президентства Мун Чжэина появляться перестали, хотя в 2018 г. некоторые страны (Филиппины, Тайвань) приняли эстафету и установили свои монументы в честь соотечественниц (филиппинский вскоре был демонтирован). Памятник *вианбу* в корейской столице, однако, не исчез.

При этом новое правительство Республики Корея активно использовало чувствительные исторические проблемы и смежные спорные вопросы во внешней политике. Так, в ходе визита американского президента Д. Трампа в Сеул в 2017 г. на торжественном ужине ему была представлена одна из бывших «женщин для комфорта», а в меню были включены креветки из акватории вокруг спорного острова Токто (Такэсима). Южнокорейская пресса, казалось, несколько торжествуя, демонстрировала фотографии объятий Д. Трампа с пожилой женщиной, а также сообщала о последовавших протестах японского МИДа [Ильчонбу, 2017]. Апелляция к Вашингтону имела двоякий подтекст. С одной стороны, США – «старший» союзник и Южной Кореи, и Японии, чьё мнение приходится учитывать обеим странам. С другой стороны, именно Америка была бы главным выгодоприобретателем так и не состоявшегося примирения.

Также в годы президентства Мун Чжэина южнокорейское руководство и общественность наращивали давление на Японию по другому вопросу, связанному с общей историей. Осенью 2018 г., а также летом 2019 г. верховный суд Республики Корея удовлетворил ряд исков против японских компаний по поводу использования ими принудительного или малооплачиваемого труда корейцев в годы колониальной зависимости (1910–1945). Примечательно, что эта проблема стала инструментом не только внешней, но и внутренней политики Южной Кореи. Предыдущая администрация Пак Кынхе была обвинена не только в бездействии по этому вопросу, но и в коррупционном затягивании судебного процесса [Arrington, 2019]. Дело рабочих быстро приняло «практический» оборот: за поддержанным Токио отказом японских фирм удовлетворить компенсационные требования вскоре последовал арест их активов в Республике Корея.

Раздражение Японии по поводу того, что провал «окончательного» соглашения 2015 г. усугубился появлением новой острой проблемы, вылилось в шаги, похоже, подсказанные логикой параллельно идущей американско-китайской торговой войны. Ссылаясь на возможность утечек подсанкционных материалов в КНДР, Токио ограничил экспорт в Южную Корею ряда химикатов, необходимых для изготовления полупроводников, что сильно ударит по технологичным производствам и экономике в целом [Ким, 2019].

Нельзя не заметить, что на протяжении истории проблемы *вианбу* замечен устойчивый рост её присутствия в общественном дискурсе в целом и в японо-южнокорейских отношениях в частности. Первые газетные публикации 1940-х – 1980-х годов не привлекали достаточного внимания, хотя их число с годами росло. В 1990–2000-х годах компенсации

«женщинам для утешения» и защита их прав оказались скорее заботой общественных организаций и активистов – заявление Коно было сделано в первую очередь под их давлением.

В 2010-х годах в общественные организации перешли на «акционистскую» работу – так, именно они являлись инициаторами и исполнителями установки памятников *вианбу*. Нельзя не заметить, что их действия «синхронизованы» с позицией государства, а спады активности совпадают с маневрированием правительства (сходная динамика, кстати, заметна в работе групп, отправляющих с Юга в КНДР на воздушных шарах агитационные материалы). Возможно, южнокорейские власти делегируют «общественникам» исполнение спорных шагов, от которых при необходимости возможно будет дистанцироваться.

Вообще, в последнее время проблема *вианбу*, равно как и другие вопросы исторической памяти, превратилась из второстепенного конфликтного сюжета южнокорейско-японских отношений в мощный фактор, определяющий всю повестку двустороннего взаимодействия. С военно-политической точки зрения Япония и Республика Корея являются элементами ригидной американской системы безопасности. Элиты обеих стран фактически единогласно считают такой выбор правильным и стратегическим, однако Сеул и Токио также являются конкурентами в борьбе за региональное влияние и рынки. В этом смысле исторические вопросы, с одной стороны, становятся «клапаном» регулирования конфликтного напряжения, с другой стороны – действительным инструментом репутационной и даже санкционной борьбы в допустимых рамках, очерченных союзнической аффилиацией.

Хотя проблема *вианбу* до сих пор оказывала столь мощное влияние именно на южнокорейско-японские отношения, сама её история говорит о том, что подход к решению должен быть более широким, а в рамках двусторонней дорожки её не удастся снять полностью. Так, очевидно, что найденное Сеулом и Токио потенциальное решение наверняка не удовлетворит Пхеньян, который также весьма активно выступает по проблеме. Кроме того, помимо Кореи, «комфортанток» набирали также в Китае и странах Юго-Восточной Азии.

Конфликты, основанные на сложностях общей истории, являются характерной чертой политической культуры Северо-Восточной Азии в целом. Хотя в некоторых случаях (например, корейско-японском) они более заметны, исторические претензии от моральных до территориальных есть у всех стран региона ко всем соседям. Активно политизируются, как правило, более обоснованные обиды, однако логика некоторых из них порой не связана фактами, а общий «запас» обычно велик и может быть актуализирован в пору обострения отношений.

Кроме того, исторические вопросы нередко становятся и средством внутренней политики. Как показывают южнокорейский и японский примеры, «нерадивость» власти в защите исторической чести страны нередко эксплуатируется оппозицией. С другой стороны, сама власть путём обращения к болезненным проблемам прошлого порой «перенаправляет» обращённое изначально против неё недовольство масс [Дьячков, 2013, с. 105–106].

Устойчивость, неисчерпаемость исторических вопросов отчасти обусловлены их политической «функциональностью»: будучи поставлены однажды, они редко закрываются окончательно и регулярно используются для решения текущих задач. В этом смысле нельзя не отметить непримиримость Сеула, раз за разом находящего изъясны в позиции Токио: размытость формулировок, неоднозначность признаний, неполноту извинений. С другой

стороны, и в Республике Корея, и в Японии элиты с определённого момента становятся заложниками ими же перегретой ситуации: давление избирателей и эскалационная логика лишают политиков прямого контроля над конфликтом.

Это вкупе с иррациональной природой националистических чувств, а также несовершенством системы региональной безопасности делает вопросы прошлого реальной угрозой стабильности в настоящем.

Переходя к чисто научным аспектам, можно сказать, что проблема *вианбу* мало разработана в отечественной литературе и потенциально интересна для неполитического исследования, однако на пути историка неизбежно возникнет ряд трудностей.

Во-первых, круг доступных источников ограничен почти исключительно воспоминаниями самих *вианбу*. Какие-либо официальные документы как центрального японского правительства, так и местных военных и гражданских властей, недоступны. Во многих случаях они попросту не сохранились (колонияльные архивы целенаправленно уничтожались после капитуляции), а те, что дошли до наших дней, могут оставаться секретными по очевидным политическим причинам. В воспоминаниях женщин описывается более-менее один и тот же вариант организации станций, что позволяет сделать предположение о централизованном характере явления. Однако прояснить этот достаточно принципиальный момент при помощи документов, увы, невозможно.

Сами свидетельства «комфортанток» оставляют желать лучшего как исторический источник. Непосредственных жертв тех событий осталось крайне мало, и все они старше как минимум 85 лет. По их воспоминаниям трудно составить сколько-нибудь целостную картину явления. Нет станций, описанных в двух разных источниках, не редкость фактические несостыковки или более поздние «добавления». Нельзя исключить, что общественная дискуссия и разгоревшийся международный скандал так или иначе повлияли на содержание свидетельств.

Той же участи не избежала и литература. Немалое количество публикаций по *вианбу* (в том числе англоязычных) не являются чисто научными по своим целям, а создаются для подкрепления политической позиции той или иной стороны. Гипотетическое нейтральное исследование скорее всего не удовлетворит обоих оппонентов и будет ими истолковано как пропагандистская диверсия или попытка оскорбить достоинство нации. Здесь следует отметить, что заметно более сбалансированного подхода придерживаются те исследователи, которые изначально берутся за вопрос не с национальных, а с более общих идеологических позиций – например, гендерных.

Чувствительность и сложность проблемы увеличиваются из-за наличия смежных или параллельных сюжетов. Так, уже после освобождения от Японии, в годы Корейской войны (1950–1953) в южнокорейской армии были «особые отряды утешения» (возможно, сохранившиеся как остаток японской системы) [Soh, 2008, p. 215–216, 224]. Как уже упоминалось, позднее вокруг американских военных баз существовала местная «индустрия» сексуального обслуживания [Moon, 1997], причём соответствующие заведения и их работницы по-корейски назывались так же – *виансо* и *вианбу*. Подобное явление было характерно и для Японии времён американской оккупации [Wöhr, 2005, p. 68]. Далее, во Вьетнаме и Корее сейчас проживает более тысячи людей смешанного корейско-вьетнамского происхождения (расхожее, но политически некорректное обозначение – *лай дай хан*) [Moon, 2015, p. 18]. Значительная часть из них появилась на свет в годы Вьетнамской войны (1964–

1973) в результате изнасилований вьетнамок южнокорейскими военнослужащими, а также проституции, которая, возможно, носила организованный характер [Gil, 2015]. Возражения корейской стороны (отрицание централизованного характера явления, его «естественность» для военных времён и пр.) напоминают японскую позицию по *вианбу*.

Несмотря на все перечисленные сложности, только комплексное историческое исследование подобных проблем способно установить, а не сконструировать истину, стать действительным памятником жертвам и свидетельством о преступлениях. Корея и Япония – не единственные две страны, разделённые общей историей. С такими же трудностями приходилось сталкиваться, например, России и Польше – для их преодоления была создана Группа по сложным вопросам истории, которая после нескольких лет работы подготовила фундаментальное исследование «Белые пятна – чёрные пятна» [Белые пятна, 2010]. Общение и работа учёных лучше любых политических договорённостей могут помочь совместно найти истину и примирить народы друг с другом, а также со своим и общим прошлым.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Асмолов К. Корейские «женщины для утешения» и скандал с Пак Ю Ха. URL: <https://ru.journal-neo.org/2017/02/13/korejskie-zhenshhiny-dlya-utesheniya-i-skandal-s-pak-yu-ha/> (дата обращения: 25.07.2019).

Белые пятна – чёрные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. акад. А.В. Торкунова, проф. А.Д. Ротфельда. М.: Аспект Пресс, 2010. 823 с.

Дьячков И.В. Спор по поводу о. Токто (Такэсима): международно-политическое измерение национализма в СВА / И.В. Дьячков // XVII Научная конференция корееведов России и стран СНГ «Корея: уроки истории и вызовы современности». М.: ИДВ РАН, 2013. С. 102–112.

Ильчонбу токтосэу вианбу хальмони итхыль ёнсок хани 日정부, '독도새우·위안부할머니' 이틀 연속 항의 : [Японское правительство два дня подряд протестует против «креветок с Токто» и «бабушки-вианбу»] // Чосон ильбо 조선일보. URL: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2017/11/09/2017110900984.html (дата обращения: 25.07.2019).

Ким Сехён. Мун Чжэин – Абэ ссаум Тромпхы нугусон тырочжувлькка? 김세형. 문재인-아베 싸움, 트럼프 누구손 들어줄까? : [Кого поддержит Трамп в схватке Мун Чжэина и Абэ?] // Мэиль кёнчже 매일경제. URL: <https://www.mk.co.kr/premium/special-report/view/2019/07/26054/> (дата обращения: 25.07.2019).

Лобов Р. Подготовка и подписание Договора об основах отношений между Республикой Корея и Японией / Р. Лобов // Корея: 70 лет после освобождения. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 113–120.

Неспокойное соседство: проблемы Корейского полуострова и вызовы для России / под ред. Г.Д. Толорая. Москва : МГИМО-Университет, 2015. 344 с.

Тэханмингукква ильбонгане чэсан мит чхонгукквоне кванхан мунчжее хэгёльгва кёнчжехёмнёге кванхан хёпчон 대한민국과 일본국간의 재산 및 청구권에 관한 문제의 해결과 경제협력에 관한 협정 : [Соглашение между Республикой Корея и Японией по урегулированию проблем, касающихся собственности, претензий и экономического

сотрудничества]. URL: <http://www.law.go.kr/trtyInfoP.do?mode=4&trtySeq=3678&chrClsCd=010202&vSct> (дата обращения: 25.07.2019).

Тэханмингукква ильбонгане чэсан мит чхонгукквоне кванхан мунчжее хэгёльгва кёнчжехёмнёге кванхан хёпчон чесамчжо пучжагви вихонхвагин 대한민국과 일본국간의 재산 및 청구권에 관한 문제의 해결과 경제협력에 관한 협정 제 3 조 부작위 위헌확인 : [Подтверждение неконституционности бездействия по вопросу третьей статьи Соглашения между Республикой Корея и Японией по урегулированию проблем, касающихся собственности, претензий и экономического сотрудничества] // Конституционный суд Республики Корея. Официальный сайт. URL: <http://www.ccourt.go.kr/cckhome/kor/info/precedent/selectRealmPrecedentInfo.do?searchClassSeq=366> (дата обращения: 25.07.2019).

Announcement by Foreign Ministers of Japan and the Republic of Korea at the Joint Press Occasion. URL: http://www.mofa.go.jp/a_o/na/kr/page4e_000364.html (дата обращения: 25.07.2019).

Arrington C. Japan claims it's restricting exports to South Korea because of 'national security.' Here's the real reason why // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2019/07/18/japan-claims-its-restricting-exports-south-korea-because-national-security-heres-real-reason-why/> (дата обращения: 25.07.2019).

Choe Sang-Hun. South Korea Signals End to 'Final' Deal With Japan Over Wartime Sex Slaves // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2018/11/21/world/asia/south-korea-japan-sex-slaves.html> (дата обращения: 25.07.2019).

Gil Yun-hyung. Did S. Korea operate "comfort stations" in the Vietnam War? // Hankyoreh. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_international/688436.html (дата обращения: 25.07.2019).

H.Res.121 – A resolution expressing the sense of the House of Representatives that the Government of Japan should formally acknowledge, apologize, and accept historical responsibility in a clear and unequivocal manner for its Imperial Armed Forces' coercion of young women into sexual slavery, known to the world as "comfort women", during its colonial and wartime occupation of Asia and the Pacific Islands from the 1930s through the duration of World War II. URL: <https://www.congress.gov/bill/110th-congress/house-resolution/121/text> (дата обращения: 25.07.2019).

Hein, P. Unresolved Comfort Women Issue: How Pragmatism Precludes Reconciliation / Patrick Hein // The Korean Journal of International Studies. 2016. Vol. 14. No. 3. P. 447–460.

Japan-funded 'comfort women' foundation in S. Korea formally closed. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20190705/p2g/00m/0fp/053000c> (дата обращения: 25.07.2019).

Kim M. Memorializing Comfort Women: Memory and Human Rights in Korea-Japan Relations / Kim Mikyoung // Asian Politics and Policy. 2014. Vol. 6. No. 1. P. 83–96.

Lee B. South Korea-Japan Comfort Women Agreement: Where Do We Go From Here? // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2016/09/south-korea-japan-comfort-women-agreement-where-do-we-go-from-here/> (дата обращения: 25.07.2019).

Lee C.Y. The Deafening Silence of the Korean "Comfort Women": A Response Based on Lyotard and Ingaray / C.Y. Lee, J. Crowe // Asian Journal of Law and Society. 2015. Vol. 2. Issue 2. P. 339–356.

Moon K.H.S. *Sex Among Allies: Military Prostitution in U.S.-Korea Relations*. New York: Columbia University Press, 1997. 336 p.

Moon K.H.S. *South Korea's Demographic Changes and their Political Impact*. Washington: Brookings, 2015. 25 p.

Nozaki Y. The "Comfort Women" Controversy: History and Testimony / Nozaki Yoshiko // *The Asia-Pacific Journal*. 2005. Vol. 3. Issue 7. URL: <https://apjpf.org/-Yoshiko-Nozaki/2063/article.pdf> (дата обращения: 25.07.2019).

Osaka Severs Ties With San Francisco Over 'Comfort Women' Memorial // *Time*. URL: <https://time.com/5416425/japan-osaka-san-francisco-comfort-women-statue/> (дата обращения: 25.07.2019).

Piper N. Transnational Women's Activism in Japan and Korea: the Unresolved Issue of Military Sexual Slavery / N. Piper // *Global Networks*. 2001. 1 (2). P. 155–170.

Reexamining the "Comfort Women" Issue. An Interview with Yoshimi Yoshiaki // *The Asia-Pacific Journal*. 2015. Vol. 13. Issue 1. No. 1. URL: <https://apjpf.org/-Yoshimi-Yoshiaki/4247/article.pdf> (дата обращения: 25.07.2019).

Soh C.S. *The Comfort Women: Sexual Violence and Postcolonial Memory in Korea and Japan*. Chicago : University of Chicago Press, 2008. 384 p.

Statement by the Chief Cabinet Secretary Yohei Kono on the result of the study on the issue of "comfort women". URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/women/fund/state9308.html> (дата обращения: 25.07.2019).

True Stories of the Korean Comfort Women / Korean Council for Women Drafted for Military Sexual Slavery by Japan ; ed. by K. Howard. London : Cassell, 1995. 200 p.

United Nations Commission on Human Rights. Report on the mission to the Democratic People's Republic of Korea, the Republic of Korea and Japan on the issue of military sexual slavery in wartime. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/commission/country52/53-add1.htm> (дата обращения: 25.07.2019).

Varga A. National Bodies: The 'Comfort Women' Discourse and its Controversies in South Korea / A. Varga // *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2009. Vol. 2. No. 2. P. 287–303.

Wöhr U. A Touchstone for Transnational Feminism: Discourses on the Comfort Women in 1990s Japan / Ulrike Wöhr // *Japanstudien*. 2005. 16:1. P. 59-90.

Yoshikata V. 'Comfort Women' Denial and the Japanese Right / Yoshikata Veki // *The Asia-Pacific Journal*. 2015. Vol. 13. Issue 30. No. 2. URL: <https://apjpf.org/-Yoshikata-Veki--Norma-Field--Tomomi-Yamaguchi/4350/article.pdf> (дата обращения: 25.07.2019).

REFERENCES

Announcement by Foreign Ministers of Japan and the Republic of Korea at the Joint Press Occasion. (2015). URL: http://www.mofa.go.jp/a_o/na/kr/page4e_000364.html (accessed: 25 July 2019).

Arrington, C. (2019). Japan claims it's restricting exports to South Korea because of 'national security.' Here's the real reason why, *The Washington Post*. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2019/07/18/japan-claims-its-restricting-exports-south-korea-because-national-security-heres-real-reason-why/> (accessed: 25 July 2019).

Asmolov, K. (2017). Koreyskiye “zhenshchiny dlya utesheniya” i skandal s Pak Yu Kha [Korean “comfort women” and the Park Yu-ha scandal]. URL: <https://ru.journal-neo.org/2017/02/13/korejskie-zhenshhiny-dlya-utesheniya-i-skandal-s-pak-yu-ha/> (accessed: 25 July 2019). (In Russian).

Choe, Sang-Hun (2018). South Korea Signals End to ‘Final’ Deal With Japan Over Wartime Sex Slaves, *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2018/11/21/world/asia/south-korea-japan-sex-slaves.html> (accessed: 25 July 2019).

Chosun Ilbo. (2017). Iljeongbu, 'dokdosaeu·wianbuhalmioni' iteul yeonsok hangui 日정부, '독도새우·위안부할머니' 이틀 연속 항의 [Japanese government protesting for 2 days against Dokdo shrimp and the wianbu granny]. URL: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2017/11/09/2017110900984.html (accessed: 25 July 2019). (In Korean).

Daehanmingukgwa ilbongukganui jaesan mit cheonggugwone gwanhan munjeui haegyeolgwa gyeongjehyeomnyeoge gwanhan hyeopjeong 대한민국과 일본국간의 재산 및 청구권에 관한 문제의 해결과 경제협력에 관한 협정 [Agreement between the Republic of Korea and Japan on resolving problems pertaining to property, claims and economic cooperation] (1965). URL: <http://www.law.go.kr/trtyInfoP.do?mode=4&trtySeq=3678&chrClsCd=010202&vSct> (accessed: 25 July 2019). (In Korean).

Daehanmingukgwa ilbongukganui jaesan mit cheonggugwone gwanhan munjeui haegyeolgwa gyeongjehyeomnyeoge gwanhan hyeopjeong jesamjo bujagwi wiheonhwagin 대한민국과 일본국간의 재산 및 청구권에 관한 문제의 해결과 경제협력에 관한 협정 제 3 조 부작위 위헌확인 [Confirmation of unconstitutionality of inaction upon article 3 of the Agreement between the Republic of Korea and Japan on resolving problems pertaining to property, claims and economic cooperation]. (2011). URL: <http://www.court.go.kr/cckhome/kor/info/precedent/selectRealmPrecedentInfo.do?searchClassSeq=366> (accessed: 25 July 2019). (In Korean).

Dyachkov, I. (2013). Spor po povodu o. Tokto (Takesima): mezhdunarodno-politicheskoye izmereniye natsionalizma v SVA [Dispute over Dokdo (Takeshima): international political dimension of nationalism in North East Asia], in *XVII Nauchnaya konferentsiya koreyevodov Rossii i stran SNG «Koreya: uroki istorii i vyzovy sovremennosti»* [17th scholarly conference of Russian and CIS Koreanologists “Korea: lessons from history and modern challenges], Moscow: IDV RAN: 102–112. (In Russian).

Gil, Yun-hyung (2015). Did S. Korea operate “comfort stations” in the Vietnam War?, *Hankyoreh*. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_international/688436.html (accessed: 25 July 2019).

Hein, P. (2016). Unresolved Comfort Women Issue: How Pragmatism Precludes Reconciliation, *The Korean Journal of International Studies*, 14 (3): 447–460.

Howard, K. (ed.) (1995). True Stories of the Korean Comfort Women, London: Cassell.

H.Res.121 – A resolution expressing the sense of the House of Representatives that the Government of Japan should formally acknowledge, apologize, and accept historical responsibility in a clear and unequivocal manner for its Imperial Armed Forces' coercion of young women into sexual slavery, known to the world as "comfort women", during its colonial and wartime occupation of Asia and the Pacific Islands from the 1930s through the duration of World War II. (2007). URL: <https://www.congress.gov/bill/110th-congress/house-resolution/121/text> (accessed: 25 July 2019).

Kim, M. (2014). Memorializing Comfort Women: Memory and Human Rights in Korea-Japan Relations, *Asian Politics and Policy*, 6 (1): 83–96.

Kim, Sehyeong (2019). Munjaein-abe ssaum, teureompeu nuguson deureojulkka? 문재인-아베 싸움, 트럼프 누구손 들어줄까? [Who will Trump support in Moon-Abe conflict?], *Maeil Business*. URL: <https://www.mk.co.kr/premium/special-report/view/2019/07/26054/> (accessed: 25 July 2019). (In Korean).

Lee, B. (2016). South Korea-Japan Comfort Women Agreement: Where Do We Go From Here? *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2016/09/south-korea-japan-comfort-women-agreement-where-do-we-go-from-here/> (accessed: 25 July 2019).

Lee, C.Y. (2015). The Deafening Silence of the Korean “Comfort Women”: A Response Based on Lyotard and Ingaray, *Asian Journal of Law and Society*, 2 (2): 339–356.

Lobov, R. (2015). Podgotovka i podpisaniye Dogovora ob osnovakh otnosheniy mezhdru Respublikoy Koreya i Yaponiyey [Drafting and signing the treaty on framework of relations between the Republic of Korea and Japan], in *Koreya: 70 let posle osvobozhdeniya* [Korea: 70 years since liberation], Moscow: IDV RAN. (In Russian).

Mainichi Shimbun. (2019). Japan-funded 'comfort women' foundation in S. Korea formally closed. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20190705/p2g/00m/0fp/053000c> (accessed: 25 July 2019).

Moon, K.H.S. (1997). Sex Among Allies: Military Prostitution in U.S.-Korea Relations, New York: Columbia University Press.

Moon, K.H.S. (2015). South Korea's Demographic Changes and their Political Impact, Washington: Brookings.

Nozaki, Y. (2005). The “Comfort Women” Controversy: History and Testimony, *The Asia-Pacific Journal*, 3 (7). URL: <https://apjpf.org/-Yoshiko-Nozaki/2063/article.pdf> (accessed: 25 July 2019).

Piper, N. (2001). Transnational Women's Activism in Japan and Korea: the Unresolved Issue of Military Sexual Slavery, *Global Networks*, 1 (2): 155–170.

Soh, C.S. (2008). The Comfort Women: Sexual Violence and Postcolonial Memory in Korea and Japan, Chicago: University of Chicago Press.

Statement by the Chief Cabinet Secretary Yohei Kono on the result of the study on the issue of “comfort women”. (1993). URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/women/fund/state9308.html> (accessed: 25 July 2019).

The Asia-Pacific Journal. (2015). Reexamining the “Comfort Women” Issue. An Interview with Yoshimi Yoshiaki, 13 (1, 1). URL: <https://apjpf.org/-Yoshimi-Yoshiaki/4247/article.pdf> (accessed: 25 July 2019).

Time. (2018). Osaka Severs Ties With San Francisco Over 'Comfort Women' Memorial. URL: <https://time.com/5416425/japan-osaka-san-francisco-comfort-women-statue/> (accessed: 25 July 2019).

Toloraya, G. (ed.). (2015). Nespokoynoye sosedstvo: problemy Koreyskogo poluostrova i vyzovy dlya Rossii [Uneasy neighbors: Korean Peninsula problems and challenges for Russia], Moscow: MGIMO University. (In Russian).

Torkunov, A. and Rotfeld, M. (ed.). (2010). Belyye pyatna – chernyye pyatna: Slozhnyye voprosy v rossiysko-pol'skikh otnosheniyakh [White spots – black spots: complicated issues in Russo-Polish relations], Moscow: Aspekt-Press. (In Russian).

United Nations Commission on Human Rights. (1996). Report on the mission to the Democratic People's Republic of Korea, the Republic of Korea and Japan on the issue of military sexual slavery in wartime. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/commission/country52/53-add1.htm> (accessed: 25 July 2019).

Varga, A. (2009). National Bodies: The 'Comfort Women' Discourse and its Controversies in South Korea, *Studies in Ethnicity and Nationalism*, 2 (2): 287–303.

Wöhr, U. (2006). A Touchstone for Transnational Feminism: Discourses on the Comfort Women in 1990s Japan, *Japanstudien*, 16 (1): 59–90.

Yoshikata, V. (2015). 'Comfort Women' Denial and the Japanese Right, *The Asia-Pacific Journal*, 13 (30, 2). URL: <https://apjpf.org/-Yoshikata-Veki--Norma-Field--Tomomi-Yamaguchi/4350/article.pdf> (accessed: 25 July 2019).

Поступила в редакцию 03.08.2019

Received 3 August 2019

Для цитирования: Дьячков И.В. Историческая память и политика: проблема «женщин для утешения» в современных южнокорейско-японских отношениях // Японские исследования. 2019. № 4. С. 72–87. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10029

For citation: Dyachkov I.V. (2019). Istoricheskaya pamyat' i politika: problema "zhenshchin dlya utesheniya" v sovremennykh yuzhnokoreysko-yaponskikh otnosheniyakh [Collective memory and politics: "Comfort women" in current relations between South Korea and Japan], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 4: 72–87. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10029

Японские исследования. 2019. № 4. С. 88–102.

Japanese Studies in Russia, 2019, 4, pp. 88–102.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10030

«Система 1955 года» как уникальный исторический феномен

Д.В. Стрельцов

Аннотация. В статье рассматриваются особенности сложившейся в Японии в 1955–1993 гг. партийно-политической системы, позволяющие охарактеризовать её как уникальную для мирового опыта истории демократических стран модель доминантной партии.

Специальное внимание уделяется уникальному инструментарию сохранения доминантных позиций ЛДП в парламенте страны, особое место в котором занимали электоральные технологии, и прежде всего ставка на персональную ориентацию японских избирателей, а также лоббистские возможности влиятельных депутатов ЛДП, которые предоставляли им существенные преимущества в деле электоральной мобилизации. Персонально ориентированные связи с избирателями позволяли ЛДП рекрутировать представителей самых различных социальных страт. Механизмы обратной связи правящей партии с обществом позволяли эффективно учитывать все усложняющиеся интересы и ценности отдельных социальных групп и слоёв в форме консолидированной государственной политики.

Правящая партия создала мощный аппарат политического планирования и поддерживала тесные связи с бюрократией. Важную роль в системе власти ЛДП играли механизмы внутрипартийной демократии и плюрализма мнений, которые обеспечивали в рядах партии консенсус на основе межфракционного баланса сил.

В статье приводятся несколько причин завершения эпохи «системы 1955 года». Прежде всего, в связи с распадом СССР и завершением биполярной эпохи исчез водораздел идеологической конфронтации между партиями. Другая причина заключалась в том, что к концу 1980-х годов в результате изменения модели экономического развития стало невозможно постоянно финансировать за счёт государственного бюджета многочисленные инфраструктурные проекты в депрессивных регионах страны, в результате чего существенно понизилась роль политической власти как субъекта перераспределения избыточного общественного продукта. Изменилась и электоральная психология, в связи с чем традиционные методы мобилизации голосов избирателей, используемые ЛДП, утратили свою эффективность. Наконец, сыграло свою роль массовое недовольство правящей партией, связанное со стремительным расширением политической коррупции, в которую оказалась втянутой вся верхушка ЛДП.

Ключевые слова: Япония, «система 1955 года», Либерально-демократическая партия, модель доминантной партии, консерватизм, консенсус.

Автор: Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: dmstrl@gmail.com

The System of 1955 as a unique historical phenomenon

D.V. Streltsov

Abstract. The article discusses the characteristic features of the party system in Japan in 1955–1993, which give the grounds to describe its distinctive nature as a dominant party model that was unique to the global historical experience of democratic countries.

Special attention is paid to the unique toolkit used by the Liberal Democratic Party to preserve its dominant positions in the Diet. An emphasis is put on the electoral technologies, and, first of all, on the personalistic orientation of Japanese voters, as well as on the lobbying capabilities of influential LDP MPs, which provided them with significant advantages in electoral mobilization. The personality-oriented relationship with electors allowed the LDP to recruit representatives of various social strata. The feedback mechanisms of the ruling party with the society made it possible for the LDP to effectively address increasingly complicated interests and values of individual social groups and strata by means of a consolidated state policy.

The ruling party created a powerful political planning apparatus and maintained close ties with the bureaucracy. An important role in the system of power of the LDP was played by the mechanisms of inner-party democracy and the pluralism of opinions, ensuring a consensus within the party ranks based on the interfactional balance of power.

The article gives several reasons for the end of the era of the “1955 system”. First of all, due to the collapse of the USSR and the end of the bipolarity era, the dividing line of ideological confrontation between parties disappeared. Another reason was the fact that, by the end of the 1980s, due to the change of the model of economic development, it became impossible to finance numerous infrastructure projects in depressed regions of Japan, resulting in substantially decreased role of political authorities as the subject of redistribution of surplus social product. Electoral psychology had also changed, and the traditional methods of mobilizing votes used by the LDP had lost their effectiveness. Finally, a certain role was played by mass discontent with the ruling party, associated with the rapid expansion of political corruption, in which the entirety of the LDP leadership was involved.

Keywords: Japan, “the 1955 system”, Liberal Democratic Party, dominant party model, conservatism, consensus.

Author: *Streltsov Dmitry V.*, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), the MFA of Russia, Leading researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: dmstrl@gmail.com

Феномену доминантных партий уделяется огромное внимание в исторической науке уже более полувека. И для этого имеются серьёзные основания. Авторитарные системы, основанные на длительной власти одной партии, получили в послевоенной мировой истории достаточно широкое распространение, причем не только в странах афро-азиатского мира. Системы власти с заметным доминированием какой-либо одной политической силы оказались востребованными даже в демократических странах Запада.

К числу наиболее известных страновых кейсов с системами доминантных партий можно отнести, например, Тайвань (Гоминьдан), ЮАР (Африканский национальный конгресс), Швецию (Социал-демократическая партия), Италию (Христианско-демократический союз),

Индию (Индийский национальный конгресс). Многообразие мирового опыта режимов доминантной партии наблюдалось не только в плоскости партийной конфигурации политических систем, но и в идеологической, институциональной, государственно-управленческой и иных сферах. В период с начала 1950-х годов вплоть до конца 1980-х из 23 стран с либеральной демократией только четыре пережили значимые изменения в системе политических партий [Окадзава, 1996, с. 4]. В целом либеральные демократии оказываются достаточно устойчивыми к внешним изменениям, а в политическом развитии большинства из них наблюдалась огромная инерция и существенная степень преемственности.

Однако пример японской модели доминантной партии, пожалуй, считается уникальным. И причин тому несколько. Прежде всего, обращает на себя внимание длительность правления одной политической силы при сохранении всех демократических институтов и процедур: Либерально-демократическая партия Японии обладала абсолютным большинством в нижней палате парламента с 1955 по 1993 г. (38 лет) и в верхней палате с 1955 по 1989 г. (34 года). Это не является абсолютным рекордом для страны с демократическим правлением. Например, в Швеции и Италии доминантные партии находились у власти без перерывов ещё дольше, чем ЛДП, хотя эти партии не имели абсолютного большинства в парламенте в течение столь продолжительного периода. Однако в Японии даже в период наихудшего для себя соотношения сил ЛДП имела примерно в 2 раза больше мандатов в нижней палате парламента, нежели её наиболее сильный соперник – СПЯ.

Уникальность феномена «системы 1955 года» заключается не только в отсутствии аналогов в мире по формальным показателям продолжительности правления и парламентскому представительству одной политической силы, но и в создании ею специфического инструментария удержания власти. Помимо Японии, в послевоенной мировой истории, пожалуй, нет другого примера демократического государства, в котором монополия одной партии на власть, при сохранении всех демократических институтов и наличии в парламенте реально действующей оппозиции, продолжалась почти четыре десятилетия.

Японский опыт интересен и с той точки зрения, что длительность господства одной политической силы привела к складыванию особой партийно-правительственной системы принятия решений, в рамках которой государственная политика вырабатывалась параллельно в бюрократических структурах правительства (министерствах и ведомствах) и органах политического планирования ЛДП (Советах по политическим и по общим вопросам), которые вместе составляли целостный механизм. Пожалуй, этот опыт, нехарактерный для капиталистического государства с демократической формой правления, создаёт аналогии только с СССР и другими социалистическими странами, в которых правящая партия была встроена в бюрократическую систему подготовки государственных решений.

«Систему 1955» можно оценивать, основываясь как на её узком понимании «партийно-политической системы 1955–1993 годов», для которого отправной точкой является партийная конфигурация, так и на её более широком восприятии как всей системы монопольного господства ЛДП, включающей экономические, социальные, административные, национально-психологические, культурные и иные аспекты. При втором подходе главный фокус исследовательского интереса должен быть сосредоточен не столько на межпартийных и внутрипартийных связях, сколько на проблемах функционирования всей системы власти, включая вопросы взаимодействия политической власти с государственной

бюрократией и деловыми кругами, «железных треугольников», принятия государственных решений и т.д. Поэтому при анализе системы власти в Японии периода холодной войны, проведённых с широких политологических позиций, упор делается на комплекс взаимоотношений политиков с государственной бюрократией.

Административно-политическая система Японии периода холодной войны, заточенная на реализацию задач послевоенного экономического развития в рамках мобилизационной модели, хорошо известна в мировом академическом дискурсе, как «система 1940 года». Из её названия следует, что данная система сложилась в рамках мобилизационной экономики военного времени, а в послевоенный период была унаследована и сохранена политической властью в слегка модифицированном виде, с учётом задач «догоняющего развития». «Система 1955 года» приспособила базовые принципы принятия стратегических решений в экономической сфере, присущие экономике военного времени, к потребностям мобилизационной модели послевоенного периода. Поэтому принципы «системы 1940 года» стали в расширительном смысле частью «системы 1955 года».

Осмысление опыта «системы 1955 года» оказывается исключительно актуальным и в современных условиях. Либерально-демократическая партия в 1994 г. вернулась к власти, на этот раз не в качестве доминантной партии, а в составе коалиционного правления, и за исключением короткого трёхлетнего периода удерживает бразды правления вот уже на протяжении четверти века. В этой связи закономерен вопрос: в чём причина устойчивости и поразительной эффективности феномена доминантной партии, которая оказывается востребованной в Японии даже несмотря на существенное изменение геополитических условий после окончания биполярного периода?

Среди отечественных исследователей закрепился стереотипизированный образ «системы 1955 года» как специфической модели партийно-политической системы, не имеющей аналогов в послевоенной истории стран с либеральной демократией. К наиболее существенным характеристикам этой модели обычно относят её внешние признаки – наличие доминантной партии и длительность однопартийного правления, а также консерватизм как идейную основу власти доминантной партии. Однако сложившиеся стереотипы во многом ограничивают возможности анализа «системы 1955 года» как уникального исторического феномена, обладающего рядом характерных особенностей.

В настоящей статье попытаемся ответить на ряд вопросов, которые, на взгляд автора, позволили бы более полно осветить суть этого феномена. Каковы структурные характеристики «системы 1955 года», и прежде всего особенность партийной конфигурации на разных этапах её развития? Каковы особенности идейно-политической ориентации доминантной партии, определившие успех её длительного правления? Какой инструментарий использовала ЛДП для удержания власти и почему он оказался столь эффективным, позволив ЛДП сохранять своё доминантное положение в парламенте на протяжении почти четырёх десятилетий? Наконец, насколько закономерным было завершение эпохи «системы 1955 года»?

Примечательно, что само по себе образование «системы 1955 года» произошло в достаточно короткий по историческим меркам период. На первых послевоенных выборах в парламент Японии участвовало более трёхсот партий. Быстрыми темпами, однако, происходило укрупнение партий, уточнение их программ, шёл процесс слияний и поглощений. Это привело к «умеренной многопартийности», а затем и к двухпартийной системе.

Начало этой системы было положено 15 ноября 1955 г. созданием в результате объединительного съезда Либеральной и Демократической партий Либерально-демократической партии. Решение о начале консультаций о слиянии было принято в ответ на состоявшееся в начале 1955 г. объединение Правой илевой социалистических партий. Объединённая СПЯ стала третьей политической силой в стране, сразу же заявив о своих претензиях на власть. Риск прихода к власти левой партии заставил две консервативные партии различной ориентации¹ забыть об имеющихся противоречиях и предпринять решительные действия для недопущения любых непредсказуемых сценариев развития политической ситуации в стране.

После создания ЛДП на политической арене Японии стали доминировать две политические силы – правоконсервативная Либерально-демократическая партия (ЛДП) и леволиберальная Социалистическая партия Японии (СПЯ). Именно год рождения ЛДП дал название «системе 1955 года», которая на первом этапе обозначала партийную систему, в которой превалировали эти две политические силы.

На первых же после образования ЛДП выборах в палату представителей парламента, состоявшихся в 1958 г., эти две партии совокупно получили 91 % всех голосов избирателей и 97 % депутатских мандатов. ЛДП получила 298 мест из 512, что более чем в 2 раза превышало количество завоёванных СПЯ 131 мандата. Это дало основания назвать возникшую в 1955 г. партийную систему «полупартийной», при которой ЛДП составляла «одну партию» и СПЯ – «половину партии». Данный термин впервые был использован в 1960 г. Робертом Скалапино и Масуми Дзюнноске для характеристики партийной конфигурации в Японии, в рамках которой «одна партия» всегда находится у власти и «половина партии» (т.е. СПЯ. – Д.С.) является «вечной оппозицией» [Hrebentar, 1992, p. 6].

В период 1955–1960 гг. СПЯ в качестве главной оппозиционной силы страны неоднократно удавалось не только затянуть процесс прохождения правительственных законопроектов через парламент, но и полностью заблокировать их. Столкновения между правящей партией и оппозицией носили исключительно конфронтационный характер, приводя к парламентским баталиям. Правящей партии нередко приходилось применять силовые методы для проталкивания законопроектов, предполагавшие использование чрезвычайных полномочий спикера, процедурные уловки и даже прямое физическое воздействие в отношении оппозиционных депутатов, с привлечением парламентской полиции. В свою очередь Социалистическая партия активно мобилизовывала своих сторонников на антиправительственные уличные акции – демонстрации, митинги, сидячие забастовки и т.д. Наивысшего пика политическое противостояние достигло в 1960 г., когда СПЯ и ЛДП заняли противоположные позиции по вопросу об отношении к договору с США в период его ратификации в парламенте.

Следует отметить, что начиная с первых с момента появления ЛДП, выборов в парламент в июле 1956 г. в верхнюю и в мае 1958 г. – в нижнюю палату, у правящей партии на протяжении всего периода её однопартийной власти ни разу не было квалифицированного большинства даже в одной из палат парламента, не говоря уж об обеих. Большинство в две трети голосов требовалось ей для инициирования поправок в конституцию с целью изменения

¹ Либеральная партия выступала против пересмотра 9-й статьи конституции и за одностороннюю внешнеполитическую ориентацию на США, Демократическая – за пересмотр конституции, создание полноценных вооружённых сил и проведение более самостоятельного курса на мировой арене.

статьи 9, легализации вооружённых сил и разворачивания полномасштабного военного строительства, что, по сути, было одной из основных целей создания объединённой партии.

Вместе с тем недостаточно сил для того, чтобы бросить вызов ЛДП, было и у социалистов. Даже в период своего наибольшего могущества они никогда не имели в нижней палате больше 167 мест и больше 84 в верхней, т.е. не более половины того, что было в распоряжении ЛДП. А после подписания 19 января 1960 г. японо-американского Договора о гарантиях безопасности, СПЯ вновь раскололась по вопросу об отношении к этому договору, результатом чего стало появление левоцентристской Партии демократического социализма (ПДС), стоявшей на позициях приемлемости для Японии этого альянса. В ноябре 1964 г. на базе необуддистской секты Сока гаккай появилась центристская партия Комэйто.

К тому же СПЯ в 1969 г. потерпела достаточно крупное поражение на выборах, в результате которого она хотя и не утратила статуса второй оппозиционной силы страны, но значительно поколебала в глазах избирателей свой имидж единственной реальной альтернативы ЛДП. К этому времени на политической арене страны партийная система была по своей конфигурации уже далеко не «полупартийная» – скорее она отвечала формуле «одна сильная – четыре слабых партии» («сильная» ЛДП, «слабые» СПЯ, Комэйто, ПДС и Коммунистическая партия Японии (КПЯ)).

В 1970-е годы политическая ситуация ещё сильнее отклонилась от модели «полупартийной системы». С течением времени всё большую долю голосов стали получать партии, тяготеющие к политическому центру, а всё меньшую – «системные партии» в лице ЛДП и СПЯ. Например, если на парламентских выборах 1958 г. ЛДП получила 57,8 % голосов избирателей, то в 1976 г. – только 41,8 %. При этом доля получаемых СПЯ сократилась с 32,9 % в 1958 до 20,7 % в 1976 г. [Curtis, 1988, p. 19]. В 1976 г. к оппозиционному лагерю прибавился Новый либеральный клуб, а в 1978 г. – Социал-демократический союз (СДС). К концу 1970-х годов на политической арене существовало шесть «слабых» оппозиционных партий, над которыми довлела одна «сильная». К тому же сама ЛДП в середине 1970-х, когда совокупная мощь оппозиции в парламенте достигла её уровня, утратила статус безоговорочно доминантной партии, а после разгоревшегося в 1976 г. «скандала Локхид», в который оказалась вовлечённой вся верхушка правящей партии, она утратила и моральные основания на роль главной политической силы страны. Это дало повод некоторым историкам говорить о закате «системы 1955 года» уже с середины 1970-х годов. Например, по мнению Оно Кодзи, политическая история Японии вступила в переходный период от «системы 1955 года» к эпохе коалиционных правительств сразу же после «дела Локхид» [Ямагути, 1998, с. 213].

К началу 1970-х годов, когда в парламенте имели ощутимое представительство уже пять партий, термин «полупартийная система» по сути уже перестал соответствовать реальности. Однако поскольку ни одна партия, помимо ЛДП, не имела возможностей прийти к власти, японский политолог Икэ Нобутака для характеристики сложившейся конфигурации ввёл термин «система доминантной партии» (one-party-dominant system) [Hrebenar, 1992, p. 6]. Таким образом, эволюция партийной системы шла в послевоенный период по следующей траектории: радикальная многопартийность – умеренная многопартийность – двухпартийность («полупартийная система») – система доминантной партии.

Несмотря на усложнение и диверсификацию партийно-политического пространства, основные закономерности, касающиеся системы однопартийного правления оставались в

целом неизменными на протяжении всего периода власти ЛДП. Однако с течением времени происходила их умеренная трансформация в направлении роста роли согласовательных механизмов между ЛДП и партиями оппозиции при принятии государственных решений. Своей кульминации этот процесс достиг в середине 1970-х годов, когда в парламенте сложился баланс сил (*хакутю*) между правящей партией и оппозицией. В результате ЛДП с ещё большей осторожностью стала относиться к изменению конституции и проведению масштабного военного строительства, которые не получали одобрения как минимум среди половины японских избирателей, голосовавших за оппозицию.

Следующий вопрос касается идейно-политических аспектов «системы 1955 года». Сложившийся ещё в советское время в отечественном японоведении стереотип заключается в том, что «реакционная» ЛДП, отражавшая интересы крупной буржуазии, противостояла в парламенте «прогрессивным» силам в лице СПЯ и других сил левой ориентации [Латышев, 1967, с. 6–8; Макаров, 1988, с. 80]. Уже на начальном этапе существования этой системы для характеристики идеологического противостояния использовались весьма красноречивые эпитеты и в японском академическом дискурсе: СПЯ и КПЯ, ориентировавшихся на мировой социалистический лагерь, стали называть «реформистами» (*какусинха*), тогда как ЛДП, выступавшую за членство страны в возглавляемом США западном мире, – «консерваторами» (*хосюха*). Понятие «консерватора», кстати, имело тогда в японском политическом сленге негативную коннотацию, будучи синонимом термина «реакционер».

Следует отметить в этой связи, что основной идеологический водораздел между ЛДП и партиями оппозиции традиционно проходил по опросам внешней политики и безопасности. Камнем преткновения стали вопросы о том, следует ли стране соблюдать 9-ю статью Конституции, запрещающую Японии иметь собственные вооружённые силы, продолжать ли ей курс на сотрудничество с Америкой в области военной безопасности, обзаводиться ли ядерным оружием и т.д. Соответственно, правящая Либерально-демократическая партия ратовала за ориентацию военной политики на американские гарантии безопасности, проведение политики наращивания вооружённых сил, отмену 9-й статьи и легализацию военного потенциала, членство Японии в западном блоке, тогда как противостоящая ей Социалистическая партия Японии – за отказ от вооружённых сил и верность конституции, проведение на международной арене политики невооружённого нейтралитета, ориентацию на «силы мира и социализма» и т.д.

Борьба между «консерваторами» и «реформистами» шла и по иным идеологическим вопросам: общественный порядок и полномочия полиции («консерваторы» были за ужесточение этих прав во имя «защиты порядка», «реформисты» – за защиту свобод граждан и против усиления полномочий правоохранительных органов); система образования («консерваторы» – за воспитание патриотизма и уважение к национальным традициям, включая отказ от огульного «очернения» истории страны в период милитаризма, «реформисты» – за пацифизм и против возрождения «традиционных ценностей», на которых строилась милитаристская и верноподданническая пропаганда довоенного времени); государственные символы («консерваторы» выступали за введение традиционного летоисчисления и исполнение государственного гимна в школах, «реформаторы» были против).

Парадокс заключался в том, что «реформистские» силы в лице СПЯ и КПЯ стояли за незыблемость конституции (т.е. сохранение статус-кво), тогда как «консервативная» ЛДП –

за изменение сложившегося порядка (реформу конституции и проведение активной оборонной политики). Однако гораздо более существенный парадокс заключался в том, что «консервативная» ЛДП, в противоположность своему стереотипизированному имиджу защитника интересов крупной буржуазии, проводила весьма гибкую и прагматическую политику в интересах всего общества, политику, которая обеспечила Японии благоприятные условия для послевоенного экономического развития.

Казалось бы, ситуация, при которой «реформистская» СПЯ выступает оппонентом «консервативной» ЛДП, предполагает острое идеологическое противоборство между идеологиями капитализма и социализма, рыночного фундаментализма и социально ориентированного дирижизма, между ориентацией на либеральные ценности и свободу предпринимательства и на социальную справедливость и социальные гарантии. В реальности же ЛДП отказалась от какой-либо односторонней программной идеологии и стала придерживаться сугубо прагматического подхода к решению любых вопросов внутренней политики. Поэтому ЛДП и СПЯ, оставаясь двумя основными политическими игроками, фактически не выступали конкурентами, как это бывает при «классической» двухпартийной системе.

Идейной основой ЛДП считается консерватизм. Однако массовый консерватизм в Японии не носил идейного характера, проявляясь скорее в национальной психологии, традициях и бытовых привычках. В своей экономической политике ЛДП учитывала, что принципы рыночного фундаментализма, следствием которого становятся острые социальные контрасты, чужды национальным ценностям Японии и национальной психологии японского этноса, построенных на примате идей эгалитаризма и социальной справедливости.

Поэтому развитие Японии в условиях «системы 1955 года» шло по пути недопущения «диких» проявлений капитализма. Правящая партия, руководство которой составили политики ещё довоенного поколения, продолжала руководствоваться постулатами этатистской идеологии, предполагавшими особую роль государства в экономике. Главными принципами, на которых зиждилась идея мобилизационного развития, были опора на коллективизм и командное мышление, ставка на картели и финансово-промышленные группы как базовую форму организации экономического управления, на огромные полномочия административных органов в экономической сфере. Иными словами, речь шла о капитализме административно-командного (или административно-управленческого) типа. Следствием этого подхода стал ограниченно рыночный характер послевоенной экономики, отличительными чертами которой явились стирание граней между трудом и капиталом, перекрёстное владение акциями, высокая степень участия государства в экономике, большое количество регулирующих норм и т.д. [Танака, 1994, с. 62–63]. Ещё один стереотип в отношении «системы 1955 года» заключался в том, что ЛДП отражала интересы буржуазии и сельского населения (фермеров), а СПЯ – рабочего класса и городских слоев. Однако в реальности ситуация была иной: СПЯ имела хорошие позиции и в сельской местности, тогда как ЛДП неплохо выступала на выборах и в городах. Так, уже на первых после оформления «системы 1955 года» выборах в нижнюю палату 1958 г. СПЯ набрала в «сельских округах» 34 мандата, что было хоть и существенно меньше, чем ЛДП, но совсем немало. В свою очередь, ЛДП на тех же выборах имела достаточно сильную поддержку в городских округах, получив 49 депутатских мест – столько же, сколько и СПЯ [Суэтакэ, 2011, с. 222]. Подобное положение с небольшими отклонениями сохранялось на протяжении всего периода

«системы 1955 года». Таким образом, как ЛДП, так и СПЯ, в реальности были общенациональными партиями с прочными позициями во всех избирательных округах и в этом смысле отличались от прочих оппозиционных партий, делавших ставку на победу только в отдельных регионах страны, где у них были сильные позиции.

Важным фактором длительного господства ЛДП явилась её способность откликаться на широкие общественные запросы. ЛДП проявляла перманентную способность к расширению своей социальной базы и, соответственно, властного ресурса. Универсальность, «всеядность», всеобъемлющий характер ЛДП представлял её естественное преимущество перед прочими партиями (и в первую очередь, СПЯ), которые были связаны достаточно жёсткими ограничениями, прежде всего, идеологического плана.

Этому предшествовал период «разброда и шатаний». До 1955 г. в японском парламенте действовало около 50 депутатских фракций (партий и депутатских групп), и ЛДП была по счёту 51-й такой группой [Суэтакэ, 2011, с. 226]. При этом в создании ЛДП не приняли участия только семь, включая четыре политические партии (КПЯ, Рабоче-крестьянская, Социал-демократическая и Кооперативная). Иными словами, ЛДП, появившаяся как аморфный конгломерат различных политических сил, с самого начала интегрировала огромный спектр общественных интересов и ценностей. Это давало ЛДП возможность бесконечного расширения её властного ресурса в качестве доминантной партии. Именно эта её особенность позволяла ЛДП позиционировать себя как партию, представляющую интересы всего народа, а не интересы отдельных социальных групп и слоёв.

По логике вещей, внутренняя аморфность и идейная неконсолидированность ЛДП с самого начала таили в себе риск раскола. Один из инициаторов объединения консерваторов, Мики Букити, осознавая, что столь разные по программной ориентации партии, как Либеральная и Демократическая, смогут ужиться под одной крышей только при наличии серьёзной внешней угрозы, говорил: «Хорошо бы если бы ЛДП не распалась хотя бы лет десять» [Суэтакэ, 2011, с. 225]. Однако инстинкт самосохранения и выгоды от положения правящей партии заставляли однопартийцев находить такие механизмы сосуществования, которые при всех внутренних противоречиях предотвращали бы распад партии. Межфракционная борьба шла по определённым правилам, существовали принципы ротации высших партийных кадров, правила занятия должностей по выслуге лет, правила взаимного баланса сил между фракциями.

Поддержание внутрипартийной демократии и плюрализма мнений, обеспечение консенсуса на основе межфракционного баланса сил стали важными методами сохранения власти ЛДП и недопущения раскола партийных рядов в период её однопартийного правления [Richardson, 1997, р. 56–58]. Партийные фракции обладали достаточными финансовыми и организационными ресурсами и пользовались существенной автономией, гарантируя своим членам иммунитет от преследования, например, за критику руководителей конкурирующих фракций. Межфракционное соперничество внутри ЛДП по сути подменило собой межпартийное соперничество, которое должно было бы сложиться в «нормальной» демократической стране.

Кроме того, ЛДП удавалось не допускать объединения против себя оппозиционных сил и держать эти силы в состоянии хронического раскола, например, путём внесения в электоральную повестку дня таких вопросов международно-политического или идеологического

характера, где противоречия между самими оппозиционными партиями проявлялись сильнее, чем даже между левыми и правыми парламентскими партиями.

Значимым методом сохранения господства ЛДП также выступали механизмы смены лидеров. Регулярные отставки премьер-министров и переформирование кабинета министров позволяли ЛДП создавать имидж обновлённой партии и таким образом реабилитироваться в глазах избирателей после очевидных провалов или коррупционных скандалов. Следует признать, что специфические методы «выбора» премьер-министра путём межфракционных консультаций открывали дорогу во власть наиболее лояльным и компромиссным политическим фигурам, которые не обязательно пользовались высоким общественным авторитетом. К тому же с середины 1970-х годов, когда произошло резкое укрупнение одной из партийных фракций, в партии сложилась система «двойной власти»: пост главы партии и премьер-министра занимал один политик, а реальными полномочиями по принятию кадровых и иных стратегических решений обладал формальный или неформальный лидер этой фракции. Например, К. Танака, С. Канэмару, Н. Такэсита, И. Одзава на разных этапах своей политической карьеры уходили со всех партийных постов, но продолжали контролировать партию в неформальном качестве «кингмейкеров».

ЛДП исключительно умело использовала электоральные технологии, к числу которых следует отнести ставку на персональную ориентацию японских избирателей; самоустранение ЛДП от ответственности за ведение избирательных кампаний индивидуальных кандидатов с предоставлением им права использовать партийный бренд (ЛДП как «партия-франшиза»); в сельской местности и малых городах – опору на «твёрдые голоса» и их мобилизацию с помощью «обществ поддержки»; в крупных городах – опору на средний класс, его мобилизацию через различные профессиональные, корпоративные, любительские, местные и иные структуры, вовлечение этих структур в сферу клиентелистской политики.

Правящая партия предоставляла определённым избирательным округам или корпорациям преимущества при бюджетном финансировании отдельных государственных проектов. Как правило, речь шла об округах с депрессивной экономикой, сильно зависевших от финансовой поддержки из центра, либо о компаниях, специализирующихся на освоении бюджетных средств. Такая поддержка, в основном в форме масштабных общественных работ, была результатом лоббистской деятельности влиятельных депутатов ЛДП, которые создавали подобным образом свою личную электоральную базу. Лоббистские возможности влиятельных депутатов парламента от ЛДП давали им существенные преимущества в деле «сбора голосов», что в свою очередь способствовало консолидации электоральной базы ЛДП [Masumi, 1995, p. 499].

Основной ареной клиентелистской политики в период «системы 1955 года» служили средние (полиномиальные) округа, голосование в которых было партийно-индифферентным и персонально ориентированным. Избирательная система обеспечивала аграрные и малонаселённые избирательные округа, расположенные в основном в горной местности или на побережье Японского моря, повышенным уровнем представительства в парламенте (разница в «цене голоса» избирателей между аграрными и урбанизированными округами достигла к концу биполярного периода более чем двукратной отметки). Именно от этих округов, откуда ЛДП традиционно черпала «твёрдые» голоса, избиралась в парламент подавляющая часть партийного руководства.

Создав монополию власти, ЛДП на долгие годы монополизировала и процесс взаимоотношений политической власти с ведомствами, занимавшимися региональным развитием, включая Министерство сельского хозяйства, Министерство строительства, Министерство внешней торговли и промышленности (т.е. министерства экономического блока). Если учесть, что ЛДП через систему «обществ поддержки» отдельных депутатов, взаимоотношения с профильными структурами, ставшими объектом клиентелистской политики государства, создала мощные и разветвлённые сети, связывающие её с самыми разными общественными слоями и группами, можно уверенно сказать, что правящая партия смогла утвердить свою монополию на власть, опираясь на реальные принципы народного представительства. При этом опора электоральной политики на «общества поддержки» и на персональную, а не партийную ориентацию избирателей, позволяли ЛДП «держатъ руку на пульсе» ситуации на местах.

Персонально ориентированные связи с обществом заключались также и в том, что ЛДП рекрутировала в свой состав представителей самых различных социальных страт. При этом особое место в её кадровом составе всегда занимали бывшие государственные служащие. Традиция опоры на бывших бюрократов первого эшелона восходит ещё к периоду начала 1950-х годов: премьер-министр С. Ёсида вводил в состав своих кабинетов (1948–1954 гг.) множество бывших высших бюрократов ещё довоенной закваски, включая тех, кто в дальнейшем возглавил правительство (Э. Сато, Х. Икэда и др.).

Большую роль для стабильности системы политической власти ЛДП играло и создание ею разветвлённого аппарата для подготовки и согласования стратегических решений, которые в дальнейшем обретали силу закона либо постановления кабинета министров. По сути ЛДП стала крупнейшей среди правящих партий развитых капиталистических стран, штаб-квартира которой имела столь мощный аппарат политического планирования. Именно тесные связи ЛДП с бюрократией позволяли учитывать многосторонние интересы общества при выработке государственной политики.

В 1960 г. была создана сложная система предварительного согласования, при которой все правительственные законопроекты проходили достаточно скрупулёзное согласование в структурах правящей партии на предмет соответствия политическому курсу ЛДП. Для этого в Совете по политическим вопросам ЛДП (*сэйму тёсакай*) были созданы специализированные секции (*букай*), консультативные советы (*сингикай*), экспертные группы (*тёсакай*) и комиссии (*сёиинкай*), призванные обеспечить экспертную оценку содержательной стороны правительственных документов, поступающих на рассмотрение кабинета министров. Само решение партии по конкретному вопросу проходило процедуру утверждения в Совете по общим вопросам, который выверял правовые и организационно-процедурные аспекты каждого документа. Данная партийно-правительственная система подготовки решений (зародившаяся ещё в период власти Либеральной партии в первой половине 1950-х годов) была внедрена премьер-министром Икэда Хаято (1960–1964 гг.), который возглавлял в Либеральной партии Совет по политическим вопросам и уже имел соответствующий опыт [Суэтакэ, 2011, с. 223–224].

У главного оппонента ЛДП – СПЯ также имелась система политической проработки решений. Однако в подходе к любым вопросам она делала основной упор на идеологическую сторону дела, а точнее – на соответствие любых партийных решений программно-политическим установкам партии. Такой подход был оправданным в период

«идеологической политики» 1955–1960 гг., когда практически любой пункт парламентской повестки дня оценивался по критерию оси «реформаторы – консерваторы». Однако с 1960 г., когда идеологические вопросы отошли на задний план, приоритет идеологии в подходе к любым вопросам государственной политики стал слабым звеном СПЯ, отпугивая от неё многих потенциальных избирателей, критически настроенных по отношению к действующей власти.

К тому же с 1950 г. СПЯ опиралась на поддержку профсоюзного объединения Сохё, которое после раскола 1954 г. (когда от него откололись правые профсоюзы) стало всё сильнее ориентироваться на классовый подход, требуя от своего политического агента в лице Социалистической партии отстаивать в первую очередь интересы наёмных работников крупных предприятий. Это сужало для СПЯ возможности для политического маневрирования и для рекрутирования дополнительных электоральных сегментов, не обязательно относящихся к наёмной рабочей силе. Не имея связей с бюрократией и опираясь в основном на профсоюзных лидеров, СПЯ была обречена стать «антисистемной» партией, которая всю свою политику строит на критике существующей системы и не ставит перед собой задачу реального прихода к власти. Если даже в период «идеологической политики» 1955–1960 гг. СПЯ не могла получить больше трети голосов избирателей, то после 1960 г. возможность обретения парламентского большинства стала для неё практически нереальной.

Огромное значение для системы власти ЛДП играла её идейно-политическая гибкость. В экономической политике ЛДП активно брала на вооружение широкий инструментарий методов социально-экономического регулирования, носящих либеральный, с точки зрения экономической теории, характер. Кроме того, консерваторы вынесли на своих плечах и социалистические по сути мероприятия: земельную реформу, меры по введению всеобщего обязательного образования и т.д.

В частности кабинеты Н. Киси (1957–1960 гг.) проводили внутреннюю политику, сочетавшую в себе элементы либерализма и социализма, заложившую основы эгалитарности японского социума. Тогда же в стране были введены первые виды всеобщего социального страхования, включая первую модель публичной пенсионной системы, было принято законодательство о минимальной заработной плате и т.д. В период администрации Н. Киси стала оформляться масштабная дистрибутивная система, обеспечившая в дальнейшем высокий уровень эгалитарности японского общества за счёт перераспределения значительной части общественного дохода. Уместно вспомнить также деятельность кабинетов неоконсерватора Я. Накасонэ (1982–1987 гг.), к числу достижений которых многие справедливо относят успешную реализацию масштабной пенсионной реформы, заложившей основу современной системы социального обеспечения.

Таким образом, важным признаком «системы 1955 года» было отсутствие базового конфликта между основными политическими силами по вопросам внутренней политики. Несмотря на дисбаланс сил между правящим блоком и оппозицией, который по логике вещей должен был привести к ущемлению прав меньшинств (поскольку доминантной партии формально не было особого смысла учитывать интересы оппозиции), механизмы обратной связи правящей партии с обществом позволяли эффективно учитывать, консолидировать и доносить до государства все усложняющиеся интересы и ценности отдельных социальных групп и слоёв. Фактически «система 1955 года» позволяла «упрощать» сложные и многогранные общественные интересы, доводя их до государства.

Прагматизм и конформизм ЛДП, деидеологизация её программных установок, гибкость политической линии и высокая адаптивность к меняющейся внутривнутриполитической ситуации не позволяют оценить «систему 1955 года» как классическую форму идеологического противостояния «правых» и «левых» сил или использовать для её характеристики какие-либо жёсткие идейно-политические критерии. Скорее «систему 1955 года» можно позиционировать как феномен удачного институционального структурирования различных по своей идейной ориентации партий, который привёл к устойчивой партийно-политической конструкции, отвечавшей потребностям периода холодной войны.

Эпоха «системы 1993 года» закончилась в 1993 г., сразу после завершения биполярной эпохи. ЛДП в июле 1993 г. не получила простого большинства на выборах в нижнюю палату парламента. В августе того же года к власти приходит семипартийная коалиция без участия либерал-демократов, что ознаменовало собой переход политической истории страны к эпохе коалиционных правительств. И хотя ЛДП менее чем через год вернулась к власти, она уже не могла удерживать её, не прибегая к помощи партнёров по коалиции. Это означало, что феномен доминантной партии (как единственной партии власти) стал для Японии достоянием истории.

Имеется несколько причин завершения «эпохи 1955 года». Первая из них – внешнеполитическая. «Система 1955 года» служила для Японии формой внутривнутриполитического измерения внешнего биполярного мира. Основная ось идеологического противостояния между партиями лежала по вопросу об отношении к военно-политическому союзу с Америкой. ЛДП выступала за сохранение и развитие этого союза и за всестороннюю внешнеполитическую ориентацию на Вашингтон. Соответственно, наиболее влиятельная оппозиционная сила – Соцпартия Японии – поддерживала по всем вопросам внешней политики СССР и страны социализма. Смысл существования идеологической конфронтации между партиями исчез в связи с распадом СССР и завершением биполярной эпохи.

Другая причина носила экономический характер. На фоне затяжной экономической стагнации и изменения модели экономического развития существенно понизилась роль политической власти как субъекта перераспределения избыточного общественного продукта. Стало невозможно постоянно финансировать многочисленные инфраструктурные проекты, имеющие нулевую отдачу, но кормящие солидную часть корпоративного сектора, особенно в регионах.

Трансформировалась и электоральная психология. Новое поколение избирателей было рождено и воспитано в городской среде и утратило те земляческие связи, которые приковывали их родителей к «родной деревне», в результате чего японский электорат перестал мириться с масштабной перераспределенческой политикой центра, проводимой на деньги налогоплательщиков. В этих условиях политические субъекты утратили возможность апеллировать к патриотизму выходцев из определённой местности и были поставлены перед необходимостью привлекать избирателей путём выдвижения политических программ, постановки общенациональных задач и т.д.

Важным фактором политических трансформаций начала 1990-х стало и то, что правящая партия оказалась дискредитированной в глазах избирателей в результате серии коррупционных скандалов конца 1980-х годов, в которые оказалась втянутой вся верхушка ЛДП. Стремительное расширение политической коррупции, в основе которой лежали массовые злоупотребления депутатами правящей партии своими prerogative в деле

перераспределения общественного богатства, вызвало массовое недовольство правящей партией, которая оказалась неспособной к самореформированию [Kohno, 1997, p. 6-7].

В этих условиях ЛДП уже не могла опираться только на традиционные механизмы электоральной мобилизации, основанные на наличии большого количества «твёрдых голосов». От неё требовалось найти новую идентичность. Система власти ЛДП оказалась уязвимой перед лицом новых вызовов эпохи и не устояла перед ними.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Латышев И.А.* Правящая Либерально-демократическая партия Японии. М.: Наука, 1967.
- Макаров А.А.* Политическая власть в Японии. М.: Наука, 1988.
- Окадзава Норико.* Сэйдзи сисутэму-но хэнъё : [Трансформация политической системы] // 55 тайсэй-но хокай : [Распад «системы 1955 года»]. Токио: Иванами сётэн, 1996.
- Суэтакэ Ёсия, Такэда Томоми.* Нихон сэйтоси : [История политических партий Японии]. Токио: Ёсивара бункан, 2011.
- Танака Наоки.* Нихон сэйдзи-но косо : [Концепция японской политики]. Токио: Нихон кэйдзай симбунся, 1994.
- Ямагути Ясуси.* Сэйдзигаку-но ситэн кара : [С позиций политологии] // Ямагути Ясуси, Миямото Кэнъити (ред.) Сэнго годюнэн-о до миру ка : [«Как оценить 50 послевоенных лет?»]. Киото: Дзимбун сёин, 1998.
- Curtis, Gerald L.* The Japanese Way of Politics. NY: Columbia University Press, 1988.
- Hrebenar, Ronald J.* The Japanese Party System. Oxford: Westview Press, 1992.
- Kohno M.* Japan's Postwar Party Politics. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- Masumi, Junnosuke.* Contemporary Politics in Japan. Translated by Lonny E. Carlile. Berkeley and Los Angeles: University of Columbia Press, 1995.
- Richardson, Bradley.* Japanese Democracy. New Haven and London: Yale University Press, 1997.

REFERENCES

- Curtis, Gerald L. (1988). The Japanese Way of Politics, NY: Columbia University Press.
- Hrebenar, Ronald J. (1992). The Japanese Party System, Oxford: Westview Press.
- Kohno M. (1997). Japan's Postwar Party Politics, Princeton: Princeton University Press.
- Latyshev, I.A. (1967). Pravyashchaya Liberal'no-demokraticeskaya partiya Yaponii [The Ruling Liberal Democratic Party of Japan], Moscow: Nauka. (In Russian).
- Makarov, A.A. (1988). Politicheskaya vlast' v Yaponii [The Political Power in Japan], Moscow: Nauka. (In Russian).
- Masumi, Junnosuke (1995). Contemporary Politics in Japan, translated by Lonny E. Carlile, Berkeley and Los Angeles: University of Columbia Press.
- Okazawa, Norio (1996). Seiji shisutemu-no hen'yo [Transformation of the Political System], in 55 taisei-no hokai [The Collapse of the "1955 System"], Tokyo: Iwanami shoten. (In Japanese).
- Richardson, Bradley (1997). Japanese Democracy, New Haven and London: Yale University Press.
- Suetake, Yoshiya and Takeda, Tomomi (2011). Nihon seitoshi [The History of Japanese Political Parties], Tokyo: Yoshiwara bunkan. (In Japanese).

Tanaka, Naoki (1994). *Nihon seiji-no koso* [The Concept of Japanese Politics], Tokyo: Nihon keizai shimbunsha. (In Japanese).

Yamaguchi, Yasushi (1998). *Seijigaku-no shiten kara* [From the Positions of Political Science], in Yamaguchi, Yasushi and Miyamoto Ken'ichi (eds.) *Sengo gojunen-o do miru ka* [How Should We Evaluate the 50 Postwar Years?], Kyoto: Jimbun shoin. (In Japanese).

Поступила в редакцию 13.08.2019

Received 13 August 2019

Для цитирования: Стрельцов Д.В. «Система 1955 года» как уникальный исторический феномен // Японские исследования. 2019. № 4. С. 88–102. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10030

For citation: Streltsov D.V. (2019). “Sistema 1955 goda” kak unikal’nyy istoricheskiy fenomen [The System of 1955 as a unique historical phenomenon], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 4: 88–102. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10030

Японские исследования. 2019. № 4. С. 103–119.

Japanese Studies in Russia, 2019, 4, pp. 103–119.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10031

Место исторической памяти в восприятии Китая японским обществом*

П.В. Кульнева

Аннотация. Несмотря на сильное притяжение Японии и Китая в экономическом направлении в последние десятилетия, в социальной сфере сохраняется много факторов, отталкивающих страны друг от друга. Большое место в формировании негативного имиджа страны-партнёра у обеих сторон занимают проблемы, связанные с памятью о событиях Второй мировой войны.

Восприятие Китая японским обществом менялось на протяжении послевоенных десятилетий. После капитуляции Японии и её оккупации союзными войсками политическая, экономическая и культурная дистанция между странами увеличилась. Это привело к «провалу» в памяти, связанной с Китаем, у послевоенного поколения японцев. Интерес к Китаю начал заметно расти только через некоторое время после нормализации японо-китайских отношений (1972) – с конца 1980-х – начала 1990-х годов, по мере того как официальные контакты между странами на разных уровнях становились более активными.

Первое серьёзное падение имиджа Китая в Японии связано с инцидентом 1989 г. на площади Тяньаньмэнь, показавшим, что Китай является небезопасной страной с репрессивным государственным аппаратом. С тех пор отношение японского общества к Китаю постепенно ухудшалось по разным причинам. Начиная с 1990-х годов, по мере развития и усложнения японо-китайских отношений появлялись новые проблемы, формирующие негативный имидж Китая, в том числе борьба двух стран за геополитическое влияние, глобальная конкуренция, неблагоприятное воздействие Китая на экологическую обстановку в регионе, недостаточно высокое качество китайской продукции, разница менталитетов с китайскими партнёрами по бизнесу, недовольство чрезмерным числом китайских туристов в Японии и др. Вместе с тем всё более остро ощущалась и проблема исторической памяти. Можно сказать, что эта проблема вписывается в набор противоречий, которые накопились в японо-китайских отношениях, и не только дополняет, но и усиливает некоторые из них.

Несмотря на неблагоприятную картину восприятия Китая японским обществом, в последние годы заметна тенденция к её улучшению. Особенно много японцев, положительно оценивающих Китай и перспективы развития отношений с этой страной, среди молодёжи. Активные контакты с Китаем дают японцам возможность ближе узнать эту страну, а развитие экономических связей делает влияние политических факторов менее заметным.

Ключевые слова: японо-китайские отношения, Вторая мировая война, историческая память, храм Ясукуни, общественное мнение, имидж Китая, деловая среда Китая, взаимосвязь экономики и политики.

Автор: Кульнева Полина Викторовна, кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт востоковедения РАН. E-mail: kpoline@list.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (грант № 19-18-00017 «Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами Восточной Азии и России. Уроки для России»).

The place of historical memory in perception of China by Japanese society*

P.V. Kulneva

Abstract. Despite the strong economic gravity between Japan and China, there are still many social factors that pull the countries away from each other. One of such factors is the negative image of the partner, which is largely related to the memory of World War II.

Perception of China in Japanese society has been changing over the post-war decades. After Japan's surrender and occupation of the country by the Allied Powers, political, economic, and cultural distance between the two countries grew. This led to a "lapse of memory" related to China among the post-war generation of the Japanese. Interest towards China in Japan started growing after some time had passed since the normalization of Sino-Japanese relations (1972) – from late 1980s-early 1990s, as the contacts between the countries on different levels became more and more active.

The image of China in Japan deteriorated dramatically for the first time after the 1989 Tiananmen Square protests, which demonstrated that China was an unsafe country with a repressive state machine. The attitude of Japanese society to China has been worsening since then for various reasons. Starting from the 1990s, new problems emerged, including the struggle for geopolitical influence, global competition, pollution of environment and bad quality of Chinese products, problems of communication with Chinese business partners, growing number of Chinese tourists in Japan, etc. As Sino-Japanese relations became more complicated, the problem of historical memory emerged more and more vividly. This problem fits into the whole picture of controversies accumulated in the Sino-Japanese relations and intensifies some of them.

Despite the unfavorable perception of China by the Japanese society, signs of improvement can be seen in the last few years, especially among the younger generation. Many young Japanese view China and the prospects of developing bilateral relations positively. Contacts with China give more opportunities to understand this country better, and close economic ties make the influence of political factors less obvious.

Keywords: Sino-Japanese relations, World War II, historical memory, Yasukuni Shrine, public opinion, China's image, business environment in China, interaction of economics and politics.

Author: Kulneva Polina V., PhD (Economics), Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kpoline@list.ru

Япония и Китай¹ входят в число крупнейших экономик Азиатско-Тихоокеанского региона и связаны между собой тесными торговыми отношениями, прямыми инвестициями, активным культурным и научным сотрудничеством, туристическим обменом. Прочность этих связей в настоящее время настолько велика, что позволяет говорить как японской, так и китайской стороне, об экономической «взаимозависимости». При этом удивительно, что в условиях сильного притяжения Японии и Китая в экономическом направлении в социальной сфере сохраняется много факторов, отталкивающих страны друг от друга. По данным недавнего социологического опроса японской некоммерческой организации Genron NPO, в 2018 г. только 13,1 % японцев хорошо относились к Китаю. В то же время у более чем 80 %

* This work was supported by Russian Science Foundation (Grant No. 19-18-00017 "Problems of the historical past in Japan's relations with the countries of East Asia and Russia. Lessons for Russia").

¹ Под Китаем в этой статье понимается Китайская народная республика (КНР), или материковый Китай, если не указано иное.

опрошенных отношение к Китаю не было положительным. С китайской стороны ситуация несколько лучше: 42,2 % респондентов относятся к Японии хорошо, и 56,1 % дали противоположные ответы [Дай 14-кай..., с. 2]. Однако, как свидетельствуют данные опроса, для большинства китайских респондентов Япония всё же не является привлекательной страной.

Упомянутое обследование Genron NPO отчасти объясняет, с чем связано такое восприятие японцами и китайцами друг друга, в разделе «причины [соответствующего] отношения к стране». Так, для японцев главными причинами негативного восприятия КНР в 2018 г. были (в порядке убывания значимости) «периодическое вторжение соседа в территориальные воды и воздушное пространство близ островов Сэнкаку» (на эту причину указали 58,6 % респондентов); «несоответствие действий Китая мировому порядку» (48,0 %); «критика со стороны Китая в связи с историческими проблемами» (41,8 %). Для китайцев негативное восприятие Японии было связано, прежде всего, с тем, что Япония «не раскаялась должным образом и не принесла извинения за вторжение на китайскую территорию» (54,7 %), а также с «национализацией островов Дяоюйдао (Сэнкаку) и вызванным ей противостоянием» (50,5 %). Третьим по значимости фактором стали геополитические причины: 41,5 % респондентов отметили, что «Япония совместно с США пытается загнать Китай в засаду с военной, экономической и идеологической точек зрения» [Дай 14-кай..., с. 5].

Меньшее, но довольно существенное число японских респондентов среди прочих причин негативного восприятия Китая отмечают «постоянные антияпонские публикации китайских СМИ» (часто затрагивающие военную тематику) и опасения, связанные с усилением военной мощи Китая. На каждую из этих причин указали по 30 % опрошенных. В целом, рассматривая причины негативного восприятия японцами и китайцами друг друга, с обеих сторон можно отметить взаимные обвинения в национализме, опасения, связанные с ростом военной мощи соседа, разногласия в вопросах мировой политики [Дай 14-кай..., с. 5].

Занимающая заметное место во взаимном восприятии двух стран проблема спорных островов Сэнкаку / Дяоюйдао обострилась после их национализации японским правительством в 2012 г. Ситуация с островами послужила поводом для того, чтобы в Китае снова вспомнили японскую агрессию 1930–1940-х годов, интерпретацию военных событий в японских учебниках истории и посещение высшими должностными лицами Японии храма Ясукуни, где, как считается, покоятся души погибших за родину японских солдат, среди которых есть военные преступники. Масштабные антияпонские демонстрации, проходившие в Китае в 2012 г., сопровождались соответствующими лозунгами и публикациями в китайских СМИ.

Не удивительно, что антияпонские настроения нанесли удар по имиджу Китая в Японии, поскольку они серьёзно подорвали стабильность работы японских компаний и создали некомфортную среду для туристов. Если говорить о последствиях для японского бизнеса, то они были весьма ощутимы: так, объём продаж автомобилей компании «Мицубиси» на китайском рынке в сентябре 2012 г. (в период демонстраций) упал на 63 % по сравнению с тем же периодом прошлого года; на 40 % снизились в том же месяце продажи компании «Тоёта», пострадали продажи компаний «Ниссан» и «Мазда» [Йомиури симбун, 06.10.2012]. Не менее серьёзные потери понесли производители японской электроники: в августе 2012 г. продажи «Тосиба» в китайских розничных сетях упали на

40,3 % по сравнению с предшествующим месяцем, «Санъё» – на 44,3 %, «Панасоник» – на 23,4 %, «Шарп» – на 21,1 % [Searchina, 12.09.2012]. В результате довольно заметным стало падение объёмов японского экспорта в КНР, через некоторое время снизились и японские инвестиции.

Будучи сложной и абстрактной категорией, историческая память, несомненно, является составной частью имиджа Китая в японском обществе и, как показали события 2012 г., имеет большое значение в том числе и для реальных показателей японо-китайского экономического сотрудничества. В связи с этим важно понять, как формируется историческая память о военных событиях середины XX в., какое место она занимала в японо-китайских отношениях на разных этапах их послевоенного развития и почему её значение во взаимном восприятии двух стран столь велико в настоящее время. В данной статье мы попытаемся оценить с этих точек зрения место исторической памяти в восприятии Китая японским обществом.

Прежде всего, необходимо отметить, что память о военных событиях стала острой проблемой в японо-китайских отношениях сравнительно недавно. Когда впервые после окончания войны имидж Китая в Японии резко упал в начале 1990-х годов, это произошло не из-за конфликта взглядов на историческое прошлое, а в связи с инцидентом 1989 г. на площади Тяньаньмэнь, показавшим, что Китай является небезопасной страной с репрессивным государственным аппаратом. Если в 1980-е годы около 70 % японцев испытывали дружеские чувства к Китаю [Найкакуфу...], то в 90-е число японцев, испытывающих дружеские чувства к этой стране, колебалось уже в районе 50 %, и в последующие годы ситуация только ухудшалась.

Динамика восприятия Китая японским обществом (1978–2013 гг.).

Доля людей, ответивших, что испытывают дружеские чувства к Китаю (%)

По данным опроса общественного мнения Кабинетом министров Японии

Нельзя сказать, что настрой японского общества по отношению к Китаю стал негативным сразу после войны. По свидетельству исследователей того времени, чувства, которые испытывали японцы к своему соседу в 1950–1960-е годы, представляли собой «смесь страха, пренебрежения и родства», причём чувство родства во многом смягчало враждебность, вызванную страхом и пренебрежением [Sadako Ogata, 1965, p. 390–391].

Страх был связан с неопределённостью, так как, несмотря на свою слабость во второй половине XIX – начале XX в., Китай был решительно настроен стать мощной державой под началом нового коммунистического правительства и, очевидно, обладал для этого внутренними ресурсами. Пренебрежение было унаследовано от довоенного антикитайского образования, где Китай представлялся бедной, отстающей страной, а Япония – лидером модернизации в регионе. Однако для многих представителей того же довоенного поколения война усилила чувство «родства» с Китаем, страна не была для этих людей полностью чужой.

Поколение японцев, родившихся после войны, оказалось в совершенно новых условиях: эти люди не были знакомы с Китаем первой половины XX в. и не застали военные события. После капитуляции Японии и её оккупации союзными войсками политическая, экономическая и культурная дистанция между Японией и Китаем увеличилась, в то время как западные ценности стали существенно ближе. В общем, до нормализации отношений стран в 1972 г. контактов между ними было сравнительно мало, интерес к Китаю не был высоким, и для целого поколения японцев эта страна стала фактически чужой.

Большой вклад в увеличение дистанции между Китаем и Японией внесла политика союзных войск во главе с генералом Макартуром, проводимая на протяжении семилетнего периода оккупации Японии (сентябрь 1945 г. – апрель 1952 г.). Как отмечает американский антрополог Рут Бенедикт, оккупация была воспринята японским народом как «естественные последствия» сделанных ошибок и шаг, необходимый для дальнейшего развития страны по пути мира и демократии. Поэтому японцы с готовностью приняли разработанную США новую конституцию, предложенные политическую и экономическую модели [Бенедикт, 2013, с. 213–214]. Кардинальная переориентация Японии в сторону США сопровождалась принятием американских ценностей, которые в последующие десятилетия заняли прочные позиции в культуре и мировосприятии японцев и сохраняют их до сих пор.

Общепринятой точкой зрения на события военного прошлого, которая хорошо соотнеслась с национальным самосознанием японцев и стала подходящей базой для реформ американского командования, стало представление о том, что японская агрессия и жестокость были результатом неправильных действий руководства страны и японский народ не несёт ответственность за содеянное.

По мнению американского японоведа Кэрол Глюк, оккупация Японии союзными войсками закрыла для страны одну страницу истории и открыла другую. «В “правильной истории”, какой её видел генерал Макартур, от довоенного “феодалного” прошлого следовало полностью отказаться во имя того, что оккупационные войска считали его исторической противоположностью, демократией» [Postwar Japan..., 1993, p. 66]. Преступления, совершённые в 1928–1945 гг., были упорядочены в ходе Международного военного трибунала для Дальнего Востока (МВТДВ). Формулировка причин и результатов действий конкретных людей в процессе трибунала, вынесение обвинений и наказание виновных помогли поставить в событиях своеобразную точку.

Массовая культура послевоенного времени была ориентирована на то, чтобы смягчить разочарование народа от поражения в войне. Так, японский кинематограф 1950–1960-х годов старался показывать более приглядные стороны военных событий и избегать острых проблем, которые могли бы плохо сказаться на самооценке японских зрителей. Солдат японской армии чаще всего изображали мужественными и дисциплинированными, а войну – беспорядочной и несправедливой. Солдаты, таким образом, становились жертвами системы

и обстоятельств, а военные преступники, если и оказывались героями фильма, то находились в подчинении у начальства, ставившего их в безвыходное положение. Из-за такого курса развития японского кинематографа сюжеты большинства фильмов в этот период были сосредоточены не на войне в Китае, а на других частях Тихоокеанского театра военных действий, где было легче изобразить действия Японии в позитивном ключе [Wilson, 2013, p. 539]. Таким образом, информации о ближайшем азиатском соседе Японии было недостаточно, и её объективность была спорной.

Большое значение имела также система образования, формирующая взгляды молодёжи об окружающем мире. Учебники истории в послевоенные десятилетия ограничивались довольно кратким и неполным описанием военных действий, и их содержание жёстко контролировалось сетью созданных при поддержке Министерства образования комиссий по проверке учебников [Nozaki, 2008, p. 11–12]. Угрозой для японского государства считалось не только описание событий, которые могут подорвать чувство патриотизма, но и влияние китайской идеологии [Сё, 2003, с. 198–220], что также отражалось на наборе знаний, полученных о Китае, столь близком для Японии прежде.

Проведённый недавно опрос поколения 1955–1965 годов рождения показал, что у этих людей нет целостного представления и глубоких знаний о Китае того периода. Сохранились лишь обрывочные воспоминания, связанные с отдельными наиболее значимыми событиями, которые освещались в новостях (культурная революция, смерть Чжоу Эньлая и т.п.), и немногочисленными контактами во время мероприятий с участием КНР (спортивные соревнования, международная выставка Экспо-70). У многих респондентов сохранились детские воспоминания о пандах, подаренных японскому зоопарку в честь нормализации японо-китайских отношений в 1972 г. [Хиракава, 2005, с. 4–6]. Таким образом, в целом 1950–1970-е годы стали для многих японцев неким провалом в памяти, связанной с Китаем.

Через несколько лет после нормализации японо-китайских отношений, в 1978 г., в Китае начались реформы в рамках инициированной Дэн Сяопином политики «реформ и открытости». Постепенно, по мере продвижения рыночных преобразований и создания всё большего числа Особых экономических зон с преференциальным режимом для торговли и иностранных инвестиций, КНР становилась важным субъектом международного экономического сотрудничества. Особое место среди партнёров страны вновь заняла Япония, которая поддерживала неофициальные торговые связи с Китаем даже в 1950–1960-е годы, в условиях отсутствия дипломатических отношений, видя в них большой потенциал.

Сближение с Китаем произошло не сразу. В 1980-е годы в Японии по-прежнему доминировало влияние американской и европейской культуры, и ставшее популярным слово «глобализация» воспринималось всё ещё применительно к странам Европы и Америки. Массового интереса к Китаю не было, но у части населения из числа японцев, интересующихся политикой, возникали вопросы, связанные с японо-китайскими отношениями. Некоторые люди чувствовали недоумение из-за того, что Япония и Китай никак не могут поставить точку в военных событиях.

В это время продолжалось начатое ещё в 1960-е годы разбирательство между японским профессором истории Иэнага Сабуро и Министерством образования Японии: в 1982 г. С. Иэнага в третий раз подал в суд на министерство с требованием компенсации за ущерб в связи с отклонением редакции его учебника. Процесс привлекал внимание общественности. Однако интересно, что по воспоминаниям одной из современниц этих событий, узнав из

СМИ о том, что Япония плохо поступила с соседними странами во время войны, она никак не могла связать эту информацию с собой [Хиракава, 2005, с. 6]. Это говорит о том, что за несколько послевоенных десятилетий, в условиях отсутствия официальных контактов с Китаем и политики правительства Японии, направленной на усиление патриотизма и забвение неприятных страниц истории, японское общество дистанцировалось не только от Китая, но и от проблем военного прошлого.

В 1990-е годы ситуация в японо-китайских отношениях изменилась. Это десятилетие стало периодом их бурного развития: не только роста торговли и инвестиций, но и расширения масштабов туризма, научного и культурного обмена. Основой для этого послужил очевидный успех китайских реформ: экономика КНР росла ускоренными темпами, превышавшими в 1992–1995 гг. 10 %. Стремительно увеличивалась численность среднего класса в развитых регионах Китая. Следствием этого стало повышение покупательной способности китайского населения и развитие выездного туризма. В целом, КНР начинала играть всё более заметную роль на мировой арене, укрепились позиции страны в мировой политике и экономике. В 1990-е Китай активно готовился к вступлению во Всемирную торговую организацию (которое состоялось в 2001 г.). В то же время, после краха экономики «мыльного пузыря» в конце 1980-х, Япония вступила в тяжёлый период экономической депрессии, подорвавшей позиции страны в мировой экономике и до сих пор сказывающейся на деловой активности и других экономических показателях.

Всё это имело двойственные последствия для японо-китайских отношений и восприятия Китая в японском обществе. С одной стороны, близость стран стала беспрецедентной со времён окончания Второй мировой войны, что породило взаимный интерес и желание двух народов понять друг друга. В Японии растёт популярность китайского языка и публикуется всё больше литературы о Китае. С другой стороны, рост влияния КНР и тесные контакты с этой страной вызывают в Японии насторожённость, которая ощущается достаточно сильно и складывается из разных составляющих.

В середине 1990-х годов появились первые признаки того, что Китай может превзойти Японию по валовому внутреннему продукту, и в 2010 г. это действительно произошло. Такой экономический прорыв оказался неожиданным для японского общества и был воспринят как угроза, поскольку означал, что Китай вытесняет Японию с позиций сильнейшей в Азии экономической державы и в японо-китайских отношениях происходит смещение центра силы в сторону Китая. В целом, большое беспокойство в Японии стал вызывать рост геополитического влияния КНР, вес этой страны в принятии решений международного масштаба, её ядерный потенциал и военные расходы. Постепенное сворачивание в 2000-е годы официальной помощи развитию (ОПР), которая предоставлялась Японией Китаю в довольно больших объёмах на протяжении почти 40 лет, было во многом связано именно с опасениями нецелевого расходования средств и роста военной мощи Китая².

Помимо геополитических факторов и вопросов глобальной конкуренции, предметом для беспокойства японского общества являются проблемы экологии, недостаточно высокое качество китайской продукции, разница менталитета с китайскими партнёрами по бизнесу, недовольство засильем китайских туристов и т.п.

² Проблема связи японской ОПР с компенсацией военного ущерба странам Азии, её мотивы, структура, динамика и другие вопросы довольно полно рассмотрены в публикациях Е.Б. Ковригина.

Таким образом, в настоящее время японо-китайские отношения имеют комплексный характер, для них характерны активные двухсторонние контакты на разных уровнях и большое количество проблем, требующих решения. По мере развития и усложнения отношений всё более остро стала ощущаться и проблема исторической памяти. Можно сказать, что эта проблема вписывается в набор противоречий, которые накопились в японо-китайских отношениях к настоящему времени, и не только дополняет, но и усиливает некоторые из них.

Особое место исторической памяти в японо-китайских отношениях на современном этапе можно объяснить, во-первых, тем, что с момента окончания войны прошло достаточно времени, многие вопросы переосмыслены и вновь привлекли к себе внимание, во-вторых, самим характером отношений двух стран: как уже отмечалось ранее, ввиду их тесных связей и экономической взаимозависимости любые разногласия могут крайне болезненно сказаться на показателях двустороннего сотрудничества.

Можно упомянуть ещё одну причину, повысившую значимость исторической памяти и сделавшую её проявления более заметными. Исторические проблемы зачастую становятся инструментом давления и манипуляции как в международных отношениях, так и во внутренней политике государств. Считается, что чувствительность китайского общества к вопросам военного прошлого повысилась в 1980-е годы вследствие либерализации и повышения уровня жизни населения. Вновь зародившийся средний класс получил возможность выражать свою точку зрения свободнее, чем при Мао Цзэду, а успехи экономического развития страны способствовали росту патриотизма. В этих условиях реакция китайцев на события мировой политики, касающиеся Китая, становилась более болезненной. Кроме того, с расширением свободы СМИ и появлением Интернета общественное мнение становилось всё более серьёзным предметом для беспокойства китайских властей, и антияпонская пропаганда превратилась в инструмент отвлечения внимания от внутренних проблем [Zakowski, 2012, p. 50].

Обстановка в регионе также складывалась таким образом, что правительству КНР был необходим новый образ внешнего врага для консолидации общества и повышения доверия к Коммунистической партии (КПК). В середине 1980-х годов на Тайване появилась оппозиционная Гоминьдану Демократическая прогрессивная партия (ДПП), выступающая за провозглашение Тайваня независимым государством, и Гоминьдан из врага превратился в потенциального союзника КПК в борьбе с внешней угрозой. Социальная нестабильность и демонстрации на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. поставили КПК перед острой необходимостью патриотического образования, центральное место в котором занял теперь негативный образ Японии. В 1980-е и 90-е годы в КНР корректируются учебники истории, появляются новые военные музеи, выходит целый ряд художественных фильмов, где в войне сопротивления японским захватчикам 1937–1945 гг. Китай представляется в качестве жертвы.

Не удивительно, что после 1980-х реакция КНР на многие проблемы, связанные с военным прошлым, стала более эмоциональной. Японское общество, в свою очередь, стало эмоциональнее реагировать на заявления китайских политиков, публикации китайских СМИ и в целом на антияпонские настроения китайского народа. В результате критика со стороны Китая в связи с историческими проблемами стала одним из ключевых факторов негативного имиджа КНР в Японии.

Именно в 1980-е годы в японо-китайских отношениях возникли первые дипломатические конфликты в связи с содержанием японских учебников истории. В это же время китайское правительство стало делать серьёзную дипломатическую проблему из посещения японскими

государственными лицами святилища Ясукуни – центра религии *синто*, где, как считается, покоятся души японцев, погибших в войне.

Проблема учебников истории периодически всплывает в японо-китайских отношениях и причиняет обеим сторонам серьёзное беспокойство. В 1982 г. КНР обвинила Японию в смягчении тональности при описании событий 1937–1945 гг., а именно, в замене слова *синряку* («агрессия» [Японии в Китае]) на *синсюцу* («наступление») по указанию Министерства образования. Впоследствии выяснилось, что такой поправки не делалось [Pyle, Kenneth B., 1983, p. 298–300], но проблема получила большой резонанс в СМИ и широко обсуждалась. Помимо конфликтной ситуации 1982 г., можно отметить ещё три кризиса [Fukuoka, 2011, p. 85–87], когда разногласия в связи с содержанием учебников возникали на международном уровне. В 1986 г. китайское правительство раскритиковало новый учебник истории, утверждённый Министерством образования, считая его необъективным и не учитывающим интересы соседей Японии. В 1990-е годы ситуация была относительно стабильной во многом благодаря тому, что, осознавая дипломатические издержки, Токио принял меры для её урегулирования³, однако в 2000-е годы возникло ещё два кризиса, которые сопровождались масштабными антияпонскими демонстрациями в Китае.

Ещё одна причина периодических нападок на Японию со стороны КНР – визиты политических лидеров страны в храм Ясукуни – впервые вызвали заметную реакцию в середине 1980-х годов, когда святилище на сороковую годовщину поражения Японии в войне посетил премьер-министр Я. Накасонэ. Действия японского премьера сопровождались резкой критикой китайского МИДа, а в 1990-е годы Китай выразил протест от имени всего народа [Молодякова, 2007, с. 64]. Проблема обострилась на рубеже веков, в годы правления премьер-министра Дз. Коидзуми. На протяжении достаточно долгого периода пребывания на своём посту (с 2001 по 2006 г.) Дз. Коидзуми посещал святилище Ясукуни ежегодно, каждый раз вызывая негативную реакцию азиатских соседей Японии.

Сделанное выше предположение о том, что повышение роли фактора исторической памяти в японо-китайских отношениях связано с внутренней ситуацией в Китае подтверждается также тем, что проблемы учебников истории и святилища Ясукуни возникли значительно раньше, чем стали предметом дипломатических конфликтов двух стран. Полемика насчёт содержания учебников истории практически не прекращалась в Японии на протяжении послевоенных десятилетий. После завершения оккупации в стране вновь возросло влияние консервативных сил, которые стремились достичь максимального контроля над системой образования (в том числе, над содержанием курса по истории), добиться романтизации военных событий, создать героический образ Японии и свести к минимуму описание фактов, представляющих страну в негативном свете. Государственному контролю в сфере образования противостояли прогрессивно настроенные исследователи и преподаватели, которые пытались добиться достоверного описания исторических фактов в учебниках и более широкого использования таких учебных пособий [Arai, 2010, p. 113–121]. Наиболее известным борцом за объективное отражение военных событий в учебниках считается японский

³ Уже после первого конфликта генеральный секретарь кабинета министров Японии Миядзава Киити сделал заявление, в котором выразил сожаление в связи со сложившейся ситуацией и пообещал, что Япония обратит должное внимание на критику. В том же 1982 г. Министерство образования приняло так называемый Пункт о ближайших соседях, где подчёркивалась необходимость международного взаимопонимания и согласия с соседними странами Азии при рассмотрении событий Новейшей истории.

профессор истории Иэнага Сабуро, упомянутый ранее. Таким образом, трансформация исторической памяти происходила в Японии под воздействием внутренних сил, а проецирование проблемы на Китай началось в результате реформ в КНР и расширения её контактов с Японией.

Проблема святилища Ясукуни имеет ещё более глубокие религиозные, культурные и исторические корни. Само святилище связано с «государственным синто» (*кокка синто*) – религией, которая была для правящих кругов Японии средством утверждения власти в период от реставрации Мэйдзи (1868) до окончания Второй мировой войны. Ассоциации с милитаристской идеологией и тоталитарным режимом военного времени по понятным причинам вызывают негативную реакцию у народов, пострадавших от японской агрессии, тем более что в нём покоятся души военных преступников, осуждённых Международным военным трибуналом. В то же время храм является частью исторической памяти японцев и имеет для них большое значение как место скорби и почитания соотечественников, пожертвовавших своей жизнью на благо родины [Молодякова, 2007, с. 59]. Сложность и «многоаспектность» проблемы святилища Ясукуни, по мнению Э.В. Молодяковой, открывает возможность для спекуляций и разыгрывания карты Ясукуни в мировой политике.

Оценка японским обществом ситуации с храмом Ясукуни как раз отражает многоаспектность проблемы. По данным проведённого в 2013 г. опроса газеты «Майнити», около 60 % японцев (в обеих опрошенных возрастных группах: от 20 до 30 лет и старше 30 лет) не против посещения храма премьер-министром Японии. В то же время большинство респондентов (56 % аудитории 20–30 лет и 84 % аудитории старше 30 лет) знают о том, что в святилище почитаются осуждённые МВТДВ военные преступники, и около половины респондентов (45 % в первой и 55 % во второй возрастной группе) ответили, что считают войну агрессивной по отношению к странам Азии. Очевидно, что люди смотрят на храм Ясукуни в первую очередь как на место скорби и памяти о войне. Важно при этом, что дипломатические проблемы, связанные с храмом Ясукуни, беспокоят японское общество. Так, 69,8 % японцев, опрошенных по данному вопросу в том же году агентством «Киодо Цусин», ответили, что необходимо уделять внимание дипломатическим отношениям⁴.

Восприятие японцами проблемы храма Ясукуни говорит о расхождении во взглядах на военные события внутри страны и за рубежом. Американский историк Джон Довер отмечает, что для многих японцев, находящихся в Японии, война сохранилась в памяти как трагическая «история потерь», в то время как для жителей стран Азии, англичан и американцев Япония, безусловно, является страной-агрессором [Кимура М.].

Под влиянием свойственной Японии закрытости, склонности отгораживаться от внешнего мира и под давлением консервативных сил развитие исторической памяти происходило в Японии по своей траектории. Именно из-за разного восприятия военных событий в Японии и Китае историческая память остаётся тяжёлым грузом в японо-китайских отношениях.

Об осознании актуальности проблемы исторической памяти двумя сторонами свидетельствует серьёзное совместное изучение Японией и Китаем общественного мнения на предмет взаимного восприятия и отношения народов друг к другу, начавшееся около 15 лет назад, где проблемам истории уделено особое внимание. В 2005 г. были опубликованы

⁴ Данные социологических опросов приводятся в статье независимого японского журналиста Кимура Масато, работавшего в лондонском представительстве газеты «Санкэй симбун».

результаты первого опроса общественного мнения, совместно проведённого японскими и китайскими организациями (со стороны Японии – некоммерческая организация Genron NPO, а со стороны Китая – издающая одноимённую газету компания China Daily и Пекинский университет). С тех пор исследование проводится ежегодно и большое внимание в нём уделяется любым незначительным колебаниям взаимного имиджа и восприятия. Изучается широкий круг вопросов – от мнения общества о безопасности в регионе до наличия друзей и знакомых в стране-соседе. Характерно, что во всех изданиях опроса подчёркивается важность проблемы исторической памяти, ей посвящён специальный раздел. Проблема исторической памяти также обращает на себя внимание в ответах респондентов на такие общие вопросы из других разделов, как «причина негативного отношения к Китаю / Японии» или «что больше всего, по вашему мнению, мешает развитию японо-китайских отношений».

На протяжении 15 лет набор «проблем исторической памяти, требующих решения», предлагаемый для оценки японской и китайской аудитории, остаётся неизменным: это отношение к войне и её наиболее болезненным эпизодам (нанкинская резня, женщины для утешения), осознание японцами своей вины и компенсация за ущерб, освещение военных событий в учебниках истории (как японских, так и китайских), высказывания политиков и публикации СМИ. Судя по распределению голосов, эти проблемы имеют разный вес в японском и китайском обществе, однако значительные группы людей и в Японии, и в Китае согласны, что они ещё не решены (табл. 1).

Таблица 1. Исторические проблемы японо-китайских отношений, требующие решения, % (2018 г.)*

Проблема	Доля респондентов (Япония)	Доля респондентов (Китай)
Отношение Японии к агрессивной войне	36,6	62,2
Проблема японских учебников истории	21,7	40,9
Репарации Японии, проблемы женщин для утешения, принуждения к труду и др.	32,0	44,3
Отношение Японии к нанкинской резне	20,6	52,2
Высказывания японских политиков о Китае	7,1	37,7
Публикации японских СМИ о Китае	14,2	29,4
Недостаточное признание японцами вины за агрессию	6,6	26,5
Антияпонское образование в Китае и содержание учебников	64,6	12,3
Отношение Китая к нанкинской резне	30,9	13,7
Высказывания китайских политиков о Японии	27,2	6,4
Публикации китайских СМИ о Японии	38,8	2,7
Другое	2,1	0,0
Не знаю	4,3	0,0
Без ответа	0,3	0,1

* Доля респондентов из целевой аудитории, отметивших важность проблемы.

Источник: Дай 14-кай ниттю кёдо ёрон тёса : [14-е совместное исследование общественного мнения в Японии и Китае]. Genron NPO, 2018. С. 24.

Японская аудитория обращает большое внимание на антияпонские настроения в целом, включая особенности китайской системы образования и содержание учебников, а также отношение Китая к нанкинской резне, высказывания китайских политиков и представителей СМИ. В то же время респонденты осознают необходимость работы над проблемой исторической памяти и со стороны Японии. Так, 36,6 % считают, что Япония должна пересмотреть отношение к агрессивной войне, а 20,6 % – что требуется пересмотр отношения к нанкинской резне. 21,7 % японских респондентов видят необходимость работы над содержанием японских учебников истории. 32,0 % считают нерешёнными проблемы репараций и компенсации пострадавшим. Более 60 % японских участников опроса считают исторические проблемы препятствием для развития японо-китайских отношений.

Говоря о том, что историческая память дополняет и усиливает другие проблемы, существующие в японо-китайских отношениях, необходимо ещё раз подчеркнуть, что она сказывается на экономическом сотрудничестве. Японские предприниматели воспринимают Китай как делового партнёра с учётом этого фактора. Так, в отчёте Ассоциации по исследованию управления рисками в Китае организации ДЖЕТРО антияпонские настроения и исторические проблемы отмечены как специфические риски. Отмечается также, что японские компании часто оказываются объектами «нападения» китайских СМИ [Тюоку рисуку..., с. 43].

Историческая память, безусловно, является фактором неопределённости и препятствием для расширения бизнеса японских предпринимателей в Китае. Она вселяет в них чувства неуверенности, нестабильности и разочарования. Так, после разрушительных демонстраций 2012 г. директор пострадавшего универмага Аеон (Циндао) Орита Фумиаки выразил сожаление и досаду, так как несмотря на то, что компания так много сделала для Китая, наняв 3800 китайских сотрудников, выделив за три года 15 млн иен китайским студентам и приложив все усилия для того, чтобы достичь взаимопонимания с местными жителями, ей ответили ненавистью [NHK, 18.09.2012].

В настоящее время в японских СМИ широко обсуждается закрытие универмага Такасима в Шанхае, финансовые проблемы которого начались с антияпонских демонстраций 2012 г. Универмаг был открыт через три месяца после национализации островов Сэнкаку, и из-за материального ущерба и бойкота японских товаров не смог достичь ожидаемых финансовых результатов [Record China, 26.06.2019]. Для японцев это означает, что фактор исторической памяти необходимо учитывать при долгосрочном планировании.

Антияпонские настроения в Китае беспокоят и японских туристов. Многие туристы побоялись ехать в Китай после начала демонстраций, а турфирмы отменили запланированные туры [Нихон кэйдзай симбун, 16.09.2012]. Простых японцев, в том числе туристов волнуют в первую очередь вопросы безопасности. Страх нестабильности, агрессивного отношения, непонимания часто перевешивает возникший в последние десятилетия интерес к Китаю.

Однако не все японцы испугались сложившейся ситуации. Интересен пример группы студентов Университета Мэйдзи, которые в 2012 г. поехали в запланированную учебную поездку в КНР несмотря на демонстрации. В своих отзывах после возвращения многие из них отмечают, что посещение Китая в это непростое время повысило их интерес к изучению истории, культуры и языка этой страны. На тех, кто ожидал холодного приёма, произвели впечатление радушие и гостеприимство. Одна из студенток обратила внимание на отличие реальной ситуации от того, что изображали японские СМИ. Вопреки сформированному в

Японии представлению, на месте люди оказались более доброжелательными и говорили, что любят Японию. По наблюдениям ещё одной участницы поездки, трактовки проблемы островов Сэнкаку на китайском и японском телевидении были совершенно разными [Впечатления студентов...].

Это подтверждает серьёзность влияния публикаций СМИ на формирование оценки страны и конкретных событий, важность критического отношения и самостоятельного изучения вопроса на месте, в процессе личного опыта. У молодых японцев появляется всё больше таких возможностей.

Хорошим знаком является то, что по данным исследования общественного мнения Кабинетом министров Японии, среди респондентов, испытывающих дружеские чувства к Китаю и считающих, что ситуация в японо-китайских отношениях благоприятна, больше молодёжи. В 2017 г. 31,5 % японцев в возрасте от 18 до 29 лет чувствовали дружескую близость с Китаем, а 19,7 % опрошенных из этой возрастной группы ответили, что отношения с Китаем, по их мнению, «хорошие» или «скорее хорошие».

Интересно отметить, что если оценка состояния отношений с Китаем колеблется в зависимости от возрастной группы, то чувство близости с Китаем с уменьшением возраста респондентов стабильно растёт (табл. 2). Для японцев старшего поколения Китай менее близок, за исключением группы старше 70 лет (то есть тех, кто родился в 1947 г. или раньше): эти люди в большей степени воспринимают Китай как близкую страну.

Таблица 2. Оценка японским обществом состояния отношений с Китаем в зависимости от возрастной группы (2017 г.)

Возраст	Отношения Японии с Китаем «хорошие» или «скорее хорошие», %	Есть чувство близости с Китаем, %
18–29 лет	19,7	31,5
30–39 лет	15,5	23,0
40–49 лет	13,7	20,1
50–59 лет	16,5	18,5
60–69 лет	13,4	12,7
Старше 70 лет	14,3	16,9
В среднем по всем группам	14,9	18,8
Среднее за предыдущий год	12,5	16,8

Источник: данные опросов Кабинета министров Японии.

Если посмотреть на среднее значение, то оба показателя улучшились по сравнению с предыдущим годом, и в имидже Китая и японо-китайских отношениях в целом заметна положительная динамика. Развивается сотрудничество Японии с КНР в сферах науки, культуры и образования, туризма, торговли и инвестиций. Всё это требует активных человеческих контактов. Характерно, что хотя у современного поколения сохраняется память о послевоенных проблемах в японо-китайских отношениях и обо всём, что формировало негативный имидж Китая в 1980-е и 1990-е годы, положительный имидж страны-соседа создаётся во многом благодаря социально-экономическим связям, культурному обмену и туризму. Так, согласно отчёту Genron NPO за 2018 г., положительное отношение к Китаю у японской аудитории формируется благодаря различным формам

японо-китайских связей, в том числе туристическим, интересу к китайской музыке, литературе и истории, удовлетворению экономическими успехами КНР и ростом уровня жизни китайского населения (который в некоторой степени приближает китайского потребителя к японскому). Интересно также, что для почти 20 % опрошенных положительный имидж Китая был связан с низкой ценой и привлекательностью его продукции [Дай 14-кай..., с. 4–5], отношение к которой раньше было резко негативным.

На современном этапе японо-китайские отношения стали, с одной стороны, сложными по сферам деятельности, которые они охватывают, и разнообразию их участников и субъектов, с другой стороны – прочными и во многом обусловленными экономическими интересами. Можно даже сказать, что активность социально-экономических контактов начала отодвигать на второй план некоторые политические проблемы.

Профессор китайского университета Цинхуа Лю Цзяньюн, исследующий влияние политических факторов на экономические отношения Японии и Китая, отмечает, что с 1990-х годов они перешли в новую стадию, когда экономические связи уже не находятся в такой сильной зависимости от политической обстановки, как прежде. Это привело даже к тому, что в начале XXI в., в крайне неблагоприятный для японо-китайских политических отношений период правления в Японии премьер-министра Дз. Коидзуми⁵ возникла никогда не наблюдавшаяся ранее ситуация «расцвета экономических отношений при холодности в политике» (кит. *чжэньлэн-цзинжэ*) [Лю, 2007, с. 48–86].

Тем не менее, по мере усложнения японо-китайских отношений возникают новые и напоминают о себе старые нерешённые проблемы, в том числе проблема исторической памяти. Предстоит ещё много работы для достижения взаимопонимания как на уровне политиков, так и на уровне японского и китайского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Агентство Рейтер. URL: <http://jp.reuters.com/article/JPauto/idJPTYE89401N20121005> (дата обращения: 01.12.2012).

Бенедикт Р. Хризантема и меч: модели японской культуры. М.-СПб., 2013.

Дай 14-кай ниттю кёдо ёрон тёса : [14-е совместное исследование общественного мнения в Японии и Китае]. URL: <http://www.genron-npo.net/world/archives/7053.html> (дата обращения: 28.04.2019). (На яп.).

Йомиури симбун. URL: <http://www.yomiuri.co.jp/atcars/news/20121006-OYT8T00273.htm> (дата обращения: 01.12.2012).

Кайгай дзэми гассюку 2012 санкася-но кансбун (кикоку рэпото ёри) : [Впечатления студентов от учебной поездки в Китай в 2012 г. по возвращении]. URL: <http://www.kisc.meiji.ac.jp/~asiashi/images/report005.pdf> (дата обращения: 08.08.2019). (На яп.).

Кимура М. Сюсё-но Ясукуни сампай. Асахи-но ёрон тёса-дэ мо 6 вари сансэй : [Посещение премьером храма Ясукуни. По данным опроса общественного мнения газетой «Асахи», 60 % поддерживают]. URL: <https://news.yahoo.co.jp/byline/kimuramasato/20131230-00031149/> (дата обращения: 13.08.2019). (На яп.).

⁵ В этот период негативную реакцию китайской стороны вызывало посещение японскими высшими должностными лицами святилища Ясукуни.

Ковригин Е.Б. Япония – АСЕАН: эволюция официальной помощи развитию // Пространственная экономика. 2014. № 2. С. 40–74.

Ковригин Е.Б. Япония – Китай: официальная помощь развитию как инструмент экономического взаимодействия // Пространственная экономика. 2012. № 3. С. 9–33.

Лю Цзяньюн. Чжунго юй Жибэнь. Бяньхуачжун-дэ «чжэнлэн-цзиньжэ» гуаньси : [Китай и Япония. Меняющиеся отношения «политической холодности – экономического бума»]. Пекин, 2007. (На кит.).

Майнити симбун. URL: <http://mainichi.jp/select/news/20121006k0000m020098000c.html> (дата обращения: 01.12.2012).

Молодякова Э.В. Многоаспектность проблемы святилища Ясукуни // Япония. Ежегодник. М., 2007.

Найкакуфу ёрон тёса : [Опрос общественного мнения Кабинетом министров]. URL: <https://survey.gov-online.go.jp/h25/h25-gaiko/zh/z10.html> (дата обращения: 14.04.2019). (На яп.).

Нихон кэйдзай симбун : [Японская экономическая газета]. URL: https://www.nikkei.com/article/DGXNASDG1503D_V10C12A9CC1000/ (дата обращения: 03.08.2019).

Сё Гёсэй. Рэкиси кёкасе мондай-о мэгуру ниттю канкэй : [Проблема учебников истории в японо-китайских отношениях] // Сока дайгаку дайгакуин киё. 2003, № 25. (На яп.).

Тюгоку рисуку манэдзимэнтё кэнкюкай. Хококусё : [Отчёт Ассоциации по исследованию управления рисками в Китае] // ДЖЕТРО. 2013. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/jfile/report/07001515/07001515.pdf (дата обращения: 07.08.2019). (На яп.).

Хиракава С. 40-дай нихондзин-но Тюгокукан-о сагуру : [Исследуя восприятие Китая японцами, родившимися в 40-е годы]. 2005. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/46867540.pdf> (дата обращения: 11.04.2019). (На яп.).

Arai S. History Textbooks in Twentieth Century Japan: A Chronological Overview // Journal of Educational Media, Memory & Society, Vol. 2, No. 2, Special Issue: Contextualizing School Textbook Revision (AUTUMN 2010). URL: <https://www.jstor.org/stable/43049355> (дата обращения: 05.08.2019).

Fukuoka K. School History Textbooks and Historical memories in Japan: A Study of Reception // International Journal of Politics, Culture, and Society. Vol. 24, No. 3/4 (September/December 2011). URL: <https://www.jstor.org/stable/41478430> (дата обращения: 01.08.2019).

NHK. URL: <http://www.nhk.or.jp/gendai/articles/3248/1.html> (дата обращения: 08.08.2019).

Nozaki Y. War Memory, Nationalism and Education in Postwar Japan, 1945–2007: The Japanese history textbook controversy and Ienaga Saburo's court challenges. Routledge, 2008.

Ogata S. Japanese Attitude toward China // Asian Survey, Vol. 5, No. 8 (Aug., 1965).

Postwar Japan and History / ed. by Andrew Gordon. University of California Press. London, 1993.

Pyle, Kenneth B. Japan Besieged: The Textbook Controversy // Journal of Japanese Studies, Vol. 9, No. 2 (1983). URL: <https://www.jstor.org/stable/132295> (дата обращения: 01.08.2019).

Record China. URL: <https://www.recordchina.co.jp/b724422-s0-c20-d0054.html> (дата обращения: 19.08.2019).

Searchina. URL: http://news.searchina.ne.jp/disp.cgi?y=2012&d=0912&f=business_0912_161.shtml (дата обращения: 01.12.2012).

Wilson S. Film and Soldier: Japanese War Movies in the 1950s // *Journal of Contemporary History*, Vol. 48, No. 3 (JULY 2013).

Zakowski K. Reaction to Popular Pressure or a Political Tool? Different Interpretations of China's Policy Regarding Koizumi's Visits to the Yasukuni Shrine // *Journal of Contemporary Eastern Asia*. 2012. Oct, 11(2).

REFERENCES

Benedict, R. (2013). *Khrizantema i mech: modeli yaponskoy kul'tury* [The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture], Moscow-St. Petersburg. (In Russian).

Dai 14-kai nitchu kyodo yoron chosa [The 14th Joint Japan-China Opinion Poll Survey]. URL: <http://www.genron-npo.net/world/archives/7053.html> (accessed: 28.04.2019). (In Japanese).

Fukuoka, K. (2011). School History Textbooks and Historical memories in Japan: A Study of Reception, *International Journal of Politics, Culture, and Society*, 24 (3/4). URL: <https://www.jstor.org/stable/41478430> (accessed: 01.08.2019).

Gordon, A. (ed.). (1993). *Postwar Japan and History*, London: University of California Press.

Hirakawa, S. (2005). 40-dai nihonjin-no Chugokukan-o saguru [Exploring the View on China among the Japanese Born in 1940s]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/46867540.pdf> (accessed: 11.04.2019). (In Japanese).

JETRO. (2013). *Chugoku risuku manejoimento kenkyukai. Hokukosho* [China Risk Management Research Association Report]. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/jfile/report/07001515/07001515.pdf (accessed: 07.08.2019). (In Japanese).

Kaigai zemi gasshuku 2012 sankasha-no kansobun (kikoku repoto yori) [Reflections of the Participants of the 2012 Overseas Seminar Camp after Returning Home]. URL: <http://www.kisc.meiji.ac.jp/~asiashi/images/report005.pdf> (accessed: 08.08.2019). (In Japanese).

Kimura, M. Shusho-no Yasukuni sanpai. Asahi-no yoron chosa-de mo 6 wari sansei [Prime-Minister's Visit to Yasukuni. 60 % Support in the Opinion Poll of Asahi]. URL: <https://news.yahoo.co.jp/byline/kimuramasato/20131230-00031149/> (accessed: 13.08.2019). (In Japanese).

Kovrigin, E.B. (2012). Yaponiya – Kitay: ofitsial'naya pomoshch' razvitiyu kak instrument ekonomicheskogo vzaimodeystviya (Japan – China: Official Development Assistance as an Instrument of Economic Interaction), *Prostranstvennaya ekonomika*, 3. (In Russian).

Kovrigin, E.B. (2014). Yaponiya – ASEAN: evolyutsiya ofitsial'noy pomoshchi razvitiyu (Japan – ASEAN: Evolution of the Official Development Assistance), *Prostranstvennaya ekonomika*, 2. (In Russian).

Liu Jiangyong (2007). *Zhongguo yu Riben. Bianhua zhong de "zhengleng jingre" guanxi* [China and Japan. The Changing Relations of "Cold Politics and Hot Economy"], Beijing. (In Chinese).

Mainichi Shimbun. URL: <http://mainichi.jp/select/news/20121006k0000m020098000c.html> (accessed: 01.12.2012). (In Japanese).

Molodyakova, E.V. (2007). Mnogoaspektnost' problemy svyatilishcha Yasukuni [Multiple Aspects of the Yasukuni Shrine Issue], *Ezhegodnik Yaponiya* [Yearbook Japan], Moscow. (In Russian).

Naikakufu yoron chosa [Public Opinion Survey of the Cabinet Office]. URL: <https://survey.gov-online.go.jp/h25/h25-gaiko/zh/z10.html> (accessed: 14.04.2019). (In Japanese).

NHK Broadcasting Corporation. URL: <http://www.nhk.or.jp/gendai/articles/3248/1.html> (accessed: 08.08.2019). (In Japanese).

Nihon Keizai Shimbun [Japan Economics Newspaper]. URL: https://www.nikkei.com/article/DGXNASDG1503D_V10C12A9CC1000/ (accessed: 03.08.2019). (In Japanese).

Nozaki, Y. (2008). War Memory, Nationalism and Education in Postwar Japan, 1945–2007: The Japanese history textbook controversy and Ienaga Saburo's court challenges. Routledge.

Ogata, S. (1965). Japanese Attitude toward China, *Asian Survey*, 5 (8).

Pyle, Kenneth B. (1983). Japan Besieged: The Textbook Controversy, *Journal of Japanese Studies*, 9 (2). URL: <https://www.jstor.org/stable/132295> (accessed: 01.08.2019).

Record China. URL: <https://www.recordchina.co.jp/b724422-s0-c20-d0054.html> (accessed: 19.08.2019). (In Japanese).

Reuters. URL: <http://jp.reuters.com/article/JPauto/idJPTYE89401N20121005> (accessed: 01.12.2012). (In Japanese).

Searchina. URL: http://news.searchina.ne.jp/disp.cgi?y=2012&d=0912&f=business_0912_161.shtml (accessed: 01.12.2012). (In Japanese).

Sho, Gyosei. (2003). Rekishi kyokasho mondai-o meguru nitchu kankei [Sino-Japanese Relations and the Problem of History Textbooks], *The bulletin of the Graduate School of the Soka University*, 25. (In Japanese).

Wilson, S. (2013). Film and Soldier: Japanese War Movies in the 1950s, *Journal of Contemporary History*, 48 (3).

Yomiuri Shimbun. URL: <http://www.yomiuri.co.jp/atcars/news/20121006-OYT8T00273.htm> (accessed: 01.12.2012). (In Japanese).

Zakowski, K. (2012). Reaction to Popular Pressure or a Political Tool? Different Interpretations of China's Policy Regarding Koizumi's Visits to the Yasukuni Shrine, *Journal of Contemporary Eastern Asia*, 11(2).

Поступила в редакцию 26.08.2019

Received 26 August 2019

Для цитирования: Кульнева П.В. Место исторической памяти в восприятии Китая японским обществом // Японские исследования. 2019. № 4. С. 103–119. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10031

For citation: Kulneva P.V. (2019). Mesto istoricheskoy pamyati v vospriyatii Kitaya yaponskim obshchestvom [The place of historical memory in perception of China by Japanese society], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 4: 103–119. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10031

Японские исследования. 2019. № 4. С. 120–150.

Japanese Studies in Russia, 2019, 4, pp. 120–150.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10032

Насильственное установление японского протектората над Кореей и усилия российской дипломатии по восстановлению суверенитета Кореи*

Б.Б. Пак

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению позиции российского дипломатического ведомства во главе с В.Н. Ламздорфом в вопросе о независимости Кореи после подписания договора о протекторате. Работа основана на широком круге источников, главным образом архивных дипломатических документов, большая часть которых впервые вводится в научный оборот.

Автором показано, что вплоть до смены курса российского правительства с приходом А.П. Извольского на пост министра иностранных дел в мае 1906 г. Россия, вынужденная признать преимущественные политические, военные и экономические интересы Японии в Корее, неизменно придерживалась принципа независимости и территориальной целостности Кореи, сохраняла приверженность и курсу на непризнание соглашений, навязанных Японией Корее силой и нарушающих верховные права корейского императора, и пыталась сохранить хотя бы ограниченный его суверенитет, используя дипломатические средства.

В статье впервые детально раскрываются усилия МИД России свести к нулю условия договора о протекторате и восстановить статус независимого корейского государства, усилить своё присутствие в Корее в условиях наращивания численности японских войск на севере полуострова, граничащего с российским Приморьем.

Подробно описаны попытки российской дипломатии противостоять притязаниям японского правительства на установление полного контроля над внутренней и внешней политикой Кореи, воплощению соглашения Кацура–Тафт в части расторжения дипломатических отношений Кореи со всеми другими государствами.

В частности автором статьи обращено внимание на сообщение МИД иностранным державам о протесте корейского императора против навязанного Корее договора о протекторате с целью побудить их вмешаться и выразить протест против действий Японии. Проанализированы попытки российских дипломатов поднять принципиальный вопрос о совместимости притязаний японцев на установление полного контроля над внутренней и внешней политикой Кореи с договорными правами Держав, сохранить форму иностранного представительства в Корее и возобновить деятельность российской миссии в Сеуле, ссылаясь на русско-корейские договоры.

Уточнена и дополнена официальная позиция России в вопросе об упразднении русско-корейских договоров по настоянию японского правительства; о понижении ранга дипломатического представительства в Сеуле; о том, какой властью должен быть выдаваем экзекватур иностранным консулов в Сеуле и отмены консульской юрисдикции – вопросе, который считался краеугольным

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (грант № 19-18-00017 «Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами Восточной Азии и России. Уроки для России»).

камнем отношений с Японией. В деталях восстановлен ход переговоров российской и японской сторон, аргументы России в пользу права выдачи экзекватура русскому генеральному консулу в Сеуле от корейского императора, а не от японского, на чём настаивало правительство Японии. Впервые отмечен факт попыток МИД и его представителей за границей привлечь внимание западных держав к тому, что требования Японии о выдаче экзекватура генеральному консулу в Корее незаконно и противоречит установленной в международных отношениях практике, и что Корея как суверенное государство имеет право непосредственных сношений с другими государствами, а иностранные консулы должны получать экзекватуры от территориального сюзерена. МИД также выступил с инициативой вынести корейский вопрос на международное обсуждение с целью добиться непризнания державами японского протектората и осуждения действий Японии в международном суде. Однако инициатива России не была поддержана.

С приходом на пост министра иностранных дел А.П. Извольского, сторонника прагматичного курса на послевоенное урегулирование с Японией, в дальневосточной политике России одержала верх линия на сближение с Японией. Это оказало непосредственное влияние и на политику русского правительства в отношении Кореи.

Ключевые слова: В.Н. Ламздорф, Г.А. Плансон, А.И. Павлов, корейский император, нейтралитет, Портсмутский договор, договор о протекторате, суверенитет, Россия, Корея, Япония.

Автор: Пак Бэлла Борисовна, доктор исторических наук, руководитель Кабинета (Лаборатории) истории и культуры Кореи, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. ORCID: 0000-0003-0400-4917. E-mail: pakbell7@gmail.com

Forcing Japanese protectorate over Korea and Russian diplomacy efforts to restore Korean sovereignty^{*}

B.B. Pak

Abstract. This article is devoted to the study of the position of the Russian Foreign Ministry led by V.N. Lamsdorf on Korea's independence after signing the Treaty of Protectorate. The work is based on a wide range of sources, mainly archival diplomatic documents, most of which are introduced into the scientific circulation for the first time.

The author shows that, up to the change in the policy of the Russian government, which occurred after the appointment of A.P. Izvolsky in May 1906, Russia, compelled to recognize Japan's predominant political, military, and economic interests in Korea, invariably adhered to the principle of independence and territorial integrity of Korea, remained committed to the non-recognition of the agreements imposed by Japan on Korea by force, which violated the supreme rights of the Korean emperor, and tried to maintain at least limited sovereignty of Korea by diplomatic means.

For the first time, the article reveals in detail the efforts of the Russian Ministry of Foreign Affairs to nullify the terms of the protectorate agreement and restore the status of the independent Korean state, to strengthen Russia's presence in Korea as the number of Japanese troops in the north of the Peninsula, bordering the Russian Maritime province, was increasing.

It describes in detail the attempts of Russian diplomacy to resist the claims of the Japanese government to establish complete control over the domestic and foreign policies of Korea, the implementation of the Katsura-Taft agreement regarding the termination of Korean diplomatic relations with all other states.

^{*} This work was supported by Russian Science Foundation (Grant No. 19-18-00017 "Problems of the historical past in Japan's relations with the countries of East Asia and Russia. Lessons for Russia").

In particular, the author of the article draws attention to the Foreign Ministry's message to foreign powers about the protest of the Korean emperor against the Treaty of Protectorate imposed on Korea, in order to encourage them to intervene and protest against the actions of Japan. The article analyzes the attempts of Russian diplomats to raise the fundamental question of the compatibility of the Japanese claims to establish complete control over Korea's domestic and foreign policy with the treaty rights of the Powers, to preserve the form of foreign representation in Korea and to resume the activities of the Russian mission in Seoul, citing Russian-Korean treaties.

The article clarifies and supplements the official position of Russia on the abolition of the Russo-Korean treaties at the insistence of the Japanese government; on the demotion of the diplomatic mission in Seoul; on what kind of authority should issue the exequatur to foreign consuls in Seoul; and on the abolition of consular jurisdiction – the issue that was considered the cornerstone of relations with Japan. The details of the negotiations between the Russian and Japanese sides, the arguments of Russia in favor of the right of the Russian Consul General in Seoul to receive an exequatur not from the Japanese, but from the Korean emperor (the Japanese government insisted on the former) have been restored. For the first time, the fact that the Ministry of Foreign Affairs and its representatives abroad tried to draw the attention of Western powers to the fact that Japan's demand for an exequatur to the Consul General in Korea was illegal and contrary to the established practice of international relations, and that Korea as a sovereign state had the right to maintain direct relations with other states, and foreign consuls had to receive exequatur from the territorial sovereign. The Foreign Ministry also proposed the initiative to raise the Korean issue for international discussion in order to achieve non-recognition by the powers of the Japanese protectorate and to condemn the actions of Japan in an international court. However, the initiative of Russia was not supported.

With the appointment of A.P. Izvolsky, a supporter of a pragmatic course regarding the postwar settlement with Japan, as the Minister of Foreign Affairs, the line towards rapprochement with Japan prevailed in the Far Eastern policy of Russia. This had direct impact on the policy of the Russian government regarding Korea.

Keywords: V.N. Lamsdorf, G.A. Planson, A.I. Pavlov, Korean emperor, neutrality, Portsmouth Treaty, protectorate treaty, sovereignty, Russia, Korea, Japan.

Author: *Pak Bella B.*, Doctor of Sciences (History of international relations and foreign policy), Chief of the Cabinet (Laboratory) on Korean History and Culture, Leading researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-0400-4917. E-mail: pakbell7@gmail.com

После победы Японии в войне с Россией и заключения Портсмутского мирного договора на Дальнем Востоке возросла роль США и Японии, превратившейся из второстепенного азиатского государства в могущественную державу, связанную с Англией союзным договором, направленным против России и заключённым с целью противодействовать её влиянию в Азии. Война ослабила престиж и позиции России, которой предстояли нелёгкие задачи: соединение своих дальневосточных окраин с остальной территорией железнодорожным сообщением, заселение края и поднятие его экономики, укрепление своего положения на Дальнем Востоке. Это требовало продолжительного периода и установления мирных и дружественных отношений с Японией, подготовки к заключению с Японией нового торгового договора взамен договора о торговле и мореплавании 27 мая 1895 г., действие которого по настоянию японских уполномоченных на конференции в Портсмуте было признано «совершенно прекращённым», и сближения с Великобританией.

В этих условиях российские представители в странах Дальнего Востока, в особенности в Японии и Корее, должны были прилагать все старания к нейтрализации антирусской направленности англо-японского союза установлением с Японией самых дружеских и

добрососедских отношений, не провоцируя японское правительство поддержкой антияпонских настроений корейского двора и попыток корейского императора заручиться поддержкой России для противодействия утверждению господства Японии в Корее [Conroy, 1960, p. 333]. Тем не менее, позиция российского дипломатического ведомства во главе с В.Н. Ламздорфом в вопросе о независимости Кореи оставалась неизменной. Вплоть до смены курса российского правительства с приходом А.П. Извольского на пост министра иностранных дел в мае 1906 г. Россия, вынужденная признать преимущественные политические, военные и экономические интересы Японии в Корее, пыталась сохранить хотя бы ограниченный суверенитет Кореи, используя дипломатические средства.

Настоящая статья имеет своей целью дать основанное на неизвестных ранее архивных материалах освещение позиции российского дипломатического ведомства во главе с В.Н. Ламздорфом в вопросе о независимости Кореи после подписания договора о протекторате, анализ попыток российской дипломатии противостоять притязаниям японского правительства на установление полного контроля над внутренней и внешней политикой Кореи, воплощению соглашения Кацура–Тафт в части расторжения дипломатических сношений Кореи со всеми другими государствами.

Исходной точкой нового периода дипломатических отношений с Японией в корейском вопросе, которому отводилось в них важное место, должен был служить Портсмутский договор. В инструкции первому после войны Чрезвычайному Посланнику и Полномочному Министру в Японии Ю.П. Бахметеву, высочайше утверждённой в Петергофе 11 октября 1905 г., министр иностранных дел В.Н. Ламздорф, говоря о Корее, где ещё не было российского представителя, особо подчёркивал приверженность принципу независимости и курсу на непризнание соглашений, навязанных Японией Корее силой и нарушающих верховные права Корейского императора. Он призывал в отношении Кореи руководствоваться следующими основными соображениями.

«С момента открытия военных действий все соглашения наши с Японией по корейским делам сами собою прекратились. Они заменены 2-ой статьёй Портсмутского договора, заключающую в себе признание полного преобладания политических, военных и экономических интересов Японии в Корее и обязательство России не препятствовать принятию там японцами всяких мер руководства, покровительства и контроля, какие японское Правительство признает необходимым.

Как из самого текста этой статьи, так и из смысла приведших к ней переговоров ясно, что японцам фактически предоставлено в Корее полное господство. Логическим выводом из этого положения является для нас необходимость согласовывать деятельность нашего Посланника в Корее с Вашим образом действий для достижения в этом отношении полного единения.

<...> Признавая таким образом фактическое господство японцев в Корее, Императорское Правительство, тем не менее, с формальной стороны всегда придерживалось принципа независимости Кореи, признанной и другими Державами, и суверенитета её Императора. Доказательством неизменности такого взгляда служат заявления наши, сделанные во время войны, о том, что Императорское Правительство не признает соглашений, навязанных Японией Корейскому Императору под угрозой воздействия на него силою, протесты против распоряжений японцев, нарушающих верховные права

Корейского императора, а равно и тот факт, что в Петербурге до настоящего времени пребывает и признается таковым Корейский Посланник» [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 72, л. 43].

Патриотические силы Кореи во главе с корейским императором не теряли надежды на помощь России и западных держав, значительные экономические интересы которых в Корею нарушало установление японского протектората. С этой целью ими предпринимается целый ряд попыток привлечения внимания мировых держав к злодеяниям, творимым на Корейском полуострове Японией, при помощи обращений к державам о содействии в деле спасения независимости страны от японских посягательств. Одно из средств избавления от установления полного господства Японии в Корею они видели в скорейшем возобновлении деятельности русской миссии в Сеуле. 14 сентября 1905 г. Ли Бомджин передал В.Н. Ламздорфу телеграмму императора Коджона Николаю II о том, что подписание мирного договора между Российской империей и Японией повергает его в «глубокое отчаяние», и в которой он обращался к царю с ходатайством ускорить отправление в Сеул посланника России [РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 250, л. 1 и об., 2].

В ответном обращении к Ли Бомджину В.Н. Ламздорф уверил его в том, что российский император неизменно относится с большим вниманием к соседней Корейской империи и прилагает неослабевающие усилия к «сохранению территориальной целостности Кореи» [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 71, л. 15].

17 сентября, также по поручению Коджона, из Шанхая выехал на французском почтовом пароходе в Марсель один из ревностных приверженцев императора Ли Ион Ик, откуда отправился в Петербург в надежде быть принятым В.Н. Ламздорфом и удостоиться высочайшей аудиенции. На том же пароходе с секретным поручением от корейского императора выехала в Европу Антуаннетта Зонтаг. Главной целью поездки было попытаться расположить в пользу Кореи общественное мнение в Европе и стараться добиться признания её независимости [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 24].

В октябре 1905 г. Ли Бомджин по поручению Коджона вновь обратился к Ламздорфу с просьбой, чтобы Россия выступила с инициативой по выработке шагов к провозглашению совместной гарантии державами независимости Кореи, таким же образом, как в 1815 г. договорами, подписанными в Вене и Лондоне, державы выступили гарантами постоянного нейтралитета Швейцарии, Бельгии и Люксембурга, а в 1832 г. Россия, Франция и Англия заявили о гарантии независимости Греции [РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 250, л. 1 и об., 2].

В октябре 1905 г. российскому МИД стало известно о планах Коджона обратиться за помощью к Международному суду в Гааге, направив специального делегата на вторую Гаагскую мирную конференцию в июне 1907 г. 16(29) октября 1905 г. доверенное лицо Коджона, бывший учитель французского языка в Сеульской Правительственной школе новых языков Эмиль Мартель, командированный в Китай корейским министром иностранных дел Пак Чесуном, посетил российского посланника в Пекине Д.Д. Покотилова, чтобы сообщить о том, что «Корейский Император, крайне озабоченный ограждением своих суверенных прав, желает добиться участия Кореи на предстоящей мирной конференции в Гааге и поручил Мартелю узнать, каким путём Корейское Правительство могло бы заявить о таковом своём желании» [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 31].

В ответной телеграмме Покотилову министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа, разрешавшей объясниться с доверенным Коджона Мартелем в положительном смысле,

подтверждалась неизменность отношения России к Корее как независимому государству: «Вполне признавая неприкосновенность суверенных прав Кореи, Императорское Правительство уже пригласило последнюю на Новую Гаагскую Конференцию, имея при этом в виду проявить означенный взгляд в области международных сношений. Приглашение это было сообщено нотой 26 сентября пребывающему в С.Петербурге Корейскому Посланнику, которого мы не переставали считать законным представителем Корейского Императора» [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 32].

В начале октября 1905 г. Министерство иностранных дел России предписало посланцам в Париже, Берлине и Вашингтоне узнать отношение правительств Франции, Германии и США¹ к вопросу о международном положении Корейской империи и установить, намереваются ли они сохранить в прежнем ранге свои дипломатические представительства в Сеуле. При этом специально разъяснялось, что соглашаясь признать интересы Японии в Корее, русское правительство не желало нарушить принцип независимости Кореи, являющийся исходным в политике России на Дальнем Востоке [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 72, л. 7–8]. Правительства США, Франции и Германии ответили, что намерены сохранить свои представительства в Корее в прежнем виде. Но в дальнейшем они изменили свою позицию.

Надежды Коджона на вмешательство держав, с которыми Корея ранее заключила договоры о дружбе и торговле, в дело восстановления дипломатических прав Кореи, оказались тщетны. Великобритания признала свободу рук Японии в Корее в англо-японском договоре 1905 г. В конце сентября 1905 г. японский посланник в Лондоне виконт Хаяси Гонскэ, передал главе Форин офиса Лансдауну, что японское правительство, под предлогом, что корейское правительство нарушало японо-корейское соглашение 22 августа 1904 г., заключая «неразумные договоры и входя в другие отношения с иностранными державами» «даже пока война была в самом разгаре», настаивало на том, что Япония вынуждена предпринять радикальные шаги, чтобы искоренить это зло в будущем, и японскому правительству не остаётся «другого выбора, как принять на себя заведывание внешними сношениями корейского правительства» и «вскоре принять к тому необходимые меры». Ссылаясь на положения нового союзного англо-японского договора, японское правительство выражало уверенность, «что оно получит полную поддержку». Лансдаун заверил Хаяси, что это правительство Великобритании полностью поддерживает развитие японского влияния в Корее и что «японское правительство не встретит никаких затруднений в осуществлении своей политики» со стороны британского правительства [British documents..., 1926, p. 112–113].

Американское правительство ещё в конце июля 1905 г. меморандумом Тафт–Кацура признало свободу действий Японии в Корее. Президент США Теодор Рузвельт, будучи убеждён, что «Япония должна завладеть» Кореей «в противовес расширению России», и считая политические, военные и экономические интересы Японии в Корее самыми большими, не принял во внимание послание императора Коджона, привезённое ему американским миссионером, редактором журнала *Korea repository* (1895) и *Korea review* (1901–1904) Гомером Б. Хальбертом (Homer Bezaleel Hulbert), в котором говорилось о незаконности японо-корейского договора и содержалась просьба о заступничестве США в

¹ Позиция Англии в этом вопросе была известна из опубликованного к тому времени англо-японского договора, который был подписан 12 августа 1905 г. и по которому правительство Великобритании предоставляло Японии свободу действий в Корее.

силу статьи об оказании добрых услуг американо-корейского договора 17 мая 1882 г. [Добрынин, 1947, с. 346]. Получив признание своего господства над Кореей и международные юридические гарантии невмешательства иностранных держав в трактатах с США, Англией и в заключённом Россией поневоле Портсмутском мирном договоре, и убрав таким образом главную внешнеполитическую преграду для уничтожения независимости и территориальной целостности Корейского государства, Япония немедленно приступила к окончательному завоеванию Кореи. Своей главной задачей поначалу японцы считали разрыв дипломатических отношений Кореи с другими иностранными государствами – иными словами, исполнение соглашения Кацура–Тафт.

После вступления в силу Портсмутского договора Ито Хиробуми был направлен в Корею и заставил корейское правительство подписать договор о протекторате (Конвенция 17 ноября 1905 г.). В это время в Сеуле уже находилась японская кавалерия, подразделение 17 ноября проект договора был подписан. Согласно договору создавался пост японского генерального резидента. Корея утрачивала право на ведение самостоятельной внешней политики. О том, что на переговорах японцы 17(4) ноября при попытке заставить корейского императора дать согласие на протекторат прибегли к вопиющим нарушениям – грубому принуждению и угрозам применения силы, конфискации официальной печати министра иностранных дел, самовольно приложив печать к тексту договора без согласия Корейского императора, МИД России сообщало своим представителям за границей 27(14) ноября 1905 г.:

«Корейский император при посредстве своего представителя в Санкт-Петербурге сообщает о возмутительном насилии, совершенном над ним японцами в целях добычи протектората над Кореей. Японский посланник в Сеуле Хаяси, генерал Хасэгава и маркиз Ито [Хиробуми] проникли ночью с военной силой во дворец императора и потребовали от него подписания документа о протекторате.

Когда Император отказал им в этом, то названные лица ворвались в частное помещение монарха, захватили печать Императорскую и Министерства Иностранных Дел для приложения к составленному им акту, который Токийское правительство выдаёт за состоявшийся между Кореей и Японией соглашение о протекторате.

Император корейский продолжает отказывать в своей подписи и энергически протестует против произведённого Японией насилия и попрания основных законов международного права, обеспечивающих независимость Корейского Государства. Благоволите осведомиться у Правительства при коем Вы аккредитованы, было ли ими получено подобное сообщение и как оно полагает отнестись к протесту Корейского Императора» [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 46].

Таким образом, с 1 февраля 1906 г. Япония стала полновластной «хозяйкой» в Корее.

После заключения Конвенции 1905 г. Коджон обратился к лидерам стран, с которыми Корея ранее заключила договоры о дружбе или торговле. Как минимум пять раз в течение следующих нескольких лет Коджон обращался за помощью в восстановлении дипломатических прав Кореи [Yi Taejin, 2008, p. 37–38]. Однако его усилия потерпели неудачу из-за отсутствия сотрудничества со стороны Великобритании и США.

Российское правительство не признало договора о протекторате Японии над Кореей, навязанного корейскому правительству в ночь с 4(17) на 5(18) ноября 1905 г., в соответствии с которым Корея передавала в ведение генерал-резидента руководство внешней политикой страны [Choson kwangae choyak jip, 1948, p. 30; Korea. Treaties and Agreements, 1921, p. 55–56].

Получив 11(24) ноября 1905 г. сообщение по телеграфу о состоявшемся соглашении между Японией и Кореей, оно запросило через своих послов правительства США, Германии и Франции об их отношении к новому внешнеполитическому статусу Корейской империи и предполагают ли они «сохранить в Сеуле как это ими первоначально было решено, своего дипломатического представителя в прежнем ранге» [Пак, 2004, с. 381; Шулатов, с. 81–82; АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 73, л. 41].

Однако иностранные правительства, не желая осложнений с Японией, отказались от дипломатического представительства в Сеуле. 12(25) ноября Р.Р. Розен сообщал из Вашингтона об упразднении американской миссии в Корее [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 38]. Э. Рут при объяснениях с Розеном по этому поводу заявил, что американское правительство, «приравнивая положение Кореи к положению например Баварии», продолжает признавать суверенитет Кореи, но, ввиду состоявшегося между этим государством и Японией соглашения, отныне намерено вести дипломатические отношения с Кореей через японского посланника в Вашингтоне и через американского посланника и Министерство иностранных дел Японии в Токио, но что консулы останутся на своих постах и по-прежнему будут получать экзекватуры² от корейского правительства. Германское правительство заявило, что не оставит в Сеуле своего представителя в прежнем ранге: после отпуска посланник туда не возвратится, а будет заменён генеральным консулом. Министр иностранных дел Франции М. Рувье высказался в том смысле, что Портсмутский мирный договор, давая Японии право руководить деятельностью корейского правительства, тем самым как бы предполагает переход в руки японцев и международного представительства Кореи [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 73, л. 54, 55, 58, 60], позже он объяснил, что после того как англичане и американцы уже отозвали свои миссии, ему навряд ли можно будет поступить по-другому, так как французская миссия остаётся почти единственной в Корее [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 56].

13(26) ноября 1905 г., узнав от корейского посланника в Петербурге Ли Бомджина, о протесте корейского императора против навязанного Корее договора о протекторате, МИД России предписал довести об этом до сведения иностранных держав. Однако державы, опасаясь осложнений, уклонились от вмешательства и выражения протеста против действий Японии.

Британский министр иностранных дел Лансдаун на вопрос А.К. Бенкендорфа, получил ли лондонский кабинет протест императора Кореи против насилия, к которому прибегли японцы в Сеуле, чтобы поставить государственную печать на соглашение между Кореей и Японией, и его отказ от подписи на нём и как он расценивает его, предсказуемо ответил, что протеста не получил, но что положения этого соглашения представляются ему не противоречащими мирному договору между Россией и Японией [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 50].

Н.Д. Остен-Сакен сообщал из Берлина 16(29) ноября, что протест корейского императора против насильственного объявления Японией своего протектората над Кореей, сообщённый Берлинскому кабинету, управляющий германского МИД «оставит без последствий» [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 51].

² Экзекватура — (от лат. *exsequare* «выяснять, устанавливать») — официальный документ, удостоверяющий признание правительством принимающего государства иностранного консула.

М. Рувье после разговора с А.И. Нелидовым поставил вопрос перед японским посланником во Париже. Мотоно Итиро сообщил, что до него дошли обвинения японских властей в Корее о «насилии против Императора», но Мотоно заявил, что всё это «чистейший вымысел» и что соглашение с корейским правительством было заключено по правилам. Рувье относительно насилия японцев в отношении корейского императора признал затем в беседе с Нелидовым, что «трудно в точности узнать, что произошло и во всяком случае нет средств препятствовать японцам, имеющим в своих руках силу и заручившимся нашим признанием их преобладания в Корее, использовать это положение, даже с применением тех диких мер, в которых их обвиняют преданные своему Государю корейцы» [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 56].

Госсекретарь Э. Рут, которого посетил корейский посланник в Париже Мин, специально прибывший в Вашингтон, чтобы изложить историю заключения японо-корейского соглашения и просить помочь Корее отделаться от этого насильно ей навязанного соглашения, отвечал уклончиво, ссылаясь на неимение ещё сведений «из собственных источников об обстоятельствах, сопровождавших заключение Корейско-Японского соглашения», что «не позволяет ему высказать никакого мнения по этому предмету». Позже, сообщая Розену о своем разговоре с Мином, Рут заключил: «В самом деле, и какую же помощь мы могли бы оказать Корее, ведь очевидно, что минувшая война велась в сущности из-за того, кому должен принадлежать протекторат над Кореей, исходом войны этот вопрос решён в пользу Японии» [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 74, л. 10].

Поспешность, с которой Японией был произведён переворот в Сеуле, иностранные представители объясняли опасением Японии, что Россия поспешит прислать в Сеул своего дипломатического представителя [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 6].

В условиях, когда иностранные державы отзывали своих посланников из Сеула, МИД России попыталось возобновить деятельность там своей миссии, опираясь на русско-корейские договоры. В этом проявилось как стремление Петербурга свести к нулю положения договора о протекторате и восстановить независимый статус Корейского государства, так и усилить своё присутствие в Корее в условиях наращивания численности на севере полуострова, граничащего с российским Приморьем, японских войск после подписания договора о протекторате [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 139–140]. Российское правительство не могло закрывать глаза на тревожные сообщения своих представителей [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 909, л. 48] и агентов в Японии о «ненормальной усиленной деятельности» по развитию войск и флота, развивающихся в «широких и ничем не оправдываемых размерах», ближайшим объектом которых могли вновь стать Россия или Китай, при «тщательно поддерживаемом патриотическом восторге» населения [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 909, л. 111; АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 909, л. 113–26]. Сразу после получения известия о состоявшемся японо-корейском соглашении, в силу которого Япония брала на себя руководство внешней политикой Кореи, глава МИД России дал распоряжение посланнику в Пекине Покотилову постараться выяснить в беседе с главой японского МИД Комурой Дзютаро взгляды Японии относительно иностранного представительства в Корее [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 73, л. 41]. В беседе с Покотиловым Комура без всяких оговорок подтвердил, что Япония взяла на себя руководство внешними делами Кореи. По его словам, Япония не собиралась требовать

отозвания иностранными правительствами своих представителей в Сеуле, но рассчитывала, что это произойдёт «по почину самих Правительств, так как дипломатические представители явятся в Корею лишними» [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 73, л. 71]. Узнав о намерении японцев не настаивать на отзывании иностранных дипломатических представителей из Кореи, в Петербурге решили назначить в Сеул русского представителя в звании «дипломатического агента и Генерального Консула» [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 73, л. 41].

В своём решении российское дипломатическое ведомство опиралось на право России иметь в Корею дипломатических и консульских представителей, основанном на статье 2-й договора с Кореей от 25 июля 1884 г. Руководство МИД считало эту статью остающейся в силе, так как ни на Портсмутской конференции, ни позже Япония не возбуждала вопроса об отмене договоров России с Кореей и даже не упоминала об изменении там формы русского представительства, добиваясь на Портсмутской конференции «уничтожения там политических прав России, приобретённых соглашениями 1896 и 1897 гг., т.е. прав содержать там войска, давать советы и т.п.» [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 64].

Однако на сообщение главы российского МИД через своего посла в Пекине об этом решении Комура заявил «в самых решительных и категоричных выражениях», что «договором, подписанным 4 ноября, Корея вверила заведывание своими дипломатическими сношениями Японии; поэтому пока без исключения дела, имеющие сколько-нибудь политический характер, будут находиться в ведении МИД в Токио, местные же дела имеют разрешаться в Сеуле Японским резидентом по соглашению с иностранными Консульскими представителями. Мы желали бы..., чтобы и все другие Дипломатические представители в Корею были отозваны, так как Корея несомненно отказалась в пользу Японии от права принимать и посылать Дипломатических Представителей. Мы, конечно, не будем требовать отзыва уже пребывающих ныне в Сеуле дипломатических Представителей, но Японское Правительство крайне затруднилось бы согласиться на допущение в Сеул нового Представителя дипломатического характера, каковым несомненно явился бы российский Дипломатический агент и Генеральный Консул» [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 73, л. 75].

Желая узнать отношение ведущих держав на утверждение японского правительства о назначении генеральных консулов в Сеуле в Токио и о том, что договоры иностранных держав с Кореей утратили силу, МИД России под руководством В.Н. Ламздорфа после получения ответа Комуры разослал соответствующий циркуляр российским представителям в Лондоне, Париже, Берлине, Вене, Риме и Вашингтоне, с предписанием выяснить точку зрения правительств, при которых они аккредитованы, на предмет заявления японского правительства о размещении Генеральных Консулов в Сеуле в Токио, так как Япония приняла руководство внешними отношениями Кореи и договоры иностранных держав с Кореей утратили силу. [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 74, л. 27].

Первым пришёл ответ из Берлина. Статс-Секретарь по иностранным делам О. фон Рихтгофен заявил Н.Д. Остен-Сакену, что «вопрос о назначении консулов в Корею не представляет для Берлинского Кабинета затруднений, так как у него находится всего один консул в Сеуле, которого и оставляют в этой должности на будущее время» и что в случае если Япония возбудит вопрос этот, то, по мнению барона Рихтгофена, Германия согласилась бы обратиться для получения нового экзекватуры в Токио. Что касается второго пункта

телеграммы Вашего Сиятельства, то Японская миссия в Берлине передала МИД текст последнего договора между Кореей и Японией при меморандуме, в коем заявляет, что, приняв на себя руководство внешними сношениями Кореи и наблюдение за исполнением существующих трактатов этой страны, Японское правительство озаботится их соблюдением и обязуется не наносить ущерба торговым и промышленным интересам других Держав в Корее» [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 74, л. 27].

Лансдаун в разговоре с Бенкендорфом заметил, что положения японо-корейского соглашения о прекращении иностранного дипломатического представительства в Сеуле представляются ему не противоречащими мирному договору между Россией и Японией, что ему известно о решении США отозвать своего посла из Кореи, и Англия, в ответ на желание, выраженное Японией, сделает то же самое. Бенкендорф на это заявил, что не видит ничего в Портсмутском договоре, что говорило бы о прекращении дипломатического представительства в Сеуле, на что Лансдаун не смог возразить [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 50].

Посланник в Риме Н.В. Муравьев сообщал 16(29) декабря 1905 г., что «Итальянское правительство получило от Японского Правительства сообщение о том, что, по состоявшемуся между Кореей и Японией соглашению, отныне корейские дипломатические дела будут вестись Японией, но никакого протеста Корейского Императора сюда не поступало, и о насильственных над ним действиях Титони узнал впервые от меня. По-видимому, Римский кабинет, не желая осложнений с Японией, «расположен уклониться от всякого участия в суждении о настоящем инциденте под предлогом неимения интересов в Корее»» [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 74, л. 35].

Госсекретарь США Рут по вопросу о назначении генеральных консулов заявил Розену, что «по отношению к Американскому правительству никакого вопроса по сему поводу не возникало, так как бывший там и ранее американский генеральный консул остаётся на своём посту, хотя посланник отозван и миссия упразднена». Рут заявил, что правительство в Вашингтоне «считает трактаты, заключённые с Кореей, остающимися в полной силе. Изменён лишь только порядок дипломатических сношений с Корейским Правительством. В этом смысле ему дано было заверение японским правительством...» [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 74, л. 36, 86].

А.И. Нелидов сообщал из Парижа 18(31) декабря 1905 г., что на заявление японского посланника о принятии Японией в своё заведывание внешних сношений Кореи французское правительство ответило, что «последует в этом отношении примеру других держав. Пока же заявило готовность не заменять уезжающего в отпуск своего генерального Консула, носящего титул посланника, лицом облечённым таким же дипломатическим званием». Что же касается до принципиального вопроса о совместимости притязаний японцев с договорными правами Держав, французское Министерство иностранных дел доверительно сообщило, что «не считает целесообразным поднимать этот вопрос в виду твёрдо выраженного Японией намерения настаивать на приобретённом ею праве руководить всеми внешними сношениями Кореи». Для назначения нового генерального консула в Сеуле Франция собиралась обратиться к японскому правительству [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 74, л. 37].

Последним был получен ответ от русского посла в Вене кн. Л.П. Урусова. Он сообщал, что японский посланник в Австрии Макино уведомил министра иностранных дел и

императорского дома А.М. Голуховского, что «отныне в силу заключённого договора между Японией и Кореей всякие отношения последней с иностранными державами будут заведываться Токийским кабинетом, и потому корейская миссия при венском дворе, пребывающая в Берлине, должна считаться упраздненной». Австрийский министр иностранных дел уведомил Макино, что корейская миссия была исключена из списка здешнего дипломатического корпуса. Кабинет не назначил в Сеуле ни дипломатического, ни консульского представителя, считая, что австрийских интересов, политических и коммерческих, в Корее не существует, потому и «не предвидят случая, когда бы пришлось обращаться в Токио на счёт назначения консулов в эту страну». На замечание Урусова, что Австрия имеет торговый договор с Кореей и что отмена его «самовольным постановлением третьей Державы непричастной к этому договору явилось бы важною новизною с точки зрения международного права, могущею послужить в будущем прецедентом», министр сказал, что «этого вопроса он не связывает с предыдущим. Он полагает, что для отмены или изменения существующих трактатов Кореи будут без сомнения ведены переговоры между Японией и Державами, и Венский Кабинет намерен уговориться с другими Правительствами касательно этого действительно важного вопроса». Урусов вынес впечатление, что австрийское правительство «очень желает остаться чуждым всех дел, относящихся до Кореи и совершенно устранившись от их решения» [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 74, л. 44].

К началу 1906 г. в Корее уже не оставалось иностранных представителей в ранге посланников или министров-резидентов. Все они по собственному почину держав были заменены консулами.

Попытки МИД России возобновить деятельность российской миссии в Сеуле не были поддержаны другими державами и поэтому не увенчались успехом. Жёсткая позиция, занятая министром иностранных дел Японии, вынудила МИД России согласиться на понижение ранга дипломатического представительства в Сеуле до уровня генерального консула, деятельность которого, однако, носила бы и «политический характер», и закрытие корейской миссии в Петербурге [Пак, 2004, с. 385; АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 74, л. 54–55; АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 93]. Кандидатом на пост был намечен Г.А. Плансон, сыгравший выдающуюся роль в поддержании дружественных русско-корейских отношений [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 70].

Плансон-Ростков 1-й Георгий Антонович, происходивший из потомственных дворян, родился в Харькове 25 марта 1859 г. Среднее образование получил в Смоленской гимназии. Окончив факультеты восточный (со званием действительного студента) и юридический (со степенью кандидата Санкт-Петербургского университета) в мае 1888 г., Плансон 24 апреля 1888 г. был определён на службу чиновником в Азиатском Департаменте МИД России.

Г.А. Плансон несомненно пользовался большим авторитетом в МИД. Занимая на протяжении своей жизни ключевые посты в системе российской дипломатической службы, он имел дело со всеми важнейшими для дальневосточной политики России конца XIX – начала XX в. проблемами. В 1896 г. встречал корейское посольство во главе с Мин Ёнхваном на границе и сопровождал его во время пребывания в России. 8 июня 1902 г. назначен чиновником по дипломатической части при главном начальнике Квантунской области. Управлял русской миссией в Пекине с 15 ноября 1902 г. 7 февраля 1904 г. был сделан начальником Дипломатической Канцелярии наместника на Дальнем Востоке в Порт-Артуре.

20 сентября 1904 г. поставлен на пост начальника походной Канцелярии по дипломатической части при полевом Штабе наместника на Дальнем Востоке, а после упразднения этой канцелярии в соответствии с царским указом от 18.06.1905 Плансон по приезде в С.-Петербург принимал активное участие в подготовке и проведении переговоров в Портсмуте с Японией, за что ему была объявлена 28 сентября 1905 г. «высочайшая» благодарность за проявленные им «чрезвычайное усердие и выдающиеся услуги как при подготовительной работе, так равно и во время переговоров о заключении мира с Японией». Был назначен генеральным консулом в Сеуле 31 декабря 1905 г. (12 января 1906 г.) [АВПРИ, ф. 159 «Формулярные списки чиновников МИД», оп. 464, д. 2661, л. 1–14 об.], где прослужил до своего отъезда в Петербург 19 ноября (2 декабря) 1907 г. [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 63, л. 18]. Донесения Плансона, человека очень наблюдательного, осведомлённого, были точны и достоверны, и его отношения с самыми влиятельными дипломатическими представителями, сложившиеся в Японии и Корее, имели огромное значение для последующего развития русско-корейских отношений. Сравнительно короткое время его пребывания на посту генерального консула в Сеуле было очень насыщенным и важным, и его ум и опыт в сложнейшее время оказались незаменимы. Его служение ознаменовалось участием в последних попытках корейского императора и его патриотически настроенных единомышленников восстановить независимость Кореи.

Тем временем в Токио не собирались допустить восстановления дипломатического представительства в Сеуле даже на пониженном уровне генерального консула. При встрече с Покотиловым Комура указал, чтобы переговоры по поводу назначения необходимо вести с японским правительством официальным путём через французского посланника в Токио, во-первых, потому, что «Япония взяла на себя руководство всеми вообще сношениями Кореи», а во-вторых, потому, что указом Корейского императора от 5 мая все договоры Кореи с Россией были денонсированы, из-за чего Россия может прибегнуть к праву назначения консулов в страну, исключительно базируясь на статье 2-й Портсмутского договора, по которой русским подданным даны права наиболее благоприятствуемой нации, но так как договор этот заключён Японией, то только чрез Токио может быть направлено дело о назначении в Сеул российского генерального консула [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 79, л. 19].

МИД России решительно отвергло требования Японии и предписало временному поверенному в Делах в Токио Г.А. Козакову [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 909, л. 3] объяснить новому японскому министру иностранных дел Т. Като, что «по существу своему факт упразднения договорных прав распоряжением одной из сторон, не вступившей к тому же в войну с другой, является беспримерным и не может быть оправдан ни юридическими, ни даже логическими соображениями, и мы не хотели бы даже допустить мысли, что японское правительство выступит официально с подобными притязаниями» [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 83, л. 24] и что объявление Кореей недействительности заключённых ею с Россией договоров с точки зрения принципов международного права не может быть допущено [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 83, л. 43].

В документах МИД России Г.А. Плансону, назначенному 31 декабря 1905 г. (12 января 1906 г.) генеральным консулом в Сеуле, определялись международный статус Кореи и основные принципы русской политики там. Инструкция была составлена МИД на основе

ранее написанной Плансоном по указанию Ламздорфа «Записки о Корее», удостоившейся 20 января 1906 г. собственноручной пометы Николая II: «Вполне одобряю взгляд этой записки». Инструкция исходила из того, что русско-корейские договоры 1884 и 1888 г. не были отменены на Портсмутской конференции и их действие могло прекратиться только после присоединения Кореи к Японии; независимость Кореи также не была отменена Портсмутским договором, хотя и становилась «призрачной» вследствие привилегий, предоставленных японцам. Россия согласно договору взяла на себя обязательство не вторгаться лишь в задевающие суверенитет Кореи указания японцев, сделанные с согласия корейского правительства. В случае отсутствия такого соглашения русское правительство имело полное право заявить Японии протест. В инструкции Плансону также указывалось, что на Портсмутской конференции ничего не было сказано о выводе русских войск из Кореи или запрещении России иметь там войска, плавать около корейских берегов, заниматься рыбными и прочими промыслами, заходить в корейские порты, устраивать там угольные склады и т.п., из чего следовало, что Россия могла в будущем исходить в этом вопросе исключительно из своих интересов [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 83, л. 30–39, 86–88].

В инструкции Г.А. Плансону от 16 февраля 1906 г. предписывалось по приезду в Сеул войти в официальные взаимоотношения с корейским правительством, избегая по возможности вторжения в действия японцев, пока они не преступают «русских интересов» и не возбуждают «серьёзных жалоб» со стороны корейского правительства; охранять права русскоподданных в Корее, предоставленные им как русско-корейскими договорами, так и по праву наиболее благоприятствуемой нации. В то же время Плансону поручалось найти такую форму отношений с корейским правительством, которая не возбудила бы недовольства и подозрений у правительства Японии [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 83, л. 30–39, 86–88]. Также Плансону было дано указание сообщить о наиболее предпочтительном выборе, в зависимости от обстановки местопребывания вице-консульства в Сеуле или Инчхоне, в Масампхо или Фузане, о замещении по прежнему вице-консульства в Кенхыне, об открытии консульств в иных пунктах, где имелись представители других держав. Кроме того, он должен был детально изучить положение дел в стране – не только при посредничестве консулов и секретных агентов, но и путём личного посещения наиболее важных центров, сообщая обо всём министру иностранных дел, передавая копии всех своих политических донесений посланникам в Токио и Пекине, а также приамурскому генерал-губернатору [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 63, л. 3–7]. В заключение Ламздорф обращал внимание Плансона на отношение к императору Кореи. Отмечая, что «с самого начала сношений России с Кореею до последних дней» он не переставал выказывать «полную преданность и безграничное доверие» России и потому при встрече с ним нужно, «тщательно воздерживаясь от всяких обещаний, которые могли бы внушить Его Величеству несбыточные надежды и быть может ухудшить его отношение к японцам, тем не менее всё же поддерживать в Нём уверенность в неизменном к нём благоволении Государя Императора» [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 63, л. 3–7]. Что касается ответа на ходатайства о помощи, присланные корейским императором в разное время в Петербург, Ламздорф дал указания Плансону словесно передать Коджону переданное ему на прощальной перед отъездом Плансона аудиенции 7(20) февраля 1905 г., приветствия Николая II: «Скажите императору, что я ему посылаю привет, желаю здоровья и долгого

благополучного царствования. Мы теперь не можем помочь Корее, потому что заняты внутренними делами и устройством границ. Но император не должен падать духом, а должен надеяться на лучшие времена. Моё к нему расположение неизменно» [АВПРИ, ф. 195 «Посольство в Токио», оп. 529, д. 196, л. 43].

Содержание инструкции генеральному консулу в Корее показывает, что Россия, потерпевшая в русско-японской войне поражение, опасаясь нового военного столкновения с Японией, вынуждена была считаться с её присутствием в Корее. Задача русской дипломатии в указанный период состояла в том, чтобы не допустить дальнейшего усиления японских позиций в Корее и предотвратить окончательную ликвидацию корейского государства. В отношении же независимости Кореи и суверенных прав корейского императора позиции российской дипломатии оставались прежними. Она стремилась к сохранению самостоятельного корейского государства и готова было отстаивать свои экономические интересы в Корее, особенно в её северных районах.

В документах МИД Плансону подтверждалось, что последний состоит российским представителем при корейском правительстве и ему следует принять консульскую экзекватуру от корейского императора, а не от японского, чего требовало японское правительство [Пак, 2004, с. 390; Григорцевич, 1965, с. 63–64]. Указанные требования правительства Японии шли вразрез с духом международных соглашений по корейскому вопросу. Российская сторона исходила из того, что независимость Кореи была признана протоколом Ниси-Розена 1898 г., удостоверена японо-корейским протоколом 23 февраля 1904 г. Согласно второй статье договора о протекторате 17 ноября 1905 г. все договоры Кореи, заключённые с другими государствами, оставались в силе.

Однако японское правительство при поддержке других держав отстаивало свою точку зрения. В январе 1906 г. временный поверенный в делах в Токио Г.А. Козаков, передавая Като о назначении Плансона генеральным консулом в Сеуле, спросил, какой будет порядок его вступления в должность. Като ответил, что Плансон «должен получить консульский экзекватур от японского правительства» [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 83, л. 57].

Во время объяснений с японским министром иностранных дел Сайондзи по поводу сообщённого ему решения японского правительства выдавать от своего имени экзекватуры русским консулам в Корее в феврале Козаков сделал запрос в меморандуме: «так как консульские экзекватуры даже в стране, не пользующейся полной самостоятельностью, выдаются по общепринятому порядку Главою Государства, то мне поручено просить японского министра сообщить юридические мотивы, на которых основано решение японского правительства самому выдавать экзекватуру иностранным консулам в Корее» и чем руководствуется министр иностранных дел, добиваясь выдачи экзекватуры российскому генеральному консулу в Корее японским правительством [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 83, л. 108].

Не имея возможности мотивировать такое решение никакими юридическими соображениями, Като ссылаясь на образ действий других держав в аналогичных случаях. Но главный его аргумент был следующим: «корейское правительство поручило японскому ведать через японское министерство иностранных дел внешними сношениями Кореи». Козаков возразил на это, что такое поручение, по-видимому, лишь возлагает на японское министерство помимо его прежних обязанностей также и функции корейского министерства

и иностранных дел; но «так как консульские экзекватуры, по общепринятому порядку, выдаются или главой государства и от его имени, то было бы логично, чтобы иностранным консулам в Корее экзекватуры выдавались японским министерством иностранных дел от имени корейского императора». Като настаивал на своём [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 909, л. 27–28, 30]. Размышляя о причинах заинтересованности японского правительства в признании русско-корейских договоров утратившими силу, Козаков делал вывод, что они заключались в том, что два из них – правила для сухопутной торговли 1888 г. и конвенция, предоставляющая российскому морскому ведомству концессию в Масанпо – несомненно давали России преимущества, которыми не пользовались другие державы [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 909, л. 28].

Российскому поверенному в делах в Токио было поручено вновь объяснить по этому вопросу с Като, указав на пример вассальной Турции Болгарии, где экзекватур выдаётся князем [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 83, л. 77].

В ответ Козаков уведомил, что японский МИД всё же настаивает на своём заявлении, ссылаясь на решение других держав [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 909, л. 28].

Сведения о переговорах Козакова с Като по вопросу о претензии японского правительства на право выдачи экзекватура русскому генеральному консулу в Сеуле были переданы Ламздорфом на заключение признанному авторитету в области международного права, члену русской делегации в Портсмуте, неременному члену Совета министра МИД России Ф.Ф. Мартенсу для выяснения юридических оснований, которые могла бы представить Россия в поддержку своей точки зрения [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 24]. Тогда же Ламздорф запросил А.И. Павлова о том, как могло бы быть оформлено вступление Плансона в должность и каким документом он мог быть снабжён для представления корейскому правительству [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 129]. Павлов считал, что подходящим решением было снабдить Плансона верительными письмами от российского министра иностранных дел на имя корейского министра иностранных дел, так же, как в случае самостоятельных до войны консульских представителей Германии и Бельгии, но без упоминания о дипломатическом характере консульского представительства. Однако предупреждал об ожидавшемся сразу по прибытии в Корею Ито Хиробуми, полном упразднении корейского МИД с переходом всех сношений с иностранными представителями в ведение японского генерального резидента [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 83, л. 119]. 2(15) марта 1906 г. Павлов сообщил об опубликовании 6 января указа об упразднении корейского МИД. Практика официальных сношений иностранных представителей с японским генеральным резидентом вступила в действие с 19 января (1 февраля) 1906 г. [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 83, л. 126].

После тщательного анализа материалов Ф.Ф. Мартенс пришёл к следующему важному заключению: требование японского правительства есть претензия, которая противоречит обязательным для России и Японии международным трактатам и не основана на установленной в международных отношениях практике. В пользу этого Мартенс приводил следующие доводы.

«I. На основании ещё не отменённых трактатов, заключённых между Россией, Японией и Кореей, последняя не перестала быть независимым государством. Эта независимость была признана трактатом 1898 г. между Россией и Японией и она последней державою ещё

признана февральским протоколом 1904 г., который корейский император был принуждён Японией подписать. Мало того: даже пресловутый акт самого корейского императора 4/17 ноября 1905 г, не признаваемый обязательным со стороны самого корейского императора, прямо не отменяет этой независимости. Очевидно, что для России не могут иметь обязательности международные акты, заключённые даже добросовестным образом, между Японией и Кореей. С другой стороны, такие акты никак не могут отменять международных трактатов или обязательств, заключённых между Россией и Кореей. Эти азбучные истины едва ли требуют особенных доказательств.

II. В настоящее время Портсмутский мирный трактат должен считаться последним словом для определения взаимно-обязательственных отношений между Россией и Японией по отношению к Корейской Империи. В этом акте ни единым словом, ни даже намёком не упраздняется международная независимость этого государства.

В силу III-й статьи этого трактата Россия признаёт первенство политических, военных и экономических интересов Японии в Корее, но больше ничего. Нет никакой логической возможности из этого постановления вывести заключения о согласии России упразднить международную независимость этого государства. Этого мало: в протоколах Портсмутской мирной конференции сохранение этой независимости констатировано самым положительным образом.

Отсюда логически следует, что если Япония намерена упразднить международную независимость Кореи, она должна не только принудить силою Корейского Императора подписать акт вроде протокола или трактата от 4/17 ноября 1905 г., но также добиться признания такого акта со стороны иностранных заинтересованных государств.

Таким образом всегда поступали Державы, присоединившие к своим владениям другие страны или устанавливавшие свой протекторат. Такое согласие может быть формальное или молчаливое, но оно должно быть налицо.

III. Но Япония не претендует на присоединение Кореи к своим владениям и не установила над этой страной своего признанного протектората. Отсюда следует, что экзекватур иностранных консулов должен быть выдаваем Корейским правительством, а не Японским.

Такое заключение вытекает из существа консульской должности. По общепризнанным началам консульские права и консульские конвенции экзекватур консулам выдаётся “территориальной” Верховной властью или “территориальным сувереном”, пока таким сувереном в Корее корейский император, от него зависит выдача экзекватура иностранным консулам.

Это положение неоспоримо в особенности в стране, как Корея, где существует консульская юрисдикция, где содействие местных корейских властей часто абсолютно необходимо для исполнения консулом своих судебных функций.

Наконец, консульская юрисдикция может быть отменена не иначе как с согласия заинтересованных государств. Это бесспорно. Когда Франция, в силу трактата 1881 г., подписанного в Бордо с Тунисом, получила формальный протекторат над этой африканской страной, она не отменила одним почерком пера консульскую юрисдикцию иностранных консулов. Она вступила по этому предмету в дипломатические переговоры с иностранными державами, которые добровольно отказались от своих неотъемлемых прав. Но этот отказ не был отречением от обязанности государства охранять законные интересы и права своих

граждан в Тунисе. Французское правительство обеспечило правильный и беспристрастный суд в пользу иностранцев...

В заключение позволяю себе думать что этот спорный юридический вопрос совершенно подходит под юрисдикцию Гаагского третейского суда: было бы чрезвычайно полезно для будущего времени и потребностей современной жизни народов вызвать Гаагский суд на определение понятия международного «протектората», выдачи экзекватура консулам и т.п.» [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 125].

Письмо Мартенса легло в основу секретного циркулярного письма министра иностранных дел Ламздорфа российским представителям за границей Остен-Сакену в Берлин, Нелидову в Париж, С.Д. Сазонову в Лондон, барону Розену в Вашингтон, отправленного 2(15) марта 1906 г. для передачи их правительствам великих держав, с помощью которого МИД России в который раз хотел привлечь внимание держав к тому, что требование Японии о выдаче экзекватура Генеральному Консулу в Корее незаконно и идёт вразрез с действующими международными трактатами и совсем не соответствует общепринятой в международных отношениях практике, и что Корея как суверенное государство имеет право непосредственных сношений с другими государствами, а иностранные консулы должны получать экзекватуры от территориального сюзерена, т.е. корейского императора, а не микадо. В секретной телеграмме Козакову было дано указание объясниться с японским министром иностранных дел, указав, что вопрос о порядке выдачи экзекватур имеет первостепенное значение, что может привлечь внимание других держав и поэтому «в интересах обеих сторон» «покончить его по обоюдному соглашению». В случае упорства Японии Россия предупреждала, что будет вынуждена прибегнуть к разрешению вопроса третейским судом в Гааге [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 130–131]. Россия тем самым пыталась вынести корейский вопрос на международное обсуждение с целью добиться непризнания державами японского протектората и осуждения действий Японии в международном суде [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 83, л. 122].

Однако инициатива России не была поддержана. В ответ на меморандум с изложением взглядов российского правительства на вопрос о том, какой властью должен быть выдаваем экзекватуры иностранным консулам в Корее, министр иностранных дел Великобритании Э. Грэй и помощник статс-секретаря Бэкон, заменяющий находящегося в отпуске Рута, поддержали в этом вопросе Японию, ссылаясь как на прецедент выдачи экзекватура иностранным консулам в Тунисе и Занзибаре не властями этого государства, а французским и великобританским правительствами [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 159–160, 164]. О поддержке германским правительством точки зрения Японии в деле выдачи экзекватура консулам в Корее сообщил статс-секретарь по иностранным делам фон Чиршки [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 153].

В вопросе о выдаче иностранным консулам экзекватур Япония продолжала твёрдо стоять на своём. Прибыв в Токио на пароходе «Принц Генрих» 12 апреля 1906 г., в основном для того, чтобы ближе познакомиться с Х. Ито и договориться по всем вопросам, Г.А. Плансон надеялся остаться в Токио несколько дней [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 176]. Но обстоятельства сложились иначе. Решения вопроса об экзекватуре ему пришлось ждать несколько месяцев в Imperial Hotel; патент был получен только в конце июля. Побеседовав с государственными деятелями Японии, он пришёл к убеждению, что «по вопросам об экзекватуре и о русско-корейских договорах японское правительство ни под

каким видом не отступится от высказанного им взгляда, что экзекватуры иностранных представителей в Корее должны быть выданы Японией и что Русско-Корейские договоры потеряли силу, ибо даже в Портсмутском договоре заменены оговоркою о правах наиболее благоприятствуемой нации». 24 апреля (7 мая) японский посол в Лондоне виконт Хаяси Тадасу передал Плансону, что Ито считает невозможным для Японии изменить отношение к этим вопросам, тем более что на получение экзекватуры от Японии уже изъявили согласие другие державы, что особенное значение «Ито придает вопросу об экзекватуре» и что Ито примет Плансона в качестве официального представителя России и приступит к обсуждению с ним «в самом примирительном духе» остальных вопросов, касающихся его положения в Корее, вступления в должность, формы официальных сношений «как только вопрос этот будет решён в благоприятном смысле» [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 84, л. 31–32]. На личной встрече с Плансоном в официальной резиденции на Ренандзака 15(28) мая Ито накануне своего отъезда в Оисо и Корею в ответ на просьбу Плансона посодействовать скорейшему отъезду в Сеул также поставил его в зависимость от разрешения вопроса о консульском патенте в желанном для Японии смысле [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 218].

После того, как державы, имеющие представителей в Корее, признали японскую точку зрения в вопросе о выдаче консулам экзекватуры, российская сторона вынуждена была отступить.

17 ноября 1905 г. Ито Хиробуми заставил корейское правительство подписать второй японо-корейский договор (Конвенция 17 ноября 1905 г.), согласно которому учреждался пост японского генерального резидента. Корея лишалась права проведения самостоятельной внешней политики.

Вплоть до смены курса российского правительства с приходом А.П. Извольского на пост министра иностранных дел в мае 1906 г. Россия, вынужденная признать преимущественные политические, военные и экономические интересы Японии в Корее, неизменно придерживалась принципа независимости и территориальной целостности Кореи, сохраняла приверженность курсу на непризнание соглашений, навязанных Японией Корее силой, и нарушающих верховные права корейского императора, и пыталась сохранить хотя бы ограниченный его суверенитет, используя дипломатические средства. Так, узнав о протесте корейского императора, российское Министерство иностранных дел пыталось убедить иностранные державы вмешаться и выразить протест против насильственно навязанного Корее договора о протекторате. Однако державы не поддержали инициативу России.

С целью сохранения существующего порядка дипломатических сношений российской дипломатией предпринимались попытки подтолкнуть правительства западных держав к совместному выступлению против настояний Токийского правительства о назначении Генеральных Консулов в Сеуле и Токио, упразднения корейских миссий при европейских дворах и денонсирования им договоров иностранных держав с Кореей.

В условиях, когда иностранные державы отзывали своих посланников в Сеуле, российская дипломатия пыталась противостоять притязаниям японского правительства на установление полного контроля над внутренней и внешней политикой Кореи, поднимая принципиальный вопрос о совместимости этих притязаний с договорными правами держав,

стремилась сохранить форму иностранного представительства в Корее и возобновить деятельность российской миссии в Сеуле, ссылаясь на русско-корейские договоры. Российское правительство стремилось усилить своё присутствие в Корее в условиях усиленного развития японских войск на севере Корейского полуострова, граничащего с российским Приморьем, которое может стать ближайшим объектом нападения.

Стремясь к сохранению самостоятельного корейского государства и недопущению дальнейшего усиления японских позиций в Корее, МИД России решительно отвергал требования и заявления Японии о назначении консулов в Корею лишь на основании второй статьи Портсмутского договора на правах наиболее благоприятствуемой нации и об упразднении русско-корейских договоров по настоянию японского правительства, понижении ранга дипломатического представительства в Сеуле. Жёсткая позиция, занятая правительством Японии, поддержанная державами, вынудила МИД идти на уступки.

Особо ожесточённый характер принял спор по вопросу о выдаче экзекватур иностранных консулов в Сеуле не главой государства, а японским правительством – вопрос, который считался краеугольным камнем отношений с Японией. МИД настаивал на том, что Генеральному Консулу как российскому представителю при корейском правительстве должно принять консульскую экзекватуру не от японского императора, а от корейского. Российская сторона исходила из того, что независимость Кореи была признана протоколом Ниси-Розена 1898 г., удостоверена японо-корейским протоколом 23 февраля 1904 г. В поддержку своей точки зрения российская сторона выдвигала веские юридические основания, в отличие от японцев, ссылавшихся на образ действий других держав в аналогичных случаях.

МИД и его представители за границей пытались привлечь внимание западных держав к тому факту, что требования Японии о выдаче экзекватура генеральному консулу в Корее незаконно и противоречит установленной в международных отношениях практике, и что Корея как суверенное государство имеет право непосредственных сношений с другими государствами, а иностранные консулы должны получать экзекватуры от территориального сюзерена. МИД также выступил с инициативой вынести корейский вопрос на международное обсуждение с целью добиться непризнания державами японского протектората и осуждения действий Японии в международном суде. Однако инициатива России не была поддержана.

К лету 1906 г. в правящих сферах России в полной мере проявилась борьба двух направлений в дальневосточной политике России. Сторонники первого направления высказывались за сближение с Японией, сторонники другого направления – за сближение с Англией и США против Японии. Немало противников соглашения с Японией было среди чинов Военного ведомства и Генерального штаба³. Постоянную угрозу русским дальневосточным владениям и Сибири в усилении Японии в Азии, и, в особенности, в Корее, овладев которой она создала прекрасный плацдарм для действий против России, видела военная администрация Приамурского края. Считая, не без основания, что закрепившись в северной Корее японские войска смогут осуществлять военные действия как в тылу Южно-Уссурийского края, так и против Маньчжурии, они относились с недоверием к уверениям об

³ Существовавшие в среде военного руководства реваншистские взгляды на положение России на Дальнем Востоке и методы укрепления его обороны ввиду неизбежности войны с Японией нашли отражение в статье кн. А.М. Волконского, командированного в 1897 г. в составе миссии Э.Э. Ухтомского в Пекин, 8 ноября 1906 г. в «Новом времени».

исключительно «оборонительном характере» мер японских властей и считали реальной угрозой закрытия Японией выхода России к Тихому океану и доступа к Печилийскому заливу.

С приходом А.П. Извольского, сторонника прагматичного курса на послевоенное урегулирование с Японией путём компромисса, раздела сфер влияния в виде отказа от Кореи в качестве компенсации за Маньчжурию, на пост министра иностранных дел 29 апреля (11 мая) 1906 г. в дальневосточной политике России одержала верх линия на сближение с Японией [Извольский, 2003, с. 4–5]. Это оказало непосредственное влияние и на политику русского правительства в отношении Кореи. Свои взгляды на то, какой политики нужно придерживаться России в Корее Извольский высказал в Париже ещё в первых числах марта 1906 г., в присутствии Нелидова, полностью разделявшего его мнение, что задача России в Корее «наблюдательная», что России «отнюдь не следует препятствовать хозяйничать там японцам, ибо чем более им будет в этом отношении представлено свободы, тем скорее они столкнутся с иностранцами, имеющими в Корее крупнейшие экономические интересы» и тогда России «останется только воспользоваться результатами столкновения» [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 17, л. 70].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 71. Л. 15: *Projet de note à l'Envoye de Corée*. 6/19 Septembre 1905.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 72. Л. 43: Проект секретной инструкции посланнику в Японию.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 72. Л. 7–8: Проект секретной телеграммы Нелидову в Париж, Остен-Сакену в Берлин, Розену в Вашингтон от 4(17) октября 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 73. Л. 41: Секретная телеграмма Нелидову в Париж, Остен-Сакену в Берлин, Розену в Вашингтон. СПб., 11(24) ноября 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 73. Л. 41: Проект секретной телеграммы Покотилову в Пекин. [11(24)] ноября 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 73. Л. 54: Секретная телеграмма Р.Р. Розена из Вашингтона от 14(27) ноября 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 73. Л. 55: Секретная телеграмма графа Остен-Сакена из Берлина от 15(28) ноября 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 73. Л. 58: Секретная телеграмма д.т.с. В. Муравьева из Парижа от 16(29) ноября 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 73. Л. 60: Секретная телеграмма д.т.с. Нелидова из Парижа от 17(30) ноября 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 73. Л. 71: Секретная телеграмма Покотилова в Пекин. Высоч.утв. 26 ноября (7 декабря) 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 73. Л. 75: Секретная телеграмма Покотилова в Пекин. Высоч.утв. 29 ноября (12 декабря) 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 74. Л. 10: Секретная телеграмма Р.Р. Розена из Вашингтона от 3/16 декабря 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 74. Л. 27: Проект секретной телеграммы российским представителям в Лондоне, Париже, Берлине, Вене, Риме и Вашингтоне. Высоч.утв. Царское село, 9 декабря 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 74. Л. 27: Секретная телеграмма Гр. Остен-Сакена, Берлин 14/27 декабря 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 74. Л. 35: Секретная телеграмма ст.секр. Муравьева, Рим 16/29 декабря 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 74. Л. 36: Секретная телеграмма Бар. Розена, Вашингтон 16/29 декабря 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 74. Л. 37: Секретная телеграмма Нелидова, Париж 18/31 декабря 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 74. Л. 44: Секретная телеграмма кн Урусова, Вена 23 декабря 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 74. Л. 54–55: Всеподданнейшая записка В.Н. Ламздорфа от 29 декабря 1905 г. (11 января 1906 г.)

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 74. Л. 86: Нота Статс Секретаря Рута Имп. Послу в Вашингтоне, от 16/29 дек 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 79. Л. 19: Секретная телеграмма Покотилова в Пекин. 7/20 декабря 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 83. Л. 24: Проект секретной телеграммы надворному советнику Козакову в Токио, Царское село, 17(30) января 1906 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 83. Л. 30–39: Записка Г.А. Плансона о Корее. СПб., 15(28) января 1906 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 83. Л. 43: Проект секретной телеграммы надв. сов. Козакову в Токио.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 83. Л. 57: Секретная телеграмма надв. сов. Козакова. Токио, 25 января / 7 февраля 1906 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 83. Л. 77: Секретная телеграмма надв. сов. Козакова. Токио, 31 января/13 февраля 1906 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 83. Л. 86–88: Проект секретной инструкции генеральному консулу в Корее статскому советнику Плансону от 3(16) февраля 1906 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 83. Л. 108: Секретная телеграмма надв. сов. Козакова. Токио, 15/28 февр. 1906 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 83. Л. 119: Секретная телеграмма Павлова. Шанхай. 26 февраля 1906 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 83. Л. 122: Проект секретного письма Российским представителям за границей. Высоч.утв. Царское село, 28 февраля (13 марта) 1906 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 83. Л. 126: Секретная телеграмма Павлова. Шанхай. 2 марта 1906 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 84. Л. 31–32: Секретная телеграмма Бахметьева. Токио, 25 апр/8 мая 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 17. Л. 70: Депеша Плансона Извольскому. Сеул, 23 февраля 1907 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 63. Л. 3–7: Проект секретной инструкции генеральному консулу в Корее статскому советнику Плансону от 3(16) февраля 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 63. Л. 18: Секретная телеграмма Плансона. Сеул, 18 ноября / 1 декабря 1907 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 21: *Projet de note à l'Envoye de Corée*. 6/19 Septembre 1905.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 24: Секретная телеграмма Павлова. Шанхай, 19 сентября / 2 октября 1905 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 31: Секретная телеграмма Покотилова. Пекин, 16/29 октября 1905 г. № 690.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 32: Секретная телеграмма российскому посланнику в Пекин, 18/31 октября 1905 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 38: Секретная телеграмма Р.Р. Розена из Вашингтона от 12(25) ноября 1905 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 46: Проект секретной телеграммы Российским представителям за границую.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 50: *Lettre du comte Benchendorff*. Londres, le 16/29 Novembre.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 51: Секретная телеграмма Гр. Остен-Сакен. Берлин 16/29 ноября 1905 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 56: Депеша д.т.с. Нелидова из Парижа от 24 ноября (6 декабря) 1905 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 61: Депеша д.т.с. Покотилова. Пекин, 28 ноября (10 декабря) 1905 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 70: Проект секретной телеграммы Покотилову в Пекин. 3 дек. 1905 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 93: Отношение директора 1-го департамента МИД Пр. Дел церемониальной экспедиции В.Е. Кониару.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 124: Письмо В.Н. Ламздорфа Ф.Ф. Мартенсу. 18 февраля 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 125: Письмо Ф.Ф. Мартенса В.Н. Ламздорфу. 25 февраля 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 129: Секретная телеграмма Павлову в Шанхай. 23 февраля 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 130–131: Секретная телеграмма надв. сов. Казакову в Токио. СПб, 23 февр 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 139–140: Записка 13(26) марта 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 153: Депеша гр. Остен-Сакена, 24 марта / 6 апреля 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 159–160: Копия ноты великобританского министра иностранных дел от 27 марта / 9 апреля 1906 г. на имя русского посла в Лондоне.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 164: Нота Бэкона, помощника статс-секретаря русскому послу в Вашингтоне. 16 апреля 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 176: Донесение Плансона Извольскому. Токио 13 мая 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 218: Донесение Плансона Извольскому. Токио 9/22 июня 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 909. Л. 3: Донесение Козакова Ламздорфу. Токио, 12 янв, 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 909. Л. 27–28: Секретная телеграмма надв. сов. Козакова. Токио, 17 февраля / 2 марта 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 909. Л. 30: Memorandum. Department of foreign affairs. Tokyo, February, 27, 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 909. Д. 48: Донесение Бахметьева Ламздорфу. Токио, 6(19) апреля 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 909. Л. 111: Донесение Бахметьева А.П. Извольскому. Токио 14 июня 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 909. Л. 113–126: Копия секретного донесения морского агента в Японии лейт. Воскресенского.

АВПРИ. Ф. 159 «Формулярные списки чиновников МИД». Оп. 464. Д. 2661. Л. 1–14 об.: Формулярный список о службе Г.А. Плансона.

АВПРИ. Ф. 195 «Посольство в Токио». Оп. 529. Д. 196. Л. 43: Инструкция генеральному консулу в Корее статскому советнику Г.А. Плансону от 7(20) февраля 1906 г.

Григорьевич С.С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917. Томск: Томский технический университет. 1965. 604 с.

Добрынин А.Ф. США и независимость Кореи (1904–1905 гг.) // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. Т. IV. 1947. С. 343–354.

Извольский А.И. Воспоминания. М.: Харвест, 2003. 224 с.

Пак Б.Д. Россия и Корея. М.: ИВ РАН. 2004. 520 с.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 250: л. 1 и об., 2: Письмо Чин Пом И [Ли Бодмжина] гр. Ламздорфу, министру иностранных дел. С.-Петербург, 1 сентября 1905 г.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 250. Л. 3 и об.: Письмо Чин Пом И [Ли Бодмжина] гр. Ламздорфу, министру иностранных дел. СПб., 30 сентября / 13 октября 1905 г.

Шулатов Я.А. На пути к сотрудничеству: российско-японские отношения в 1905–1914 гг. М.: ИВ РАН. 2008. 320 с.

Чосон кванге чояк чип : [Сборник договоров, имеющих отношение к Корее. 1876–1945]. Пхеньян, 1949.

British documents on the Origins of the War, 1898–1914. Vol. IV. Ed. G.P. Gooch. H.W.V. Temperley. London: HMSO. 1926.

Conroy Hilary. The Japanese Seizure of Korea 1868–1910. A Study of Realism and Idealism in International Relations. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 1960.

Korea. Treaties and Agreements. Washington. 1921.

Yi Taejin. Forced Treaties and Japan's Annexation of the Great Korean Empire: An Argument for the Illegality of the Annexation // International Legal Issues in Korea-Japan Relations. Seoul: Northeast Asian History Foundation, 2008. P. 37–38.

REFERENCES

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 71, list 15: Projet de note à l'Envoye de Corée. 6/19 Septembre 1905. (In French).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 72, list 43: Proyekt sekretnoy instruksii poslanniku v Yaponii [Draft secret instruction to the envoy in Japan]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 72, list 7–8: Proyekt sekretnoy telegrammy Nelidovu v Parizh, Osten-Sakenu v Berlin, Rozenu v Vashington ot 4 (17) oktyabrya 1905 g. [Draft secret telegram to Nelidov to Paris, Osten-Saken to Berlin, Rosen to Washington, October 4 (17), 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 73, list 41: Sekretnaya telegramma Nelidovu v Parizh, Osten-Sakenu v Berlin, Rozenu v Vashington. SPb., 11 (24) noyabrya 1905 g. [Secret telegram to Nelidov to Paris, Osten-Saken to Berlin, Rosen to Washington. SPb., November 11 (24), 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 73, list 41: Proyekt sekretnoy telegrammy Pokotilovu v Pekin. 11(24)] noyabrya 1905 g. [Draft secret telegram to Pokotilov in Beijing. [11 (24)] November 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 73, list 54: Sekretnaya telegramma R.R.Rozena iz Vashingtona ot 14 (27) noyabrya 1905 g. [Secret telegram from R.R.Rosen. Washington, November 14 (27), 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 73, list 55: Sekretnaya telegramma grafa Osten-Sakena iz Berlina ot 15 (28) noyabrya 1905 g. [Secret telegram from Count Osten-Sacken. Berlin, November 15 (28), 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 73, list 58: Sekretnaya telegramma d.t.s. V.Murav'yeva iz Parizha ot 16 (29) noyabrya 1905 g. [Secret telegram from V. Muraviev. Paris, November 16 (29), 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 73, list 60: Sekretnaya telegramma d.t.s. Nelidova iz Parizha ot 17 (30) noyabrya 1905 g. [Secret telegram from Nelidov. Paris, November 17 (30), 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 73, list 71: Sekretnaya telegramma Pokotilova v Pekin .Vysoch.utv.26 noyabrya (7 dekabrya) 1905 g. [Pokotilov's secret telegram to Beijing. By Imperial consolidation on November 26 (December 7), 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 73, list 75: Sekretnaya telegramma Pokotilova

v Pekin .Vysoch.utv.29 noyabrya (12 dekabrya) 1905 g. [Pokotilov's secret telegram to Beijing. By Imperial consolidation on November 29 (December 12), 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 74, list 10: Sekretnaya telegramma R.R.Rozena iz Vashingtona ot 3/16 dekabrya 1905 g. [Secret telegram from R.R.Rosen. Washington, December 3/16, 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 74, list 27: Proyekt sekretnoy telegrammy rossiiskim predstaviteleyam v Londone, Parizhe, Berline, Vene, Rime i Vashintone. Vysoch.utv. Tsarskoye selo, 9 dekabrya 1905 g. [Draft secret telegram to Russian representatives in London, Paris, Berlin, Vienna, Rome and Washington. By Imperial consolidation in Tsarskoye Selo, December 9, 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 74, list 27: Sekretnaya telegramma Osten-Sakena, Berlin 14/27 dekabrya 1905 g. [Secret telegram from Osten-Sacken. Berlin, December 14/27, 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 74, list 35: Sekretnaya telegramma st.sekr. Murav'yeva, Rim 16/29 dekabrya 1905 g. [Secret telegram of State secretary Muraviov. Rome, December 16/29, 1905].(In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 74, list 36: Sekretnaya telegramma Bar. Rozena, Vashington 16/29 dekabrya 1905 g. [Secret telegram by Baron Rosen. Washington, December 16/29, 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 74, list 37: Sekretnaya telegramma Nelidova, Parizh 18/31 dekabrya 1905 g. [Secret telegram from Nelidov. Paris, December 18/31, 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 74, list 44: Sekretnaya telegramma kn. Urusova, Vena 23 dekabrya 1905 g. [Secret telegram from Prince Urusov. Vienna, December 23, 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 74, list 54-55: Vsepoddanneyshaya zapiska V.N. Lamzdorfa ot 29 dekabrya 1905 g. (11 yanvarya 1906 g.) [Most loyal note by V.N. Lamsdorf of December 29, 1905 (January 11, 1906)]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 74, list 86: Nota Stats Sekretarya Ruta Imp. Poslu v Vashintone, ot 16/29 dekabrya 1905 g. [Note of State Secretary Root to Imp. Ambassador to Washington, December 16/29, 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 79, list 19: Sekretnaya telegramma Pokotilova v Pekin. 7/20 dekabrya 1905 g. [Secret telegram from Pokotilov to Beijing. December 7/20, 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 83, list 24: Projekt sekretnoy telegrammy nadvornomu sovetniku Kozakovu v Tokio, Tsarskoye selo, 17 (30) yanvarya 1906 g.) [Draft of a secret telegram to Kozakov in Tokyo. Tsarskoye Selo, January 17 (30), 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 83, list 30-39: Zapiska G.A. Plansona o Koreye. SPb., 15 (28) yanvarya 1906 g. [G.A. Planson' note about Korea. St. Petersburg, January 15 (28), 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 83, list 43: Projekt sekretnoy telegrammy nadv. sov. Kazakovu v Tokio. [Draft secret telegram to Kazakov in Tokyo]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 83, list 57: Sekretnaya telegramma nadv. sov. Kozakova. Tokio, 25 yanvarya/7 fevralya 1906 g. [Secret telegram by Kozakov. Tokyo, January 25 / February 7, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 83, list 77: Sekretnaya telegramma nadv. sov. Kozakova. Tokio, 31 yanvarya/13 fevralya 1906 g. [Secret telegram by Kozakov. Tokyo, January 31 / February 13, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 83, list 86-88: Projekt sekretnoy instruksii general'nomu konsulu v Koreye statskomu sovetniku Plansonu ot 3 (16) fevralya 1906 g. [Draft secret instruction to Consul General in Korea, Planson. February 3 (16), 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 83, list 108: Sekretnaya telegramma nadv. sov. Kozakova. Tokio, 15/28 fevr 1906 g. [Secret telegram by Kozakov. Tokyo, February, 15/28, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 83, list 119: Sekretnaya telegramma Pavlova. Shankhay. 26 fevralya 1906 g. [Pavlov's secret telegram. Shanghai. February 26, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 83, list 122: Projekt sekretnogo pis'ma Rossiyskim predstaviteleyam zagranitse. Vysoch. utv. Tsarskoye selo, 28 fevralya (13 marta) 1906 g. [Draft secret letter to Russian representatives abroad. By Imperial consolidation in Tsarskoye Selo, February 28 (March 13), 1906] (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 83, list 126: Sekretnaya telegramma Pavlova. Shankhay. 2 marta 1906 g. [Pavlov's secret telegram. Shanghai. March 2, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 84, list 31-32: Sekretnaya telegramma Bakhmet'yeva. Tokio, 25 apr/8 maya 1906 g. [Secret telegram by Bakhmetyev. Tokyo, Apr 25 / May 8, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 17, list 70: Depesha Plansona Izvol'skomu. Seul, 23 fevralya 1907 g. [Depeche by Planson to Izvol'sky. Seoul, February 23, 1907]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 63, list 3-7: Proyekt sekretnoy instruksii general'nomu konsulu v Koreye statskomu sovetniku Plansonu ot 3 (16) fevralya 1906 g. [Draft secret instruction to the Consul General in Korea, Planson. February 3 (16), 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 63, list 18: Sekretnaya telegramma Plansona. Seul, 18 noyabrya / 1 dekabrya 1907 g. [Secret telegram by Planson. Seoul, November 18 / December 1, 1907]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 21: Projet de note à l' Envoye de Corée. 6/19 Septembre 1905. (In French).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 24: Sekretnaya telegramma Pavlova. Shankhay, 19 sentyabrya/2 oktyabrya 1905 g. [Pavlov's secret telegram. Shanghai, September 19 / October 2, 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 31: Sekretnaya telegramma Pokotilova. Pekin, 16 /29 oktyabrya 1905 g. № 690. [Secret telegram by Pokotilov. Beijing, October 16/29, 1905, No. 690.]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 32: Sekretnaya telegramma rossiyskomu poslanniku v Pekin, 18 / 31 oktyabrya 1905 g. [Secret telegram to Russian envoy to Beijing, October 18/31, 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 38: Sekretnaya telegramma R.R.Rozena iz Vashingtona ot 12 (25) noyabrya 1905 g. [Secret telegram by R.R.Rosen from Washington. November 12 (25), 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 46: Proyekt sekretnoy telegrammy Rossiyskim predstavityam zagranitseyu. [Draft secret telegram to Russian representatives abroad]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 50: Lettre du comte Benchendorff. Londres, le 16/29 Novembre. [Letter from Count Benchendorff. London, November 16/29, 1905]. (In French).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 51: Sekretnaya telegramma Gr. Osten-Saken. Berlin 16/29 noyabrya 1905 g. [Secret telegram by Osten-Saken. Berlin, November 16/29, 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 56: Depesha d.t.s. Nelidova iz Parizha ot 24 noyabrya (6 dekabrya) 1905 g. [Depeche from Nelidov. Paris, November 24 (December 6), 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 61: Depesha d.t.s. Pokotilova. Pekin, 28 noyabrya (10 dekabrya) 1905 g. [Depeche by Pokotilov. Beijing, November 28 (December 10), 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 70: Proyekt sekretnoy telegrammy Pokotilovu v Pekin. 3 dek 1905 g. [Draft secret telegram to Pokotilov in Beijing. December 3, 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 93: Otnosheniye direktora 1go departamenta MID Pr. Del tseremonial'noy ekspeditsii V.Ye. Koniaru. [Relation of the director of the 1st department of the Ministry of Foreign Affairs to the Court ceremonial expedition V.E. Konyar]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 124: Pis'mo V.N. Lamzdorfa F.F. Martensu. 18 fevralya 1906 g. [Letter by V.N. Lamsdorf to F.F. Martens. February 18, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 125: Pis'mo F.F. Martensa V.N. Lamzdorfu. 25 fevralya 1906 g. [Letter from F.F. Martens to V.N. Lamsdorf. February 25, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 129: Sekretnaya telegramma Pavlovu v Shankhay. 23 fevralya 1906 g. [Secret telegram to Pavlov in Shanghai. February 23, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 130-131: Sekretnaya telegramma nadv. sov. Kazakovu v Tokio. SPb, 23 fevr 1906 g. [Secret telegram to Kazakov in Tokyo. St. Petersburg, February 23, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 139-140: Zapiska 13 (26) marta 1906 g. [Note. 13 (26) March 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 153: Depesha gr. Osten-Sakena, 24 marta/6 aprelya 1906 g. [Depeche by Osten-Saken. March 24 / April 6, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 159-160: Kopiya noty velikobritanskogo ministra inostrannykh del ot 27 marta /9 aprelya 1906 g. na imya rossiyskogo posla v Londone. [Copy of the note by British Foreign Minister addressed to the Russian ambassador in London. March 27/ April 9, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 164: Nota Bekona, pomoshchnika stats-sekretarya russkomu poslu v Vashingtone. 16 aprelya 1906 g. [Nota by Bacon, assistant Secretary of State, to Russian ambassador in Washington. April 16, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 176: Doneseniye Plansona Izvol'skomu. Tokio 13 maya 1906 g. [Depeche by Planson to Izvolsky. Tokyo, May 13, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 218: Doneseniye Plansona Izvol'skomu. Tokio 9/22 iyunya 1906 g. [Depeche by Planson to Izvolsky. Tokyo, June 9/22, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 3: Doneseniye Kozakova Lamzdorfu. Tokio, 12 yanv, 1906 g. [Depeche by Kozakov to Lamsdorf. Tokyo, Jan 12, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 909, list 27-28: Sekretnaya telegramma nadv. sov. Kozakova. Tokio, 17 fevralya/2 marta 1906 g. [Secret telegram by Kozakov. Tokyo, February 17 / March 2, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 909, list 30: Memorandum. Department of foreign affairs. Tokyo, February, 27, 1906).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 909, list 48: Doneseniye Bakhmet'yeva Lamzdorfu. Tokio, 6 (19) aprelya 1906 g. [Depeche by Bahmetyev to Lamzdorf. Tokyo, April 6 (19), 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 909, list 111: Doneseniye Bakhmet'yeva A.P Izvol'skomu. Tokio 14 iyunya 1906 g. [Depeche by A. Bahmetyev to P. Izvolsky. Tokyo, June 14, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 909, list 113–126: Kopiya sekretnogo doneseniya morskogo agenta v Yaponii ley. Voskresenskogo. [Copy of the secret report of the marine agent in Japan Lieutenant Voskresensky]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 159 «Formulyarnyye spiski chinovnikov MID», opis' 464, delo 2661, list 1–14 verso.: Formulyarnyy spisok o sluzhbe G.A. Plansona. [Record of service of G.A. Planson]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 195 «Posol'stvo v Tokio», opis' 529, delo 196, list 43: Instruktsiya general'nomu konsulu v Koreye statskomu sovetniku G. A. Plansonu ot 7 (20) fevralya 1906 g. [Instructions to the Consul General in Korea G.A. Planson of February 7 (20), 1906]. (In Russian).

Choson kwangae choyak jip [Collection of treaties relating to Korea]. (1948). Phengyang. (In Korean).

Conroy, Hilary. (1960). The Japanese Seizure of Korea 1868–1910, in *A Study of Realism and Idealism in International Relations*, Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Dobrynin, A.F. (1947). SShA i nezavisimost' Korei (1904–1905), *Izvestiya Akademii Nauk SSSR, Seriya istorii i filosofii*, Vol. IV: 343–354. (In Russian).

Gooch, G.P. and H.W.V. Temperley (eds.). (1926). British documents on the Origins of the War, 1898–1914. (1926), Vol. IV, London: HMSO.

Grigortsevich, S.S. (1965). Dal'nevostochnaya politika imperialisticheskikh derzhav v 1906–1917 [The Far Eastern policy of the imperialist powers in 1906–1917], Tomsk: Tomskiy tekhnicheskii universitet. (In Russian).

Izvol'sky, A.I. (2003). Vospominaniya [Memories], Moscow: Harvest. (In Russian).

Korea. Treaties and Agreements. (1921). Washington.

Pak, B.D. (2004). Rossiia i Koreya [Russia and Korea], Moscow: IV RAN. (In Russian).

Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive], Fond 2000, opis' 1, delo 250, list 1 and verso., 2: Pis'mo Chin Pom I [Li Bomdzhin] gr. Lamzdorfu, ministru inostrannykh del [Letter by Chin Pom I [Li Bomdzhin] to Count Lamsdorf, Minister of Foreign Affairs]. St. Petersburg, September 1, 1905.

Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive], Fond 2000, opis' 1, delo 250, list 3 and verso: Pis'mo Chin Pom I [Li Bomdzhin] gr. Lamzdorfu, ministru inostrannykh del [Letter by Chin Pom I [Li Bomdzhin] to Count Lamsdorf, Minister of Foreign Affairs]. St. Petersburg, September 30 / October 13, 1905.

Shulatov, Y.A. (2008). Na puti k sotrudnichestvu: russko-yaponskiye otnosheniya v 1905–1914 godakh [On the way to cooperation: Russian-Japanese relations in 1905–1914], Moscow: IV RAN. (In Russian).

Yi Taejin. (2008). Forced Treaties and Japan's Annexation of the Great Korean Empire: An Argument for the Illegality of the Annexation, in *International Legal Issues in Korea-Japan Relations*, Seoul: Northeast Asian History Foundation: 37–38.

Поступила в редакцию 20.09.2019

Received 20 September 2019

Для цитирования: Пак Б.Б. Насильственное установление японского протектората над Кореей и усилия российской дипломатии по восстановлению суверенитета Кореи // Японские исследования. 2019. № 4. С. 120–150. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10032

For citation: Pak B.B. (2019). Nasil'stvennoye ustanovleniye yaponskogo protektorata nad Koreyey i usiliya rossiyskoy diplomatii po vosstanovleniyu suvereniteta Korei [Forcing Japanese protectorate over Korea and Russian diplomacy efforts to restore Korean sovereignty], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 4: 120–150. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10032

Библиографический перечень публикаций в журнале «Японские исследования» за 2019 год

Афонасьева А.В. Экономические и интеллектуальные ресурсы китайской диаспоры в Японии // Японские исследования. 2019. № 1. С. 94–110. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10006

Борькина А.Ю. Миры произведений «Токайдотю хидзакуригэ» и «Укиёбуро»: «антимир» и «идеальный мир» // Японские исследования. 2019. № 3. С. 23–32. (На англ.) DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10018

Герасимова М.П. Сиба Рётаро: очерки о России и национальное самосознание автора // Японские исследования. 2019. № 3. С. 6–22. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10017

Гуревич Т.М., Изотова Н.Н. Энтомологический код японской культуры // Японские исследования. 2019. № 1. С. 73–93. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10005

Дацышен В.Г., Ипеева А.А. Японское присутствие на Дальнем Востоке России накануне и в начале Второй мировой войны // Японские исследования. 2019. № 2. С. 109–126. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10014

Долин А.А. Песни «весёлых кварталов» как литературный феномен эпохи Эдо // Японские исследования. 2019. № 2. С. 40–62. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10011

Дьячков И.В. Историческая память и политика: проблема «женщин для утешения» в современных южнокорейско-японских отношениях // Японские исследования. 2019. № 4. С. 72–87. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10029

Ермакова Л.М. Г.Г. Ксимилов и его «Очерк истории современной японской литературы 1868–1906» (Из истории отечественного японоведения) // Японские исследования. 2019. № 1. С. 111–134. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10007

Забережная О.А. «Спор о бессюжетном романе»: литературные дискуссии Акутагава и Танидзаки // Японские исследования. 2019. № 4. С. 60–71. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10028

Киреева А.А. О XI ежегодной конференции Ассоциации японоведов «Япония и Россия в эпоху великих трансформаций» // Японские исследования. 2019. № 1. С. 135–142. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10008

Кистанов В.О. Отношения между Японией и Южной Кореей: проблемы, тенденции, перспективы // Японские исследования. 2019. № 3. С. 33–48. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10019

Кужель Ю.Л. Миссия японцев в Новую Испанию и Европу в годы Кэйтё // Японские исследования. 2019. № 4. С. 24–38. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10026

Кульнева П.В. Место исторической памяти в восприятии Китая японским обществом // Японские исследования. 2019. № 4. С. 103–119. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10031

Лексютина Я.В. Вызов «возвышающегося» Китая для Японии в контексте нормализации китайско-японских отношений в 2014–2018 гг. // Японские исследования. 2019. № 3. С. 62–83. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10021

Марьясис Д.А. Как трудятся люди в Стране восходящего солнца // Японские исследования. 2019. № 3. С. 128–133. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10024

Маслова А.В. Взгляды Мисима Юкио на послевоенное устройство Японии в ранней эссеистике на примере эссе «Рассуждение о новом фашизме» // Японские исследования. 2019. № 3. С. 112–127. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10023

Мещеряков А.Н. Этнолог Янагита Кунио об окинавском происхождении японцев // Японские исследования. 2019. № 1. С. 39–50. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10003

Муратшина К.Г. Япония и Договор о запрещении ядерного оружия // Японские исследования. 2019. № 4. С. 6–23. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10025

Нечаева Л.Т. О международной научно-практической конференции «Японский язык в образовательном пространстве» // Японские исследования. 2019. № 2. С. 127–133. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10015

Пак Б.Б. Насильственное установление японского протектората над Кореей и усилия российской дипломатии по восстановлению суверенитета Кореи // Японские исследования. 2019. № 4. С. 120–150. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10032

Паксютов Г.Д. Экономическое значение японской «индустрии контента» // Японские исследования. 2019. № 1. С. 51–72. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10004

Панов А.Н. Советско-японская Совместная декларация 1956 года: сложный путь к подписанию, нелёгкая судьба после ратификации // Японские исследования. 2019. № 2. С. 63–94. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10012

Пасивкина С.А. Интерпретация понятия *укиё* в «Повести о зыбком мире» («Укиё моногатари», 1665 г.) писателя Асаи Рёи // Японские исследования. 2019. № 1. С. 6–19. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10001

Садокова А.Р. Локальные предания о Минамото-но Ёритомо в системе японской фольклорной прозы // Японские исследования. 2019. № 3. С. 49–61. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10020

Сафронова Е.И. К вопросу о соперничестве Японии и Китая в Африке и Латинской Америке // Японские исследования. 2019. № 3. С. 84–111. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10022

Сахарова Е.Б. Дискуссионные проблемы современной японистики // Японские исследования. 2019. № 2. С. 134–143. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10016

Синицын А.Ю. Коллекция В.Л. Серошевского (МАЭ № 831) как первая в отечественной этнографии целевая подборка визуально-иллюстративных и предметно-тематических материалов по традиционным японским фаллическим культам // Японские исследования. 2019. № 4. С. 39–59. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10027

Спиридонов Г.Б. Синтоистские паланкины: прошлое и настоящее // Японские исследования. 2019. № 2. С. 20–39. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10010

Стрельцов Д.В. «Система 1955 года» как уникальный исторический феномен // Японские исследования. 2019. № 4. С. 88–102. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10030

Толстогузов С.А. Посольство в Америку 1860 г. и проблема обменных курсов // Японские исследования. 2019. № 1. С. 20–38. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10002

Швыдко В.Г. «Абэномика»: смена концепции // Японские исследования. 2019. № 2. С. 95–108. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10013

Щепкин В.В. Ватанабэ Кадзан (1793–1841) и его сочинение «Об [удобном] моменте для [проявления] благоразумия» // Японские исследования. 2019. № 2. С. 6–19. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10009

The bibliographic list of publications in “Japanese Studies in Russia” for 2019

Afonaseva A.V. (2019). Ekonomicheskiye i intellektual'nyye resursy kitayskoy diaspory v Yaponii [Economic and intellectual resources of overseas Chinese in Japan], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 1: 94–110. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10006

Borkina A.Yu. (2019). The Fictional Worlds of *Tōkaidōchū hizakurige* and *Ukiyoburo*: the “Anti-World” and the “Idealistic World”, *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 3: 23–32. (In English). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10018

Datsyshen V.G., Ipeeva A.A. (2019). Yaponskoye prisutstviye na Dal'nem Vostoke Rossii nakanune i v nachale Vtoroy mirovoy voyny [Japanese presence in the Far East of Russia on the eve and at the beginning of the Great Patriotic War], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 2: 109–126. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10014

Dolin A.A. (2019). Pesni «vesyolykh kvartalov» kak literaturnyy fenomen epokhi Edo [Songs of the licensed quarters as a literary phenomenon of the Edo period], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 2: 40–62. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10011

Dyachkov I.V. (2019). Istoricheskaya pamyat' i politika: problema “zhenshchin dlya utesheniya” v sovremennykh yuzhnokoreysko-yaponskikh otnosheniyakh [Collective memory and politics: “Comfort women” in current relations between South Korea and Japan], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 4: 72–87. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10029

Ermakova L.M. (2019). Ksimidov i ego «Ocherk istorii sovremennoy yaponskoy literatury 1868–1906» (Iz istorii otechestvennogo yaponovedeniya) [G.G. Ksimidov and his “Outline of the contemporary Japanese literature (1868–1906)” (From the history of Japanese studies in Russia)], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 1: 111–134. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10007

Gerasimova M.G. (2019). Siba Ryotaro: ocherki o Rossii i natsional'noye samosoznaniye avtora [Shiba Ryotaro: essays on Russia and the author's national identity], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 3: 6–22. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10017

Gurevich T.M., Izotova N.N. (2019). Entomologicheskiy kod yaponskoy kul'tury [The entomological code of Japanese culture], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 1: 73–93. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10005

Kireeva A.A. (2019). O XI ezhegodnoy konferentsii Assotsiatsii yaponovedov «Yaponiya i Rossiya v epokhu velikikh transformatsiy» [Eleventh annual conference of the Russian Association of Japanologists “Japan and Russia in the Era of Great Transformations”], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 1: 135–142. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10008

Kistanov V.O. (2019). Otnosheniya mezhdru Yaponiyey i Yuzhnoy Koreyey: problemy, tendentsii, perspektivy [Relations between Japan and South Korea: problems, trends, perspectives], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 3: 33–48. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10019

Kulneva P.V. (2019). Mesto istoricheskoy pamyati v vospriyatii Kitaya yaponskim obshchestvom [The place of historical memory in perception of China by Japanese society], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 4: 103–119. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10031

Kuzhel Yu.L. (2019). Missiya yapontsev v Novuyu Ispaniyu i Evropu v gody Keytyo [Japanese mission to New Spain and Europe in the Keicho Years], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 4: 24–38. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10026

Leksyutina Ya.V. (2019). Vyzov «vozvyshayushchegosya» Kitaya dlya Yaponii v kontekste normalizatsii kitaysko-yaponskikh otnosheniy v 2014–2018 gg. [Japan’s China challenge within the context of normalization of Sino-Japanese relations in 2014–2018], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 3: 62–83. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10021

Maryasis D.A. (2019). Kak trudyatsya lyudi v Strane voskhodyashchego solntsa [How people work in the Land of the Rising Sun], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 3: 128–133. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10024

Maslova A.V. (2019). Vzglyady Misima Yukio na poslevoyennoye ustroystvo Yaponii v ranney esseistike na primere esse “Rassuzhdeniye o novom fashizme” [Mishima Yukio's perception of the post-war state structure of Japan on the example of the essay “The Reasoning on the New Fascism”], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 3: 112–127. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10023

Meshcheryakov A.N. (2019). Etnolog Yanagita Kunio ob okinavskom proiskhozhdenii yapontsev [Ethnologist Yanagita Kunio on the Okinawan origin of the Japanese], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 1: 39–50. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10003

Muratshina K.G. (2019). Yaponiya i Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya [Japan and the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 4: 6–23. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10025

Nechaeva L.T. (2019). O mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Yaponskiy yazyk v obrazovatel'nom prostranstve» [About the international scientific-practical conference “Japanese Language in Educational Space”], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 2: 127–133. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10015

Pak B.B. (2019). Nasil'stvennoye ustanovleniye yaponskogo protektorata nad Koreyey i usiliya rossiyskoy diplomatii po vosstanovleniyu suvereniteta Korei [Forcing Japanese protectorate over Korea and Russian diplomacy efforts to restore Korean sovereignty], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 4: 120–150. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10032

Paksiutov G.D. (2019). Ekonomicheskoye znachenie yaponskoy “industrii kontenta” [Economic contribution of Japan’s content industry], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 1: 51–72. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10004

Panov A.N. (2019). Sovetsko-yaponskaya Sovmestnaya deklaratsiya 1956 goda: slozhnyy put’ k podpisaniyu, nelëgkaya sud’ba posle ratifikatsii [The Soviet-Japanese Joint Declaration of 1956: a difficult path to signing, a hard destiny after the ratification], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 2: 63–94. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10012

Pasivkina S.A. (2019). Interpretatsiya ponyatiya ukiyo v “Povesti o zbybkom mire” (“Ukiyo monogatari”, 1665 g.) pisatelya Asai Ryoi [The interpretation of the notion of ukiyo in “Ukiyo-monogatari” (1665) by Asai Ryoi], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 1: 6–19. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10001

Sadokova A.R. (2019). Lokal’nyye predaniya o Minamoto-no Yoritomo v sisteme yaponskoy fol’klornoy prozy [Local legends about Minamoto-no Yoritomo in the system of Japanese folk tales], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 3: 49–61. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10020

Safronova E.I. (2019). K voprosu o sopernichestve Yaponii i Kitaya v Afrike i Latinskoy Amerike [On the Japan-China rivalry in Africa and Latin America], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 3: 84–111. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10022

Sakharova E.B. (2019). Diskussionnyye problemy sovremennoy yaponistiki [Debatable issues of modern japanology], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 2: 134–143. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10016

Shchepkin V.V. (2019). Vatanabe Kadzan (1793–1841) i ego sochineniye «Ob [udobnom] momente dlya [proyavleniya] blagorazumiya» [Watanabe Kazan and his essay “On the [Favorable] Moment [to Display] Reasonableness”], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 2: 6–19. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10009

Shvydko V.G. (2019). “Abenomika”: smena kontseptsii [“Abenomics”: a change in the concept], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 2: 95–108. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10013

Sinitsyn A.Yu. (2019). Kolleksiya V.L. Seroshevskogo (MAE No. 831) kak pervaya v otechestvennoy etnografii tselevaya podborka vizual’no-illyustrativnykh i predmetno-tematicheskikh materialov po traditsionnym yaponskim fallicheskim kul’tam [The W.L. Seroshevsky collection (MAE No. 831) as the first targeted acquisition of visual and thematic materials on Japanese traditional phallic cults in Russian ethnography], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 4: 39–59. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10027

Spiridonov G.B. (2019). Sintoistskiye palankiny: proshloye i nastoyashcheye [Portable Shinto shrines: past and present], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 2: 20–39. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10010

Streltsov D.V. (2019). “Sistema 1955 goda” kak unikal’nyy istoricheskiy fenomen [The System of 1955 as a unique historical phenomenon], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 4: 88–102. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10030

Tolstoguzov S.A. (2019). Posol’sstvo v Ameriku 1860 g. i problema obmennyykh kursov [The 1860 Japanese diplomatic mission to America and the matter of exchange rates], *Yaponskiye*

issledovaniya [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 1: 20–38. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10002

Zaberezhnaya O.A. (2019). “Spor o bessyuzhetnom romane”: literaturnyye diskussii Akutagavy i Tanidzaki [The “Plotless Novel” debate: literary discussion between Akutagawa Ryunosuke and Tanizaki Jun’ichiro], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 4: 60–71. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10028

Научное издание

Японские исследования

№ 4, 2019

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Выпускающий редактор:	Е.В. Белилина
Компьютерная вёрстка:	Т.И. Суркова
Редактор сайта:	О.И. Казаков
Дата публикации:	25.12.2019

Контакты:

- *Адрес:* Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru
- *Тел.:* +7 (499) 124 08 02

Scientific edition

Japanese Studies in Russia

No. 4, 2019

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Publishing editor:	E.V. Belilina
Layout:	T.I. Surkova
Web-Site editor:	O.I. Kazakov
Date of issue:	25 December 2019

Contacts:

- *Address:* Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russia.
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru
- *Tel.:* +7 499 124 02 13 (Foreign Relations Dept. of IFES RAS)

www.japanjournal.ru

日
本
研
究